МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР

ИЗ5 II 151

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ КАНУНА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ТОМ II

АРХИВ ДИРКСЕНА

(1938–1939 гг.)

И35
151

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ КАНУНА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ТОМ II

АРХИВ ДИРКСЕНА

(1938—1939г.г.)

16 XII

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

946926

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1948

ПРЕДИСЛОВИЕ

В числе германских архивных фондов, захваченных в качестве трофеев Советской Армией, имеется архив бывшего германского посла в Москве, Токио и Лондоне Герберта фон Дирксена, находившийся в Гредицберге, в поместье Дирксена.

В большей своей части архив Дирксена представляет фамильный и деловой архив землевладельца, в меньшей — архив дипломата. Последний состоит:

во-первых, из машинописных копий служебных телеграмм, писем и донесений Дирксена, который оставлял для себя экземпляр, обычно имеющий пометку «для господина посла» («für Herrn Botschafter»);

во-вторых, из служебных и личных писем, поступавших к Дирксену из министерства иностранных дел и от отдельных немецких дипломатов. Эти

письма имеются в подлинниках, собственноручно подписанных авторами, и в большинстве случаев написаны на официальных или именных бланках. Они испещрены подчёркиваниями цветным карандашом и иногда содержат на полях заметки, сделанные рукой Дирксена.

Копии телеграмм, донесений и писем Дирксена либо собственноручно им завизированы, либо же под ними напечатано на машинке: «подписал фон Дирксен» («gez. von Dirksen») [1].

Более или менее полно в архиве Дирксена представлена его переписка за время пребывания на посту посла в Лондоне, хотя и в этой части архива Дирксена оказались пробелы. Обнаруженная в архиве Дирксена переписка, относящаяся к предыдущим годам его деятельности, носит отрывочный характер.

Оригиналы публикуемых документов архива Дирксена принадлежат к следующим категориям:

1. Машинописные копии телеграмм, донесений и писем Дирксена министерству иностранных дел.

2. Машинописные копии расшифрованных телеграмм министерства иностранных дел на имя Дирксена.

---

[1] В немногих случаях, когда документы этого рода не имеют подписи и авторство Дирксена устанавливается сопоставлением документа с документами, адресованными Дирксену, ответом на которые этот документ является, или же его содержанием, подпись Дирксена под публикуемым текстом дана в квадратных скобках.

3. Подлинники официальных инструктивных или информационных писем руководящих чиновников министерства иностранных дел и сотрудников германского посольства в Лондоне на имя Дирксена.

4. Подлинники неофициальных писем руководящих чиновников министерства иностранных дел Дирксену.

5. Подлинники частных писем, адресованных Дирксену его сослуживцами и политическими друзьями.

6. Копии частных писем Дирксена его сослуживцам и политическим друзьям.

7. Записи бесед Дирксена с иностранными дипломатами и политическими деятелями.

8. Записки, составленные Дирксеном для министерства иностранных дел.

Все документы, за немногими исключениями, публикуются в переводе с немецкого на русский язык; переводы с других языков оговариваются в каждом случае особо. Документы расположены в хронологическом порядке.

Подчёркивания в тексте публикуемых документов воспроизводятся только в тех случаях, если они сделаны автором публикуемого документа, но не его получателем. Многочисленные подчёркивания, сделанные получателем, то-есть Дирксеном, по общему правилу, опускаются, так же как и карандашные пометки, не представляющие интереса.

Подстрочные примечания к тексту документов принадлежат во всех случаях редакции сборника.

В приложении в конце сборника публикуются: документы из неслужебной переписки Дирксена (Приложение I) и два письма германского посла в Париже Вельчека (Приложение II).

Настоящий сборник подготовлен к печати Архивным Управлением МИД СССР.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ

1. Письмо редактора «Дейли мейл» Кренфильда германскому послу в Лондоне Дирксену от 5 мая 1938 г. 11
2. Письмо германского посла в Лондоне Дирксена редактору «Дейли мейл» Кренфильду от 6 мая 1938 г. 15
3. Письмо младшего статс-секретаря германского МИД Вермана германскому послу в Лондоне Дирксену от 28 мая 1938 г. 16
4. Донесение германского посла в Лондоне Дирксена министерству иностранных дел от 10 июля 1938 г. 22
5. Письмо германского поверенного в делах в Лондоне Кордта статс-секретарю Вейцзекеру от 23 августа 1938 г. 35
6. Письмо германского поверенного в делах в Лондоне Кордта послу Дирксену от 29 августа 1938 г. 38

7. Письмо германского поверенного в делах в Лондоне Кордта послу Дирксену от 1 сентября 1938 г. 43
8. Письмо германского поверенного в делах в Лондоне Кордта германскому послу Дирксену от 15 сентября 1938 г. 51
9. Телеграмма германского поверенного в делах в Лондоне Кордта министерству иностранных дел от 15 сентября 1938 г. 53
10. Письмо председателя англо-германской торговой палаты в Лондоне Маркау начальнику торгово-политического отдела германского МИД Вилю от 17 ноября 1938 г. 56
11. Письмо германского посла в Лондоне Дирксена начальнику торгово-политического отдела МИД Германии Вилю от 17 декабря 1938 г. 59
12. Донесение германского посла в Лондоне Дирксена министерству иностранных дел от 10 июля 1939 г. 61
13. Записка германского посла в Лондоне Дирксена о беседе Вольтата с Г. Вильсоном и Хадсоном от 21 июля 1939 г. 70
14. Донесение германского посла в Лондоне Дирксена министерству иностранных дел от 24 июля 1939 г. 78
15. Запись телефонного разговора германского посла в Лондоне Дирксена с Горацием Вильсоном и Ормом Сарджентом от 24 июля 1939 г. . 84
16. Обзор английской печати с 10 по 24 июля 1939 г., составленный советником германского посольства в Лондоне Хессе от 24 июля 1939 г. 87
17. Телеграмма германского министра иностранных дел Риббентропа послу в Лондоне Дирксену от 31 июля 1939 г. 99

18. Донесение германского посла в Лондоне Дирксена министерству иностранных дел от 31 июля 1939 г. 100
19. Телеграмма статс-секретаря германского министерства иностранных дел Вейцзекера послу в Лондоне Дирксену от 31 июля 1939 г. . 103
20. Донесение германского посла в Лондоне Дирксена министерству иностранных дел от 31 июля 1939 г. 107
21. Донесение германского посла в Лондоне Дирксена статс-секретарю министерства иностранных дел Вейцзекеру от 1 августа 1939 г. . . 116
22. Донесение германского посла в Лондоне Дирксена статс-секретарю министерства иностранных дел Вейцзекеру от 1 августа 1939 г. с приложением записи беседы Кордта с Р. Бакстоном 119
23. Запись беседы германского посла в Лондоне Дирксена с лордом Кемсли от 2 августа 1939 г. 128
24. Донесение германского посла в Лондоне Дирксена министерству иностранных дел от 3 августа 1939 г. с приложением записи беседы Дирксена с Горацием Вильсоном 131
25. Запись беседы германского посла в Лондоне Дирксена с Галифаксом от 9 августа 1939 г. . 143
26. Запись беседы германского посла в Лондоне Дирксена с итальянским послом в Берлине Аттолико (без даты) 151
27. Письмо германского посла в Лондоне Дирксена статс-секретарю германского министерства иностранных дел Вейцзекеру от 19 августа 1939 г. с приложением записки о предполагаемой позиции Англии в случае германо-польского конфликта 155

28. Письмо чиновника для особых поручений Вольтата германскому послу в Лондоне Дирксену от 25 августа 1939 г. 165
29. Обзорная записка германского посла в Лондоне Дирксена (май 1938 г. — август 1939 г.) 169

Приложение I.

Из личной (неслужебной) переписки Дирксена.

1. Письмо германского посла в Москве Дирксена председателю «Имперского союза объединений германских работодателей сельского и лесного хозяйства» Вангенгейму от 22 июля 1931 г. 233
2. Письмо Ф. Штумма германскому послу в Лондоне Дирксену от 2 мая 1938 г. 240
3. Письмо германского посланника в Каире Ов-Вахендорфа германскому послу в Лондоне Дирксену от 19 мая 1938 г. 243
4. Письмо германского посла в Лондоне Дирксена германскому посланнику в Каире Ов-Вахендорфу от 1 июня 1938 г. 250

Приложение II.

Донесения германского посла в Париже Вельчека.

1. Письмо германского посла в Париже Вельчека министру иностранных дел Нейрату от 26 декабря 1936 г. 257
2. Донесение германского посла в Париже Вельчека министерству иностранных дел от 18 февраля 1939 г. 268

№ 1

ПИСЬМО РЕДАКТОРА «ДЕЙЛИ МЕЙЛ» КРЕНФИЛЬДА ГЕРМАНСКОМУ ПОСЛУ В ЛОНДОНЕ ДИРКСЕНУ

Перевод с английского.

«ДЕЙЛИ МЕЙЛ»,
Лондон [1].

Нортклиф-хауз Е. С. 4.
5 мая 1938 г. [2]

Ваше превосходительство,

Я препровождаю при сем гранки статьи, которая будет опубликована в «Дейли мейл» завтра, в пятницу.

Искренне Ваш

А. Л. КРЕНФИЛЬД [3].
Редактор.

Его превосходительству д-ру Дирксену [4].

---

[1] Бланк.

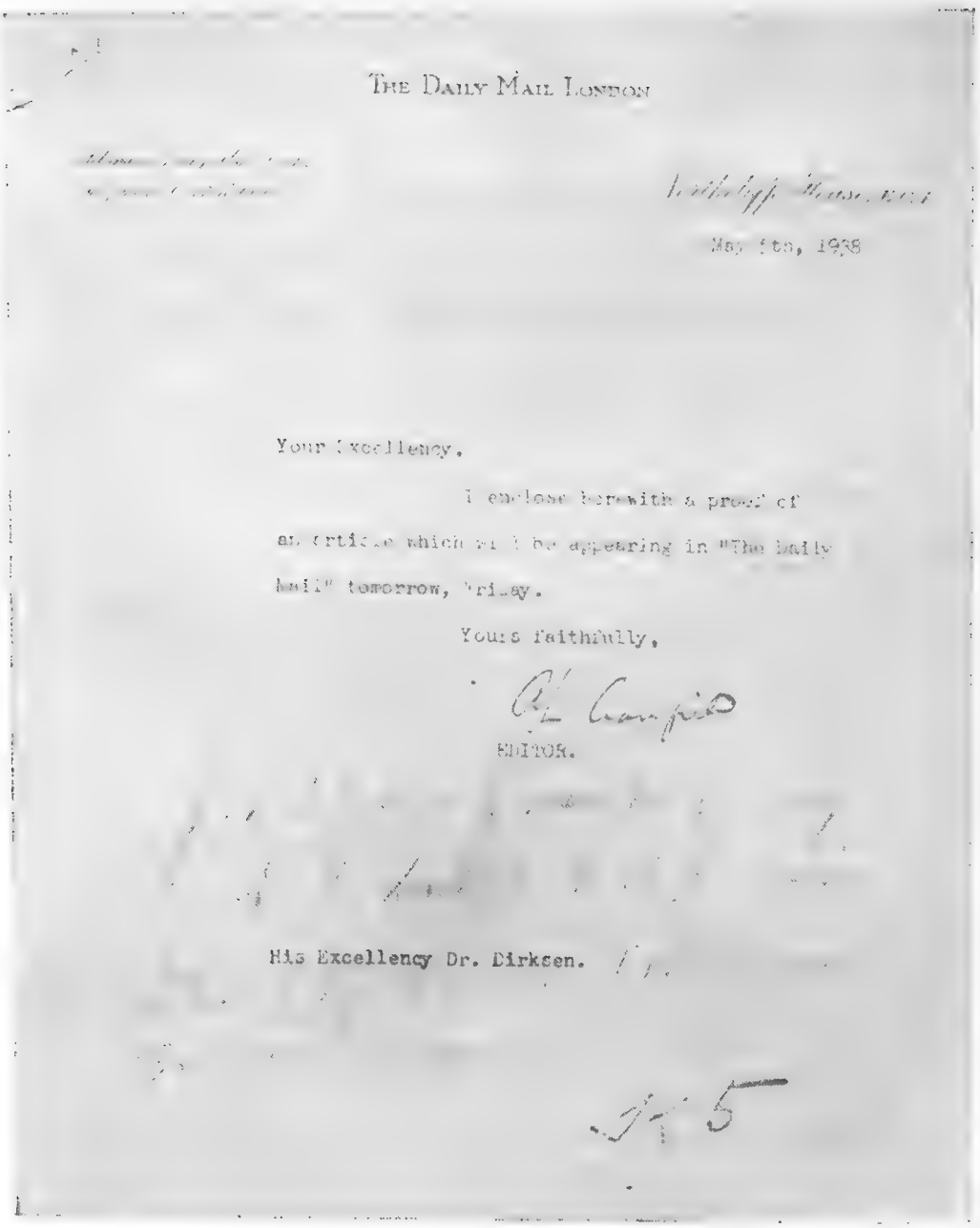
[2] С левой стороны бланка напечатаны телеграфный адрес и телефон редакции «Дейли мейл».

[3] Собственноручная подпись Кренфильда.

[4] К письму приложена в гранках статья Ротермира «Ещё несколько постскриптумов виконта Ротермира»; в этой статье под заголовком «Нам нет дела до чехов» было на-

печатано, между прочим, следующее: «До Чехословакии нам нет никакого дела. Если Франции угодно обжечь себе там пальцы, то это её дело; эта политика наталкивается, однако, во Франции на всё возрастающее сопротивление со стороны газет и политических деятелей. В самом деле, «Eclaireur de Nice», одна из трёх самых известных французских провинциальных газет, всего лишь несколько дней тому назад заявила, что «кости одного французского солдатика стоят больше, чем все чехословаки, вместе взятые». Чехословацкое государство, созданное недальновидными договорами 18 лет тому назад, с самого начала не только подавляло национальные меньшинства внутри страны, но и вело себя странным образом».

Далее содержались различные обвинения по адресу Чехословакии и цитата из старой статьи Ротермира в той же газете от 24 сентября 1930 г., в которой он писал, что такой «мощный, высоко патриотический народ, как немцы», никогда не удовлетворится передачей его национальных требований на усмотрение Лиги наций. «Более вероятно, что с приходом к власти национал-социалистского правительства под энергичным руководством этой партии Германия сама найдёт способ немедленного исправления самых вопиющих несправедливостей... В результате таких событий Чехословакия, которая систематически нарушала мирный договор как угнетением расовых меньшинств, так и уклонением от сокращения своих вооружений, может в одну ночь прекратить своё существование» и т. д.



THE DAILY MAIL LONDON

May 5th, 1938

Your Excellency,

I enclose herewith a proof of an article which will be appearing in "The Daily Mail" tomorrow, Friday.

Yours faithfully,

EDITOR.

His Excellency Dr. Dirksen.

Фотокопия документа № 1.

№ 2

ПИСЬМО ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В ЛОНДОНЕ ДИРКСЕНА РЕДАКТОРУ «ДЕЙЛИ МЕЙЛ» КРЕНФИЛЬДУ

Копия.
Перевод с английского.

6 мая 1938 г.

А. Л. Кренфильду, эсквайру,
редактору «Дейли мейл»,
Нортклиф-хауз,
Лондон Е. С. 4.

Дорогой мистер Кренфильд,

Я глубоко благодарен Вам за то, что Вы любезно прислали мне до напечатания «Постскриптумы» виконта Ротермира.

Эта любезность была высоко оценена.

Искренне Ваш

Подп. *фон ДИРКСЕН.*

№ 3

ПИСЬМО МЛАДШЕГО СТАТС-СЕКРЕТАРЯ ГЕРМАНСКОГО МИД ВЕРМАНА ГЕРМАНСКОМУ ПОСЛУ В ЛОНДОНЕ ДИРКСЕНУ

МИНИСТЕРСТВО
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ [1].

Берлин, 28 мая 1938 г.

Дорогой г-н фон Дирксен,

Мы здесь совершенно согласны с мыслью, изложенной в Вашем письме от 20 мая, что было бы хорошо, если бы в Лондоне снова был посредник, который мог бы оказывать воздействие на английскую прессу в судето-немецком духе и в определённые моменты мог бы служить посредником. В этом духе мы беседовали здесь с берлинским представителем Генлейна, который передаст это предложение Генлейну. По его словам, сам Генлейн во время сво-

[1] Бланк германского министерства иностранных дел.

AUSWARTIGES AMT Berlin, den 26.Mai 1938.

Lieber Herr von Dirksen,

Wir stimmen hier mit dem Gedanken Ihres Briefes vom 20.Mai ganz überein, dass es gut wäre, wenn in London wieder ein Mittelsmann wäre, der auf die englische Presse im sudetendeutschen Sinn einwirken und in bestimmten Augenblicken als Mittelsmann dienen könnte. Wir haben hier in diesem Sinn mit dem Berliner Vertreter Henlein's gesprochen, der die Anregung an Henlein weitergeben wird. Nach seinen Angaben hat Henlein bei seinem letzten Besuch in London die Abwesenheit eines Mittelsmannes zur Botschaft selbst entbehrt, sodass der Boden dafür vorbereitet ist.

Wir stimmen auch mit Ihnen überein, dass es das Beste wäre, wenn dieser Mittelsmann

wieder

Фотокопия первой страницы документа № 3.

wieder als Korrespondent der "Zeit" figurieren würde.

Ich würde Ihnen dankbar sein, wenn Sie mir eine Mitteilung machen würden, sobald ein solcher Vertreter dort eingetroffen ist; vielleicht aber auch dann, wenn Ihrer Anregung in absehbarer Zeit nicht entsprochen worden ist; in diesem Fall würden wir nochmals vorstossen.

Mit herzlichen Grüssen und
Heil Hitler !
stets Ihr

Wiemann

Фотокопия последней страницы документа № 3.

его последнего пребывания в Лондоне убедился в невыгодности отсутствия посредника при посольстве, так что почва для этого подготовлена.

Мы также согласны с Вами, что было бы лучше всего, если бы этот посредник снова фигурировал под видом корреспондента газеты «Цейт».

Я был бы Вам благодарен, если бы Вы, в случае прибытия к Вам такого представителя, не замедлили известить меня об этом, а, возможно, также информировали бы меня и в том случае, если бы в ближайшее время Ваше предложение не дало результатов; в последнем случае мы снова возбудим этот вопрос.

С сердечным приветом и хейль Гитлер!

Всегда Ваш

ВЕРМАН[1].

---

[1] Собственноручная подпись Вермана.

№ 4

ДОНЕСЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В ЛОНДОНЕ ДИРКСЕНА МИНИСТЕРСТВУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Лондон, 10 июля 1938 г. [Копия]
МИД, Берлин. *Секретно!*

В дополнение к донесению
А № 2589 от 10 июня с. г.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДОНЕСЕНИЕ[1].

Содержание: Современное состояние германо-английских взаимоотношений.

I. В истории германо-английских отношений, пожалуй, ещё не было примера, чтобы они в течение такого краткого промежутка времени были предметом столь глубокого обсуждения, хотелось бы почти сказать — были так потрясены, как в течение минувших трёх месяцев. Тяжким испытанием для политических отношений послужили аншлюс Австрии и чехословацкий кризис: проблема австрийских дол-

[1] На оригинале имеется пометка цветным карандашом: «от посла фон Дирксена. 18/8».

гов поставила на обсуждение вопрос об экономических и финансовых отношениях обеих стран; денонсация Англией соглашения о паспортах поставила под угрозу пассажирское сообщение и тем самым нормальную возможность сближения; военные и экономические приготовления английского правительства к войне, в особенности организация воздушной обороны, вызвали в воображении населения призрак предстоящей в ближайшем будущем войны; по случаю воссоединения Австрии и «дела Нимеллера» снова всплыли полузабытые агитационные комплексы, как еврейский и церковный вопросы. Основы, на которых зиждились германо-английские отношения, пошатнулись; наносимые извне удары стали угрожать им: впервые со времени окончания мировой войны случилось так, что не германо-французский, а германо-английский конфликт (при само собой разумеющемся участии Франции, Чехословакии и т. д.) был ослепительно освещён прожекторами мировой прессы. Это угрожающее миру развитие событий продолжалось, несмотря на то, что Германия, даже по суждению своих противников, не совершила ни одного действия, которое могло бы поставить мир под угрозу, и несмотря на то, что в Англии у власти находится кабинет Чемберлена — Галифакса, первым и важнейшим пунктом программы которых была и осталась политика соглашения с тоталитарными государствами.

Анализ причин, вызвавших подобное развитие событий, и отыскание средств, могущих устранить

это угрожающее положение вещей, становятся, таким образом, самой неотложной необходимостью.

II. В качестве наиболее существенных причин подобного развития событий, ведущих к кризису в германо-английских отношениях, могут быть, по моему мнению, названы следующие:

1) За последние месяцы наблюдалась небывалая доныне, лихорадочная, отличающаяся последовательностью деятельность *трёх основных движущих сил* [1] — еврейства, коммунистического интернационала и националистических групп в отдельных странах, — направленная на уничтожение Германии *путём развязывания войны против неё со стороны мировой коалиции* [1] до того, как она сумеет восстановить своё положение в качестве мировой державы; эти силы давно не действовали с такой последовательностью и лихорадочностью, как в последние месяцы. После целого ряда безуспешных попыток вызвать новую мировую войну, как то: бомбардировка крейсера «Лейпциг», распространение сенсационных сообщений о немецких намерениях в отношении Марокко, попытки 2-го кабинета Блюма в марте этого года использовать кадровые французские дивизии в Испании, — со стороны тех же сил снова была сделана попытка путём инсценировки чешского кризиса натравить на Германию мировую коалицию. Эти действия подготовлялись, сопровождались и, после провала заговора, были продолжены

---

[1] Подчёркнуто в оригинале.

кампанией в прессе, материал для которой должны были давать возрождение еврейской проблемы в Австрии и церковный конфликт в Германии.

2) Все эти тёмные махинации нашли тем более благодарную почву в английском общественном мнении, что *аншлюс Австрии*[1] глубочайшим образом затронул политическое вероисповедание англичан. Снова ожили старые фразы о праве на существование малых народов, о демократии, о Лиге наций, о бронированном кулаке милитаризма, которые взволновали и потрясли рядового англичанина, легко откликающегося на всякую апелляцию к его сентиментальности. Однако гораздо большее значение имел тот факт, что англичане, осуществляющие политическое руководство, вообразили, что их перехитрили в тактическом отношении и что их великодержавным позициям на континенте создалась угроза. Вместе с чисто человеческим стремлением «не дать обмануть себя ещё раз» укрепилось политическое решение воспрепятствовать, даже ценой войны, дальнейшим попыткам изменения соотношения сил на континенте без предварительного соглашения с Англией. Это решение впервые было высказано в период чешского кризиса.

3) К этой общей установке английского общественного мнения прибавилось ещё состояние умов, неразрывно связанное в демократической стране с увеличением вооружений. Для устранения оппози-

---

[1] Подчёркнуто в оригинале.

ции, для проведения кредитов на вооружения, для обеспечения достаточного количества добровольцев для армии и воздушной обороны нужно было всколыхнуть население. Эта цель могла быть достигнута только в том случае, если бы общественности было не только теоретически доказано наличие угрозы войны, но был бы также показан вполне определённый враг. Все эти соображения и тенденции привели к созданию атмосферы, вызвавшей патологический страх перед возможным нападением возможного врага. И этим возможным врагом могла быть только Германия.

4) Этот ход событий был ускорен тем, что *весь комплекс германо-английских отношений всё более и более втягивался в сутолоку английской внутренней политики* [1]. Вследствие того, что Чемберлен в качестве основной цели своей деятельности поставил достижение соглашения с авторитарными государствами помимо Лиги наций и под этим лозунгом вышвырнул Идена, он тем самым, после того как был заключён договор Англии с Италией, дал возможность своим противникам обратить все свои нападки на германо-английское соглашение, точнее — на его невозможность, сделав из этого важнейшую и ближайшую цель наступления. Ибо отсутствие такого соглашения должно было одновременно свести к абсурду важнейший тезис Чемберлена. Поэтому нападки английской прессы на мнимое насилие над

[1] Подчёркнуто в оригинале.

Австрией и на намерения Германии аннексировать Чехию одновременно лили воду на мельницу врагов Чемберлена.

Следующие мотивы внутриполитической тактики оказались решающими для того, чтобы враги Чемберлена избрали в качестве предмета прямого и косвенного нападения именно англо-германские отношения: парламентская оппозиция — лейбористская партия и либералы — в силу довольно сложного развития пришла к тому, что в качестве исходной базы для своих нападок выбрала не внутреннюю политику, а внешнюю. Здесь находился готовый объект для их наступления, на который они могли излить свою ненависть к авторитарному государственному руководству Германии. То же самое можно сказать и в отношении врагов Чемберлена внутри его партии: Идена и группы Черчилля, хотя здесь играли роль совершенно иные причины. Иден и его сторонники, исходившие из утверждения, что авторитарные государства можно укротить лишь путём непосредственной угрозы войною, плывут в фарватере парламентской оппозиции. Черчилль со своими сторонниками видит самую лёгкую возможность свалить Чемберлена и самому стать у власти в том, что он изобличает кабинет в нерадивости в деле создания прочной обороны страны против возможных нападений — конечно, со стороны Германии. Само собой разумеется, считают, что это нападение должно произойти с воздуха, т. е. с той стороны, в отношении которой рядовой англичанин стал особенно

чувствителен, — так же как до войны он был чувствительным ко всему, что было связано с «германским Luxus-Flotte». Поэтому Чемберлен для того, чтобы спасаться от атак оппозиции, был вынужден выбросить за борт своих министров авиации Уинтертона и Суинтона; отсюда понятен также и выпад депутата Сандиса против недостаточной подготовки в области зенитной артиллерии. Все эти маневры, по большей части определённые внутренней политикой, в очень значительной мере показали Германию перед сознанием рядового англичанина как вероятного противника, с которым, возможно, вскоре придётся сразиться.

Результатом этого внутреннего и внешнего развития германо-английских отношений является тот факт, что взаимоотношения между обеими странами находятся в полной неопределённости. Попытки компромисса, имевшие место в переговорах с осени 1937 года до 1938 года, были прерваны после заявления, сделанного Чемберленом 23 марта этого года в связи с присоединением Австрии. Из имевшихся двух устоев, на которые даже в критические времена опиралось колеблющееся здание внешнеполитических отношений: экономического соглашения и соглашения об ограничении флотов, — экономическое соглашение было подорвано из-за вопроса об австрийских долгах; новое соглашение было, однако, закреплено, оказав благоприятное общее побочное влияние. Соглашение о флотах подвержено изменениям благодаря развитию политики морских воору-

жений, проводимой великими державами; политическое значение этого соглашения было подорвано распространяющимся в последние годы и особенно в последние месяцы в Англии сознанием, что вместо морского флота возможного противника теперь для безопасности Англии самым угрожающим фактором стал воздушный флот. Не требуется пространных доводов для того, чтобы понять необходимость добиться общего урегулирования германо-английских отношений для предотвращения такого развития, которое таит в себе серьёзную опасность войны.

III. Предпосылки, необходимые для возможности общего урегулирования существующих проблем, возникших между обеими странами, можно обозначить следующими вопросами:

1) Уничтожило или уменьшило развитие событий за последние месяцы готовность кабинета Чемберлена искать компромисса с Германией?

2) Обладает ли кабинет Чемберлена достаточной силой для того, чтобы проводить по отношению к Германии политику компромисса?

К первому вопросу: шок, явившийся следствием присоединения Австрии, как известно, вызвал реакцию, однако он был сравнительно быстро преодолён. Ошибки английской внешней политики, сделанные во время чешского кризиса, очень скоро были восприняты как таковые, и были предприняты шаги для того, чтобы преодолеть их признанием доказанной лойяльности Германии, молчанием в ответ на яростные нападки германской прессы, дружественным по

отношению к Германии выступлением Галифакса в палате лордов, выступлением Галифакса в духе германской точки зрения в королевском институте международных отношений, речью Чемберлена в Кеттеринге и выступлением Галифакса перед представителями прессы 11 июля [1].

Из всех этих высказываний ответственных государственных деятелей Англии, которые были подкреплены и разъяснены в беседах со мной, ясно видно неизменное желание соглашения с Германией, правда, с усиливающейся тенденцией передать инициативу возобновления этих переговоров Германии. По времени эта готовность пойти на компромисс совпадает с известным прояснением в чехословацком вопросе.

Этот вопрос в Лондоне желают изъять в качестве очага новой мировой войны из области непосредственной опасности, хотя бы посредством временного и пробного соглашения между судетскими немцами и чехословацким правительством, прежде чем приступить к такому далеко идущему новому политическому начинанию, как попытка соглашения с Германией.

Ко второму вопросу: кабинет Чемберлена в течение последних месяцев подвергался всё усиливавшемуся наступлению своих противников, причём ему не удалось достигнуть соответственно убедительных успехов. Единственное крупное достиже-

[1] Так в оригинале.

ние — соглашение с Ирландией — замалчивается. Англо-итальянский договор до сих пор не вступил в силу, так как условие, касавшееся событий в Испании, не было выполнено. Принятие плана прочёсывания [1] также не могло быть представлено в качестве успеха, так как выполнение его является вообще сомнительным и в лучшем случае потребует срока в несколько месяцев. Отношения с Германией, которая всё больше и больше заподозревается и поносится оппозицией и прессой, были напряжёнными всё это время, и не могло быть и речи о том, что достигнуто какое-то соглашение. Внешнеполитическая программа Чемберлена, целью которой являлось достижение соглашения с тоталитарными государствами, ни в коем случае не имела полного успеха; в лучшем случае появились векселя с сомнительной оплатой кредитору; с другой стороны, кабинет получил несколько болезненных ранений в результате нападок оппозиции: министры авиации Уинтертон и Суинтон должны были быть выведены из состава кабинета для того, чтобы избавить правительство от упрёка в недостаточной активности в деле воздушных вооружений. Конфликт между Сандисом и Хор-Белиша, возникший из-за нарушения военных тайн или парламентских привилегий, в лучшем случае — ремиз. Высказывания Чемберлена относительно аграрных возможностей и ограничений

[1] План удаления иностранных добровольцев из республиканской армии и так называемых «добровольцев» из франкистской армии.

Англии рассердили английских сельских хозяев, т. е. ядро консервативных избирателей. Однако, несмотря на все нападки, представляется невероятным, что правительству будет угрожать серьёзная опасность до летних каникул. Каникулярные месяцы, если они протекут без опасных моментов во внешней политике, принесут успокоение. К имеющемуся в широчайших кругах избирателей доверию к неподкупной личности и к твёрдой руке Чемберлена прибавится сознание того, что среди оппозиции нет ни одного человека, равного ему. В широких массах английского народа имеется и является популярным желание добиться соглашения с Германией.

После нескольких месяцев более спокойного развития Чемберлен вместе с Галифаксом будут иметь как решимость, так и обеспеченность с точки зрения внутренней политики, чтобы взяться за последнюю и наиболее важную задачу английской политики: за достижение соглашения с Германией.

IV. Резюмируя, можно установить, что:

1) Германо-английские отношения в их совокупности находятся в неопределённом положении и крайне напряжены. Они нуждаются в урегулировании — по крайней мере, в попытке урегулирования, — если дóлжно избежать того, чтобы у английского правительства (настоящего или будущего) укрепилось убеждение, как это было перед 1914 годом, в том, что предпосылкой безопасности Британской империи является сокрушение Германии при помощи мировой коалиции.

2) Настоящее английское правительство в качестве первого послевоенного кабинета сделало поиски компромисса с Германией одним из существеннейших пунктов своей программы; поэтому данное правительство по отношению к Германии проявляет такой максимум понимания, какой только может проявить какая-либо из возможных комбинаций английских политиков. Это правительство обладает внутриполитической силой для разрешения этой задачи. Оно приблизилось к пониманию наиболее существенных пунктов основных требований, выставляемых Германией в отношении отстранения Советского Союза от решения судеб Европы, отстранения Лиги наций в этом же смысле, целесообразности двухсторонних переговоров и договоров. Германия встречает со стороны этого правительства возрастающее понимание в отношении своих требований по вопросу о судетских немцах. Оно было бы готово принести большие жертвы во имя удовлетворения других справедливых немецких требований при *одном* [1] только условии, что к этим целям будут стремиться мирными путями. В случае если Германия использует военные средства для достижения этих целей, Англия, без сомнения, решится на войну на стороне Франции. Военные приготовления для этого достаточно продвинулись, приготовления военно-экономического характера также; идеологическая подготовка английского народа на этот случай, как

[1] Подчёркнуто в оригинале.

показали последние месяцы, также закончена; пробная политическая мобилизация в период чешского кризиса доказала, что и внешнеполитическое развёртывание сил[1] завершено по меньшей мере в масштабе мировой коалиции 1914 г.

3) Поэтому самой безотлагательной задачей нашей внешней политики будет попытка добиться соглашения с Англией, как только в ближайшие месяцы создадутся подходящие для этого предпосылки.

Подп. ***фон ДИРКСЕН.***

---

[1] В оригинале: «aussenpolitischer Aufmarsch».

№ 5

ПИСЬМО ГЕРМАНСКОГО ПОВЕРЕННОГО В ДЕЛАХ В ЛОНДОНЕ КОРДТА СТАТС-СЕКРЕТАРЮ ВЕЙЦЗЕКЕРУ

Копия.

Лондон, 23 августа 1938 г.

Глубокоуважаемый г-н фон Вейцзекер!

В приложении Вы найдёте подробную запись беседы, которую я имел сегодня с доверенейшим сотрудником Чемберлена, сэром Горацием Вильсоном [1]. О положении, которое занимает здесь сэр Гораций, Вам, конечно, уже сообщил г-н фон Дирксен. Гораций Вильсон считается одним из самых влиятельных людей в английском правительстве.

[1] Упоминаемая запись в архиве Дирксена не обнаружена.

Он не любит выступать публично. Установлено, что Невиль Чемберлен советуется с ним во всех делах. Вильсон — человек, которому противно всё показное, и он внушает уважение каждому, кто входит с ним в общение. Он является воплощением идеала Мольтке: «Быть больше, казаться меньше».

В результате этой беседы у меня сложилось впечатление, что англичане ясно представляют себе непрочность положения [1] в Чехословакии. Они, несомненно, готовы также сделать всё от них зависящее, чтобы удовлетворить наши желания, но, конечно, за плату: они хотят избежать военного разрешения вопроса, и не последнюю роль играет здесь то, что они сами чувствуют, что должны будут бороться за безнадёжное в сущности дело. Сэр Гораций говорил о возможности передать фюреру через особого уполномоченного британского правительства предложение о более широком мирном разрешении вопроса. Но одновременно он сказал, что всякие усилия в этом направлении бесполезны, если соответствуют действительности слухи, циркулирующие в Лондоне и на континенте, будто мы уже установили срок вторжения в Чехословакию. Я обратил внимание сэра Горация в особенности на то, сколь необходимо теперь, чтобы английское правительство ясно высказывалось и действовало. Бенеш и его люди не должны находиться под впечатлением того, что прежняя обманная политика может и в

[1] В оригинале: «die Unhaltbarkeit der Lage...»

дальнейшем проводиться, опираясь на британскую нерешительность.

Согласно данным мне указаниям, я *не* [1] упоминал о плебисците в Судето-немецкой области, как о возможном выходе. Но по ходу всей беседы у Вильсона не могло остаться ни малейшего сомнения, что мы никогда не согласимся с таким решением вопроса, при котором это государство сохранилось бы нетронутым в его нынешней форме.

Подп. *Т. КОРДТ.*

[1] Подчёркнуто в оригинале.

№ 6

ПИСЬМО ГЕРМАНСКОГО ПОВЕРЕННОГО В ДЕЛАХ В ЛОНДОНЕ КОРДТА ПОСЛУ ДИРКСЕНУ

ГЕРМАНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО[1].

Лондон, 29 августа 1938 г.

Глубокоуважаемый г-н посол!

На протяжении почти 48 месяцев своего пребывания на фронте я довольно часто и подолгу бывал на передовых позициях во Фландрии, в Шампани, на Эн и на Сомме, командуя ротой в одном из самых боевых пехотных полков старой армии, а потому мне хорошо известно, что кругозор командира фронтовой части не позволяет судить о ходе всего сражения. Но насколько я могу видеть с занимаемой мною здесь, в настоящее время, позиции, через

[1] Бланк посольства.

бойницы и окопную стереотрубу, а также судить на основании донесений постов наблюдения и личной разведки, — передвижение и состояние подготовки на расположенной против меня позиции настолько важны, что мне хотелось бы об этом Вам сообщить.

За последние недели, и особенно за последние дни, положение здесь ещё более обострилось. Неопровергнутые сообщения о числе резервистов, призванных в Германии под знамёна, в высшей степени резкие выпады прессы против Чехословакии, слухи о сроке, который якобы установило германское правительство для вступления в Чехословакию, — всё это, снабжённое отчасти тревожными, отчасти подстрекательскими комментариями прессы — от левой до правой включительно, — положило конец искусственному спокойствию, о котором я сообщил Вам в письме от 11-го сего месяца. На примере «Таймс», который Вы, конечно, читаете, Вы можете судить, насколько острее реагирует теперь общественное мнение по сравнению с недавним прошлым. Я прилагаю при сем вчерашнюю воскресную статью Гарвина в «Обсервере», в весьма сдержанном языке которой звучит большая тревога. Хотя, как Вы знаете, Гарвин ни в коей мере не отражает взглядов большинства британского общественного мнения, всё же я склонен считать на основании бесед, которые я имел, что он довольно правильно представляет точку зрения сторонников Чемберлена.

Из речи Саймона явствует, что британское правительство всё ещё питает иллюзии относительно возможности разрешения чехословацкой проблемы путём компромисса. Сэр Джон Саймон является как раз одним из главных представителей того типичного для британцев умонастроения, которое предпочитает гнилой компромисс прямому решению вопроса, если это решение сопряжено с принятием на себя какой-либо ответственности.

Тем не менее я имею основание предполагать, что британское правительство готово пойти навстречу нашим желаниям, насколько это только возможно. Но для этого оно должно знать наши желания. Здесь всё больше убеждаются в том, что мы не удовлетворимся тем, что судетским немцам будет предоставлена автономия, а будем стремиться к разрешению проблемы в более широком смысле. У меня нет указаний по этому вопросу; я располагаю лишь телеграфным указанием младшего статс-секретаря от 17 августа, согласно которому, исходя из различных соображений, мы не можем принять идею плебисцита.

Завтра днём состоится заседание кабинета, на котором, повидимому, будут присутствовать все члены кабинета, кроме лорда Стенли, находящегося в Канаде. Печать теряется в различных догадках о решениях, которые могут быть приняты на этом заседании. Информация, переданная министерством иностранных дел прессе для руководства, производит не очень отрадное впечатление; впрочем, я дол-

жен оставить открытым вопрос, не является ли всё это блефом. Бесспорно лишь одно, что при господствующем сейчас настроении правительству не будет стоить особого труда убедить всю британскую общественность в необходимости войны с Германией. Уже долгое время здесь уделялось значительное внимание вопросу об ответственности за войну в случае возникновения подобной катастрофы. Было бы безрассудно упускать это обстоятельство из виду.

В общем я руководствовался в своих беседах точкой зрения, изложенной в инструкции г-на рейхсминистра от 3 августа с. г.; в серьёзности положения англичане не могут сомневаться.

Я отдаю себе отчёт, что сказанное мною передаёт только то, что можно наблюдать с передовой позиции. Но, может быть, и это сообщение будет принято в какой-либо мере во внимание при выработке основы тех решений, которые теперь должны быть приняты [1].

Я должен добавить ещё об одном важном наблюдении. Целую неделю нет никаких нападок на Чемберлена. В британской общественности начинает возникать чувство солидарности, которое всегда проявлялось в серьёзные моменты английской истории. Я вспоминаю 1914 г., когда консерваторы отказались от уже принятого решения о вооружённом

---

[1] Предшествующая часть письма представляет машинописный текст; последующая часть написана от руки чернилами.

сопротивлении политике гомруля правительства Асквита, «чтобы Англия могла говорить и действовать с авторитетом единой нации». (Керзон в палате общин, август 1914 г.)

На этом я должен кончить.

Остаюсь с наилучшими приветами и хейль Гитлер.

Всегда преданный Ваш

Т. КОРДТ[1].

---

[1] Собственноручная подпись Кордта.

№ 7

ПИСЬМО ГЕРМАНСКОГО ПОВЕРЕННОГО В ДЕЛАХ В ЛОНДОНЕ КОРДТА ПОСЛУ ДИРКСЕНУ

ГЕРМАНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО [1].

Лондон, 1 сентября 1938 г.

Глубокоуважаемый г-н посол!

Глубоко благодарен Вам за Ваше любезное письмо от 24 прошлого месяца, полученное мною со вчерашней почтой. Тем временем и Вы, вероятно, получили моё письмо от 29 прошлого месяца [2].

С дальнейшим обсуждением ноты Франко здесь, кажется, не хотят спешить. Лорд Плимут меня ещё не приглашал с тех пор, как в конце прошлой недели он уехал в своё имение. Однако с понедельника он снова в Лондоне. Между тем я получил ука-

[1] Бланк посольства.

[2] См. выше, док. № 6.

зание предоставить инициативу полностью англичанам. Возможно, у нас удовлетворятся поездкой Хемминга для разъяснения неясностей, но мне предписано и в этом вопросе пока оставаться слушателем.

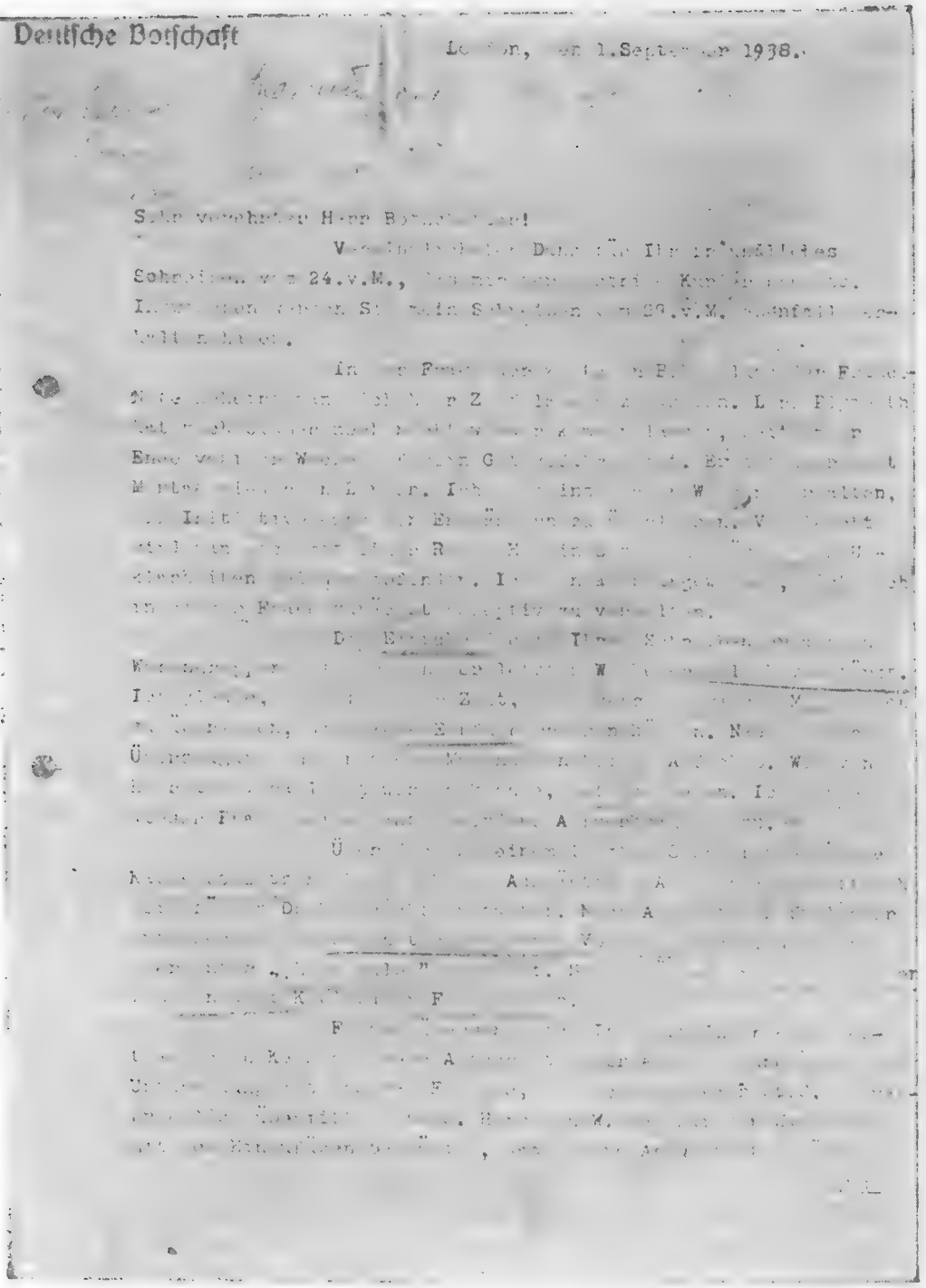
Ввоз товаров тех категорий, которые упомянуты в Вашем письме, за последнюю неделю значительно возрос. Я полагаю, пора продумать весьма энергичные меры, которые могли бы затормозить этот ввоз. По моему убеждению, эти мероприятия не терпят отлагательства. То, что можно было предпринять отсюда, — сделано. Я уделяю этому вопросу исключительное внимание.

О заседании кабинета, упомянутом в моём последнем письме, я послал в министерство иностранных дел приложенное в копии телеграфное донесение. По мнению англичан, новые чешские предложения соответствуют тому, что здесь понимают под «home rule». Они удовлетворяют якобы семи из восьми карлсбадских требований.

Далее я посылаю Вам в порядке строго доверительного ознакомления копию записи беседы с нашим другом [1], которую я послал г-ну статс-секретарю частным письмом. Я получил от г-на фон W. [2] подтверждение получения этого письма с замечанием, что моя аргументация в вопросе о том, как англичанам следовало бы действовать в отношении

[1] Подразумевается сэр Гораций Вильсон (см. примечание на стр. 47). Запись эта в архиве Дирксена не обнаружена.

[2] Очевидно, от Вейцзекера.



Deutsche Botschaft

London, den 1. September 1938.

Фотокопия первой страницы документа № 7.

Чехословакии, полностью соответствует тому, что он сам сказал бы в подобном положении. Письмо гласит далее:

«Что касается более общих германо-английских переговоров, Вы, в Лондоне, само собой разумеется, также не должны занимать совершенно отрицательную позицию и не должны разрушать надежду, которую питают некоторые англичане на такие переговоры. Однако я при этом всегда выдвигал бы на передний план то положение, что без урегулирования жгучего чешского вопроса не может быть и речи об обсуждении перспектив более широкого характера».

Нет необходимости, г-н посол, мне Вам говорить, что позиция нашего друга [1] не типична для позиции британской общественности. С другой стороны, я не сомневаюсь, что Чемберлен приложит все усилия, чтобы достигнуть соглашения с нами, даже если британское общественное мнение и будет чинить ему все мыслимые затруднения. Чемберлену потребовалось бы большое мужество, чтобы посоветовать Чехословакии в корне изменить её политику по отношению к Германии. Но взрыв негодования в общественном мнении столь же мало удержал бы его от преследования цели, признанной им правильной, как мало удержало бы это его отца 39 лет назад.

---

[1] Карандашом после слов «нашего друга» вписано между строками слово «Horaz». Очевидно, «наш друг» — Гораций Вильсон.

Беседа состоялась в исключительно дружественной атмосфере. W.[1] явно был взволнован (насколько англичанин вообще может проявить такие чувства), когда он в конце пожал мне руку и сказал: «Если мы вдвоём — Великобритания и Германия — договоримся относительно урегулирования чешской проблемы, то мы просто устраним сопротивление, которое могли бы оказать Франция и сама Чехословакия этому решению вопроса».

Я полагаю, что важнейшие из ещё предстоящих Вам бесед состоятся только после 5 сего месяца. Так как я не знаю, как г-н фон W.[2] использовал мою запись, я бы Вас попросил не делать её предметом этих бесед, пока на это не будет разрешения г-на фон W. Иначе могло бы легко случиться, что из-за непредвиденного г-ном фон W. использования её содержания возникнут недоразумения и затруднения[3].

Т. КОРДТ[4].

---

[1] Повидимому, Вильсон.

[2] Повидимому, Вейцзекер.

[3] Заключительная часть письма имеет личный характер.

[4] Собственноручная подпись Кордта.

Фотокопия последней страницы документа № 7.

№ 8

ПИСЬМО ГЕРМАНСКОГО ПОВЕРЕННОГО В ДЕЛАХ В ЛОНДОНЕ КОРДТА ГЕРМАНСКОМУ ПОСЛУ ДИРКСЕНУ

ГЕРМАНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО[1].

Лондон, 15 сентября 1938 г.

Глубокоуважаемый г-н посол!

Примите мою сердечную благодарность за Ваши письма от 7 и от 13 с.м. Письмо от 7 с.м. из Нюрнберга было в пути целую неделю, до того как оно попало в мои руки.

Шлиттер как раз закончил характеристику положения, которую он должен был дать мне по Вашему поручению, когда я получил известие о предстоящем визите премьер-министра в Оберзальцберг. Невозможно описать чувства облегчения, с которым все здесь приняли это известие. Я прилагаю копию моей сегодняшней авиателеграммы, предназначенную для Вашего рабочего архива. Сцену,

[1] Бланк посольства.

наблюдавшуюся сегодня утром на аэродроме, я не забуду никогда.

Если, как мы все желаем, переговорами в Оберзальцберге будут рассеяны, по крайней мере, наиболее грозные тучи, скопившиеся над Европой, то мы можем надеяться на Ваше скорое возвращение к нам. Мне нет надобности уверять Вас в том, как глубоко все мы, и я в особенности, будем рады, когда Вы вновь примете на себя руководство делами посольства. Да поможет Вам бог тогда приблизиться к решению прекрасной задачи, которая была Вам поставлена для Лондона [1]. Сегодня днём в клубе меня осаждали со всех сторон радостными поздравлениями по поводу того, что Вы встречали Чемберлена вместе с рейхсминистром.

Ваши указания касательно секретных документов и Ваших личных бумаг будут мною исполнены. Будем надеяться, что не наступит то положение, на случай которого они даны.

Копию Вашего письма, которую мне привёз Бильфельд, возвращаю при сем.

Остаюсь с наилучшими пожеланиями Вам и Вашей многоуважаемой супруге, которой я, к сожалению, в суматохе и тревоге последних дней ещё не ответил, — хейль Гитлер —

всегда глубоко преданный Вам

Т. КОРДТ [2].

---

[1] В оригинале: «an die schöne Aufgabe herangehen können, die Ihnen für London gesetzt wurde».

[2] Собственноручная подпись Кордта.

№ 9

ТЕЛЕГРАММА ГЕРМАНСКОГО ПОВЕРЕННОГО В ДЕЛАХ В ЛОНДОНЕ КОРДТА МИНИСТЕРСТВУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Копия.
Для г-на посла.
Лондон, 15 сентября 1938 г.

АВИАПОЧТА — ТЕЛЕГРАММА.

Министерству иностранных дел,
Берлин.
№.....[1] от 15.9.

Я никогда ещё не видел такой внезапной перемены настроения, какая произошла во всей Англии вчера вечером, после опубликования сообщения о [предстоящем] свидании Чемберлена с фюрером. До самого вечера вся британская общественность находилась под тяжёлым гнётом, обусловленным не менее тяжёлым решением при известных обстоятельствах взяться за оружие. И вдруг, совершенно неожиданно, наступила перемена, подавшая надежду на мирное разрешение вопроса. Относительно подробностей я позволю себе сослаться на обстоятельное

[1] Многоточие вместо обозначения № — в оригинале.

сообщение германского информационного бюро. Нет преувеличения в сообщениях газет о том, что на улицах мужчины и женщины плакали от радости.

Сегодня утром в сопровождении легационного советника фон Зельцам я присутствовал на Истонском аэродроме при отбытии Чемберлена, которого сопровождают сэр Гораций Вильсон и советник посольства Стрэнг. Перед аэродромом собралась радостно-оживлённая толпа народа, приветствовавшая премьер-министра сердечными возгласами. Я поздравил премьер-министра с принятым им решением и просил его принять мои наилучшие напутственные пожелания. Видимо тронутый, он просто и сердечно ответил, что надеется своими переговорами с фюрером (он буквально сказал: «the Führer») содействовать укреплению мира.

С английской стороны присутствовали лорд Галифакс с супругой и руководящие чиновники министерства иностранных дел. Все они, и особенно лорд Галифакс, своим поведением старались показать нам, немцам, что они с искренней радостью встретили немедленный и сердечный ответ фюрера на обращение британского премьер-министра. Лорд Галифакс отвёл меня в сторону, чтобы спросить о впечатлении, произведённом в Берлине инициативой премьер-министра, и был весьма удовлетворён, когда я ему рассказал, как горячо приветствует немецкая общественность приезд г-на Чемберлена.

Лорд Броккет, который также приехал в сопровождении своей супруги, рассказал мне о глубоком

впечатлении, которое он вынес из своей беседы с фюрером в Нюрнберге, и выразил своё твёрдое убеждение, что дело примирения удастся осуществить.

Незадолго до отправки самолёта г-н Чемберлен должен был выдержать атаку фотокорреспондентов различных газет. Для недельного радиообозрения он сделал коротенькое заявление следующего содержания [1]:

«Я отправляюсь на свидание с германским канцлером потому, что считаю положение таким, при котором обмен мнениями между ним и мною может иметь полезные последствия.

В своей политике я всегда пытался обеспечить мир, и то, что г-н Гитлер с готовностью принял моё предложение, ободряет меня надеждой на небезрезультатность моего визита».

Дневная пресса поместила подробнейшие сообщения об отъезде Чемберлена. Дружественная тенденция не подлежит сомнению.

Т. КОРДТ.

---

[1] В оригинале воспроизведён английский текст заявления.

№ 10

ПИСЬМО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ АНГЛО-ГЕРМАНСКОЙ ТОРГОВОЙ ПАЛАТЫ В ЛОНДОНЕ МАРКАУ НАЧАЛЬНИКУ ТОРГОВО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТДЕЛА ГЕРМАНСКОГО МИД ВИЛЮ

Копия.

282, Шелл-Мекс-хауз
Стрэнд, Лондон W C2.
17 ноября 1938 г.

Г-ну министериальдиректору Вилю.
Министерство иностранных дел,
Берлин W 8.

Глубокоуважаемый г-н министериальдиректор Виль,

Вашему окончательному согласию, выраженному в Вашем письме от 7 сего месяца, я был искренне рад [1]. Список ораторов был составлен так, как это указано в приложении.

---

[1] Речь идёт о предполагавшемся банкете германской торговой палаты в Англии, которому с обеих сторон придавалось политическое значение демонстрации англо-германского сближения в связи с переговорами между руководителями промышленных объединений Англии и Германии.

Как вы видите из указанных в нём тем для выступлений, я предполагал, что Вы и м-р Хадсон будете говорить о торговле между Германией и Великобританией в рамках всей мировой торговли. М-р Хадсон изложил мне свою точку зрения на этот вопрос в том смысле, что, по его мнению, для сбыта промышленных товаров обеих стран имеется достаточно места во всём мире; таким образом, этот тезис должен быть квинтэссенцией его речи. Если Вы в своей речи каким-либо образом затронете работу, проделанную минувшим летом и увенчавшуюся продлением англо-германского платёжного соглашения, то я бы это очень приветствовал, учитывая позитивную целеустремлённость нашего начинания.

Вторую группу ораторов я думал занять англо-германскими торговыми отношениями в связи с деятельностью моей палаты. Лорд Ривердэль, который уже дал согласие, только что был вынужден взять его обратно, так как он к тому времени обязан выехать для важных переговоров на континент. Я буду подыскивать вместо него подходящего представителя промышленности и торговли. Г-н штаатсрат Гельферих готов выступить; и его я ещё проинформирую подробнее.

Я был бы Вам очень благодарен, глубокоуважаемый г-н доктор Виль, если бы Вы соблаговолили сообщить мне, согласны ли Вы с намечаемой программой выступлений. Далее, я был бы Вам глубоко признателен, если бы Вы прислали мне Вашу речь ещё до Вашего приезда, так как мы хотим дать в

прессу выдержку из неё. Кроме того, официальный оратор с английской стороны, в данном случае м-р Хадсон, многократно обращался к нам с просьбой ставить его в известность о речи его партнёра, чтобы сообразоваться с ней.

Позволяю себе надеяться, что Вы с вышеизложенным согласны.

С дружеским приветом

хейль Гитлер!

Глубоко Вам преданный

Подп. *д-р* ***МАРКАУ.***

Копия приложения[1]

Наши гости:

Выступление председателя [собрания].

Отвечает: германский посол.

Германия и Великобритания на мировых рынках:

Выступление министериальдиректора Виля.

Отвечает: парламентский секретарь Хадсон (департамент внешней торговли).

Англо-германские торговые отношения:

Выступление (лорда Ривердэля).

Отвечает: штаатсрат Гельферих.

Председатель палаты

Выступление.....[2]

Отвечает: председатель [собрания].

---

[1] Последующий текст программы выступлений дан в оригинале на английском языке.

[2] Многоточие в оригинале.

№ 11

ПИСЬМО ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В ЛОНДОНЕ ДИРКСЕНА НАЧАЛЬНИКУ ТОРГОВО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТДЕЛА МИД ГЕРМАНИИ ВИЛЮ

Кройдон, 17 декабря 1938 г.

Дорогой г-н Виль,

Большое спасибо за Ваши дружеские строки от 9 декабря и за приложение Вашего письма к г-ну Маркау. Я надеюсь, что банкет торговой палаты состоится 23 января без помех, тем более что и м-р Хадсон за это время уже несколько остыл.

Что же касается поездки Эштон-Гуэткина, то Вы уже, очевидно, информированы г-ном Вебером, что он охотно приедет и что срок отъезда намечен на начало января. Он уже получил письмо от министериальдиректора Грицбаха, в котором указывается, что фельдмаршал Геринг сможет принять его во второй половине января.

Я с большим интересом услышал, что в Англии поездку Эштон-Гуэткина в Берлин рассматривают как своего рода предварительную рекогносцировку, за которой должен последовать визит лорда Ренсимена в качестве главного лица. Следовательно, Эштон-Гуэткин должен лишь нащупать почву и собрать и обозреть материал для переговоров. Тот факт, что англичане намереваются, повидимому, послать лорда Ренсимена в Берлин, я расцениваю как очень хороший признак; я думаю, что будут выявлены возможности сотрудничества в различных областях. Я прошу Вас пока держать в секрете сообщение о поездке Ренсимена; об этом я поставил в известность частным письмом лишь г-на фон Вейцзекера.

Посещение президента [рейхсбанка] Шахта прошло здесь очень хорошо; что касается финансирования выселения евреев, то об этом я сообщу депешей по авиапочте; в отношении же общих крупных политико-экономических вопросов президент Шахт смог пока лишь осторожно прощупать почву. Сам он пришёл к выводу, что потребуется ещё много времени, прежде чем можно будет притти к ощутимым результатам.

Лучшие пожелания и хейль Гитлер!

[ДИРКСЕН]

№ 12

ДОНЕСЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В ЛОНДОНЕ ДИРКСЕНА МИНИСТЕРСТВУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Копия для г-на посла.
Лондон, 10 июля 1939 г.

А. 2718.
Ссылаюсь на донесение
от 3 сего месяца — № 227.
2 экземпляра. *ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДОНЕСЕНИЕ*

Министерству иностранных дел,
Берлин.

Содержание: Сгущение политической атмосферы в Англии [1].

Кампания травли по поводу планируемого якобы Германией внезапного нападения на Данциг, *причины и цели которой были изложены мной в выше-*

[1] Курсивом набраны те части текста публикуемого здесь донесения Дирксена министерству иностранных дел от 10 июля 1939 г., которые были опущены при публикации этого документа в «Белой книге» гитлеровского министерства иностранных дел (Auswärtiges Amt, N 2 «Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges», Berlin 1939, Gedruckt in der Reichsdruckerei. N 252, S. 241—242). В германской публикации отсутствуют также делопроизводственный номер письма

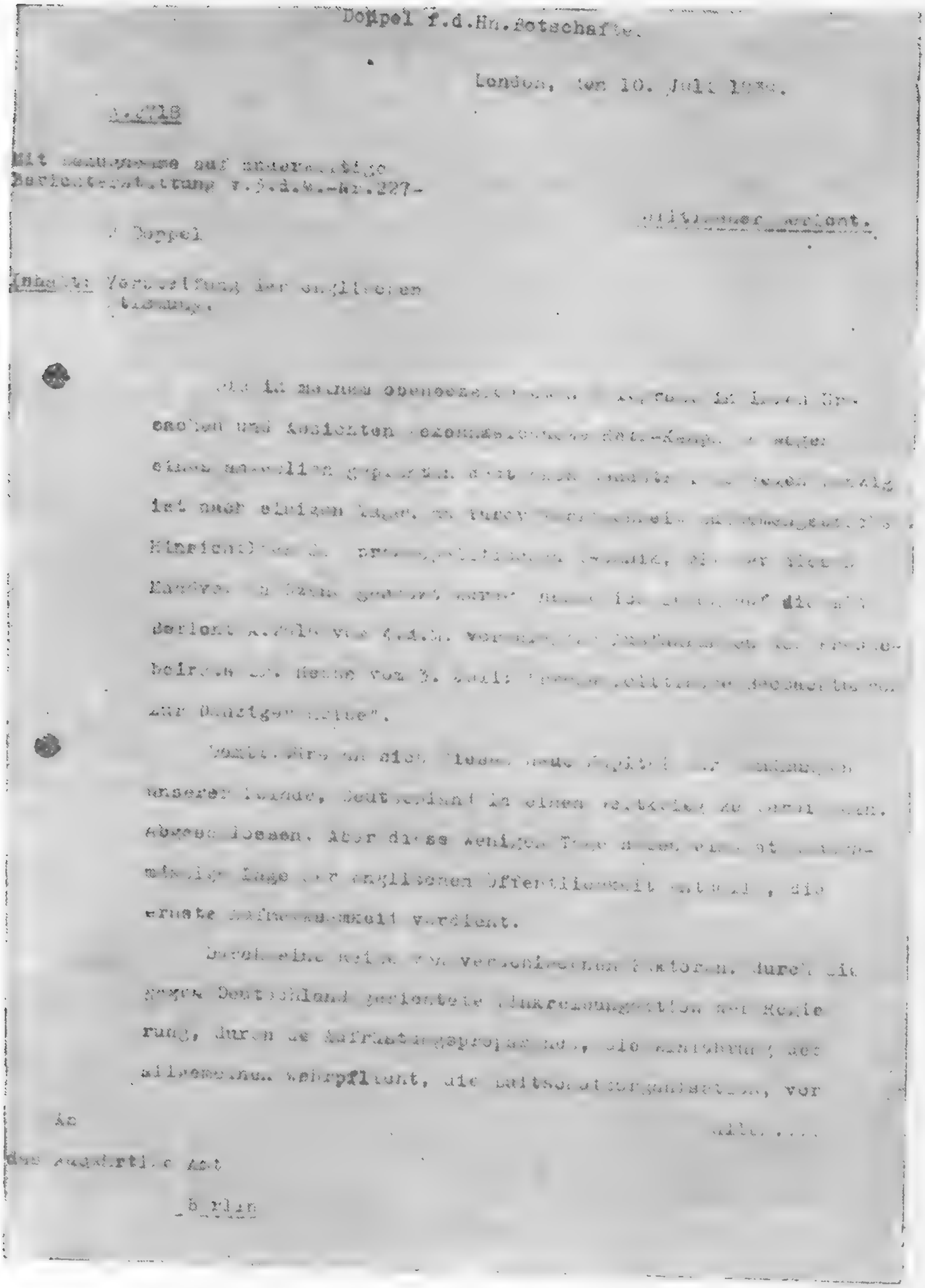
указанной телеграмме, по прошествии нескольких дней провалилась вследствие своей лживости. *Относительно политической техники проведения прессой этого маневра я ссылаюсь на приложенный к донесению А. 2616 от 4 сего месяца «Политический обзор печати к данцигскому кризису» советника по делам печати доктора Хессе от 3 июля.*

Эту новую главу в истории попыток наших врагов втравить Германию в мировую войну можно было бы считать этим законченной. Но эти немногие дни вскрыли настроение английской общественности, заслуживающее серьёзного внимания.

Под влиянием различных факторов: политики окружения Германии, проводимой правительством, пропаганды вооружения, введения всеобщей воинской повинности, организации противовоздушной обороны и, прежде всего, в результате взрыва антигерманской пропаганды в печати, кино, театрах и по радио, — английское общественное мнение, восприимчивое к эмоциональным реакциям, было приведено в такое состояние духа, когда идея «война» становится центральным пунктом размышлений и разговоров. Оттенки заметны лишь при ответе на вопрос: неизбежна война или нет? Большинство рядовых англичан, соответственно своему настроению,

---

Дирксена и ссылка Дирксена перед текстом письма на предшествующее его донесение. В остальном немецкий текст оригинала, публикуемого в русском переводе документа, совпадает с текстом, опубликованным германским министерством иностранных дел.



Фотокопия первой страницы документа № 12.

отвечает на этот вопрос утвердительно; более рассудительное меньшинство даёт отрицательный ответ, признавая, что все существующие спорные вопросы в англо-германских отношениях могут быть разрешены при наличии доброй воли и что даже победоносный исход войны не принёс бы никому выгод. Но и на эти рассудительные круги оказывают влияние сведения о мероприятиях английского командования, а именно: распоряжения привести флот в боевую готовность к концу июля, завершить к тому же сроку боевую подготовку и организационные меры. В этом же направлении воздействуют и сообщения газет, *а также, очевидно, и агентурные сообщения соответствующим инстанциям* о том, что с германской стороны военные мероприятия планируются на август. Во всяком случае даже в ответственных и вдумчивых кругах ожидают в августе кризиса величайшей важности.

Отношение к комплексу мыслей, определяемых словом «война», различно. Незначительная часть английской общественности реагирует с истерическим воодушевлением; эти люди верят любому чудовищному сообщению, они требуют польской и русской помощи и этим ослабляют тактическую позицию правительства в переговорах с Россией. Большинство же занимает более мужественную позицию, думая: раз уж война неизбежна, то мы будем вести её со всей решимостью, и чем скорее, тем лучше, чтобы покончить с этим делом и вернуться к более спокойной обстановке. Сообщения печати

из Германии, что фюрер вернулся в Берхтесгаден, что рейхсминистр иностранных дел и генерал-полковник фон Браухич уехали в отпуск и что наступило время общих отпусков, мало успокоили господствующее здесь возбуждённое настроение.

Обобщая изложенное, можно констатировать, что враждебное отношение к Германии усиливается, что готовность к борьбе укрепилась, что усилилось чувство: мы не должны больше ничем поступаться, наша честь поставлена на карту; мы должны драться; правительство не должно больше итти на уступки. *Толки германской прессы о вырождающейся Англии, об отсутствии у неё готовности к борьбе значительно укрепляли это настроение.*

Принципиальная разница между настроением англичан осенью 1938 г. и теперешним настроением заключается в следующем: тогда широкие массы не были склонны к борьбе и были пассивны, — теперь же они перехватили инициативу у правительства и толкают кабинет вперёд. Как бы необоснованна и как бы опасна ни была эта позиция английской общественности, с ней нужно считаться как с серьёзной реальностью, особенно в такой стране, как Англия, где общественное мнение играет столь решающую роль.

Было бы, однако, ошибкой, исходя из такой характеристики общественного мнения, сделать вывод, что Великобритания уже бесповоротно вступила на путь войны. Волна возбуждения так же спадёт, как и поднялась, как только для этого будут налицо

ernste Realität gewertet werden, umsomehr in einem Lande, in dem die öffentliche Meinung eine so ausschlaggebende Rolle spielt, wie in England.

Es wäre falsch, aus dieser Erkenntnis der "public opinion" die Schlußfolgerung zu ziehen, dass Grossbritannien nun unwiderruflich in einen Krieg hineintriebe. Die Welle der Erregung wird ebenso abebben, wie sie angestiegen ist, sobald die Voraussetzungen dafür gegeben sind. Die wesentlichste Voraussetzung wäre eine ruhigere Atmosphäre in England, die eine vorurteilslosere Prüfung des deutschen Standpunktes ermöglichen würde. Ansätze dazu sind vorhanden. Innerhalb des Kabinetts und eines engen, aber einflußreichen Kreises von Politikern machen sich Bestrebungen geltend, über die Negativität der Einkreisungsfront zu einer konstruktiven Politik gegenüber Deutschland zu gelangen (vergl. Bericht A.2492 v. 24.6.). So starke Gegenkräfte auch am Werke sind, um diese noch recht zarte Pflanze zu ersticken - die Pressekampagne des letzten Wochenendes bildete einen Teil davon -, so bietet doch die Persönlichkeit Chamberlains eine gewisse Gewähr dafür, dass die englische Politik nicht den Händen gewissenloser Abenteurer ausgeliefert wird.

gez. von Dirksen

Фотокопия последней страницы документа № 12.

предпосылки. Существеннейшей предпосылкой была бы более спокойная атмосфера в Англии, которая дала бы возможность более беспристрастной оценки германской точки зрения. Тенденция к этому имеется. Внутри кабинета и узкого, но влиятельного круга политических деятелей проявляется стремление перейти от негативизма фронта окружения [1] *к конструктивной политике в отношении Германии (ср. донесение А. 2492 от 24 июня). И, как бы ни были сильны противодействующие влияния, стремящиеся убить в зародыше это нежное растение — кампания в прессе конца прошлой недели является результатом этого стремления, — личность Чемберлена служит определённой гарантией того, что политика Англии не будет передана в руки бессовестных авантюристов.*

Подп. ***фон ДИРКСЕН.***

---

[1] В оригинале: «...über die Negativität der Einkreisungsfront zu einer konstruktiven Politik...»

№ 13

ЗАПИСКА ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В ЛОНДОНЕ ДИРКСЕНА О БЕСЕДЕ ВОЛЬТАТА С Г. ВИЛЬСОНОМ И ХАДСОНОМ

Копия для г-на посла.

Совершенно секретно.

ЗАПИСЬ.

Г-н Вольтат сообщил мне следующее о своих беседах с сэром Горацием Вильсоном и г-ном Хадсоном из министерства внешней торговли:

1. Хадсон передал Вольтату через норвежского члена китоловной комиссии, что он очень хотел бы поговорить с ним. После этого, с моего согласия, была намечена беседа, которая состоялась вчера во второй половине дня. Во время этой беседы Хадсон развивал далеко идущие планы англо-германского сотрудничества в целях открытия новых и эксплоатации существующих мировых рынков. Он высказал, между прочим, мнение, что в мире существуют

ещё три большие области, в которых Германия и Англия могли бы найти широкие возможности приложения своих сил, а именно: английская империя [1], Китай и Россия. Англия собственными силами не может в достаточной мере обслужить свою империю, и было бы возможно и в этой сфере более широкое привлечение Германии. Точно так же Япония не может удовлетворить весь Китай в экономическом отношении; в России — положение вещей аналогично.

Хадсон высказался затем подробнее о разграничении сфер английских и германских интересов и о возможности устранения убийственной конкуренции на общих рынках.

Г-н Вольтат вынес впечатление, что Хадсон обладает широким кругозором и хорошо разбирается в существе дела.

2. Сэр Гораций Вильсон во время своей первой беседы развивал перед г-ном Вольтатом мысли, которые он подтвердил и развил более подробно во второй беседе. Сэр Гораций подготовил документ, в котором была изложена детально разработанная широкая программа; он начинался словами: «При условии, что...» [2] (вероятно, это означает: «При условии, что политическое соглашение с Англией будет достигнуто, — должны вступить в силу следую-

---

[1] В оригинале: «Das englische Empire».

[2] В оригинале по-английски: «Under the assumption that...»

щие пункты»). Сэр Гораций Вильсон дал совершенно ясно понять, что Чемберлен одобряет эту программу; Вильсон предложил Вольтату немедленно переговорить с Чемберленом для того, чтобы Вольтат получил от него подтверждение сказанного Вильсоном. Однако Вольтат ввиду неофициального характера своих переговоров счёл неуместной для себя такую беседу с Чемберленом.

Когда после первой беседы с Вильсоном явилась возможность разговора с Хадсоном, г-н Вольтат, договорившись со мной, во второй раз беседовал с Вильсоном. При этом для него было важно получить более ясное представление в отношении некоторых пунктов, чем это было возможно при первой беседе. Своё желание поговорить с Вильсоном во второй раз он объяснил ему тем, что он хочет поставить его в известность о состоявшейся беседе с Хадсоном и одновременно удостовериться, говорил ли Хадсон по поручению кабинета.

Программа, которая обсуждалась г-ном Вольтатом и сэром Горацием Вильсоном, заключает:

a) политические пункты,

b) военные пункты,

c) экономические пункты.

К пункту «а».

1) *Пакт о ненападении.* Г-н Вольтат подразумевал под этим обычные, заключавшиеся Германией с другими державами, пакты о ненападении, но Вильсон хотел, чтобы под пактом о ненападении понимался отказ от принципа агрессии как таковой.

2) *Пакт о невмешательстве,* который должен включать разграничение расширенных пространств [1] между великими державами, особенно же между Англией и Германией.

К пункту «b» — Ограничение вооружений.

1) На море,

2) на суше,

3) в воздухе.

К пункту «c».

1) *Колониальные вопросы.* В этой связи обсуждался главным образом вопрос о будущем развитии Африки. Вильсон имел в виду при этом известный проект образования обширной колониально-африканской зоны, для которой должны были бы быть приняты некоторые единообразные постановления. Вопрос, в какой мере индивидуальная собственность на немецкие колонии, подлежащие возвращению нам, сохранилась бы за нами после образования интернациональной зоны, — остался открытым. То, что в этой области, по крайней мере теоретически, англичане готовы или были бы готовы пойти нам далеко навстречу, явствует из того достоверно известного г-ну Вольтату факта, что в феврале английский кабинет принял решение вернуть Германии колонии. Сэр Гораций Вильсон говорил также о германской колониальной деятельности в Тихом океане; однако в этом вопросе г-н Вольтат держался очень сдержанно.

---

[1] В оригинале: «Grossräume».

2) *Сырьё и приобретение сырья для Германии.*

3) *Промышленные рынки.*

4) *Урегулирование проблем международной задолженности.*

5) *Взаимное финансовое содействие* [1].

Под этим сэр Гораций Вильсон понимал санирование Германией восточной и юго-восточной Европы. При обсуждении этого пункта г-н Вольтат говорил о квалифицированной клаузуле наибольшего благоприятствования, на включении которой Германия должна особенно настаивать. На мой вопрос о значении этой клаузулы г-н Вольтат ответил, что условия наибольшего благоприятствования в сочетании с господствовавшей в мире золотой валютой, как это имело место перед войной, теперь в прежнем смысле недействительны. В силу различий валютной системы и жизненного уровня, а также издержек производства невозможно предоставлять одинаковые шансы при экспорте в Германию столь различным по своему характеру странам, как, например, Канада, Аргентина и Румыния. Такая страна, как Румыния или Югославия, с её низким жизненным уровнем, должна была бы получить более благоприятные условия, посредством применения более низких пошлин на часть её продукции при вывозе в Германию. Г-н Вольтат сказал, что он отдаёт себе полный отчёт в том, что это фактически приводит к

---

[1] Пункт 5 в оригинале написан по-английски: «Exchange of financial facilities».

отмене системы наибольшего благоприятствования; но всё же очень важно, как назвать дитя для того, чтобы никого не обидеть.

Конечной целью, к которой стремится г-н Вильсон [1], является широчайшая англо-германская договорённость по всем важным вопросам, как это первоначально предусматривал фюрер. Тем самым, по его мнению, были бы подняты и разрешены вопросы столь большого значения, что ближневосточные проблемы, зашедшие в тупик, как Данциг и Польша, отошли бы на задний план и потеряли бы своё значение. Сэр Гораций Вильсон определённо сказал г-ну Вольтату, что заключение пакта о ненападении дало бы Англии возможность освободиться от обязательств в отношении Польши. Таким образом, польская проблема утратила бы значительную долю своей остроты.

На вопрос г-на Вольтата, одобрены ли предложения Хадсона, Вильсон ответил, что они обсуждались влиятельными членами кабинета, но окончательное решение на этой стадии ещё не последовало.

Г-н Вольтат заметил по этому поводу, что принципиальному урегулированию обсуждавшихся с г-ном Хадсоном вопросов должно предшествовать урегулирование колониальных вопросов.

---

[1] В машинописном тексте здесь значится фамилия «Вольтат»; она зачёркнута синим карандашом и сверху надписано «Вильсон».

На последующий вопрос г-на Вольтата, согласится ли английское правительство в надлежащем случае на то, чтобы кроме вышеупомянутых проблем с германской стороны были поставлены на повестку дня ещё и другие вопросы, Вильсон ответил утвердительно; он сказал, что фюреру нужно лишь взять лист чистой бумаги и перечислить на нём интересующие его вопросы; английское правительство было бы готово их обсудить.

Затем г-ном Вольтатом был поставлен вопрос, каким образом можно получить со стороны какого-либо английского деятеля или инстанции подтверждение этой программы переговоров, чтобы перевести переговоры в стадию реализации.

На это сэр Гораций Вильсон ответил, что решающим моментом в этом отношении было бы назначение фюрером какого-либо полномочного лица для обсуждения вышеупомянутой программы. Если со стороны фюрера последует такое волеизъявление, то английская сторона согласится на дальнейшее обсуждение вопроса любым путём.

Относительно своих июньских переговоров[1] г-н Вольтат сказал сэру Горацию Вильсону, что он сделал о них доклад фельдмаршалу Герингу, добавив, что он попытается теперь установить, считает

---

[1] Из публикуемого документа ясно, что переговоры об англо-германском соглашении велись уже в июне. Других материалов об июньских переговорах в архиве Дирксена не обнаружено.

ли фюрер данный момент подходящим, чтобы приступить к такому обсуждению.

Сэр Гораций Вильсон с большим оживлением ответил, что если это удастся, то будет сделан важнейший шаг по пути преодоления трудностей.

Сэр Гораций Вильсон сказал далее, что в Англии предполагается этой осенью провести новые выборы. Тактически, с чисто внутриполитической точки зрения, правительству безразлично, будут ли выборы проходить под лозунгом: «Готовность к надвигающейся войне» [1] или же под лозунгом: «Имеется в виду и может быть достигнуто прочное соглашение с Германией». Оно может мобилизовать своих избирателей под любым из этих двух лозунгов и сохранить за собой власть на следующие пять лет. Само собой разумеется, что мирный лозунг для него предпочтительней.

Лондон, 21 июля 1939 г. Подп. ***фон ДИРКСЕН.***

Копии:

1. Г-ну советнику Кордту
   для сведения.
2. В закрытом конверте в архив.

---

[1] В оригинале: «Bereitschaft für einen kommenden Krieg».

№ 14

ДОНЕСЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В ЛОНДОНЕ ДИРКСЕНА МИНИСТЕРСТВУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Копия для г-на посла.
Лондон, 24 июля 1939 г.

Секретно.

А. 2974.
В дополнение к донесениям
от 24 июня с. г. — А. 2492 и
от 10 июля с. г. — А. 2718[1].

Министерству иностранных дел,
Берлин.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДОНЕСЕНИЕ.

Содержание: Решение британского правительства о конструктивной политике.

После того как возбуждение, вызванное данцигским кризисом в конце недели, улеглось, наступило всеобщее успокоение, давшее возможность руководящим деятелям сосредоточить своё внимание на центральном вопросе: повлечёт ли за собой войну напряжённость германо-английских отношений или же можно достигнуть соглашения мирным путём? Среди ответственных и безответственных, алчущих

[1] См. выше, док. № 12.

войны и трезвых политиков господствует единомыслие относительно того, что крайнее напряжение, существовавшее в течение ряда месяцев, дольше продолжаться не может. В то время как пресса и большая часть политических деятелей не идут дальше фатализма или воинственного разглагольствования, немногие, действительно решающие, государственные деятели Англии глубже продумали и ещё более конкретизировали упомянутые в моём донесении от 24 июня 1939 года соображения о конструктивной политике в отношении Германии. Указанные в этом донесении внешнеполитические и внутриполитические тенденции — напряжённость отношений с Японией, приостановка переговоров о пакте с Россией, сомнения в дееспособности польского союзника, тактические предвыборные соображения — продолжали оказывать тем временем своё действие и усиливали конструктивные тенденции.

Общие соображения, каким образом можно вступить на мирный путь урегулирования отношений с Германией, воплотились, повидимому, в ряд конкретных пунктов, которые все вместе и одновременно могли бы быть подвергнуты обсуждению. В настоящее время разрабатывается обширная экономическая программа на основе политического умиротворения, которая посредством широко охватывающей формулы должна обеспечить принцип ненападения и разграничения сфер политических интересов; в эту программу будут включены следующие вопросы: колонии, сырьё, сферы экономических

интересов, договорённость о сотрудничестве на рынках третьих стран. Само собой разумеется, что в программу включается также пункт об ограничении вооружений, что представляет для англичан наибольший интерес. Более точные сведения об этих планах руководящих кругов может дать штаатсрат Вольтат, который во время своего пребывания в Лондоне вёл на прошлой неделе, по английской инициативе, обстоятельные беседы об этих планах.

Для сторонников этих планов наиболее головоломным является вопрос, как приступить к осуществлению этих переговоров. Общественное мнение настолько возбуждено, а поджигатели войны и интриганы настолько взяли сейчас верх, что опубликование сообщения о подобных планах ведения переговоров с Германией было бы немедленно взято под смертоносный огонь Черчиллем или другими подстрекателями, которые тотчас же выступили бы с лозунгом: «Долой второй Мюнхен» или «Долой возврат к политике умиротворения». Насколько деятельна и опасна эта группа, показало опубликование факта конфиденциальных переговоров между Вольтатом (сэр Гораций Вильсон и Вольтат) и министром внешней торговли Хадсоном; добавочная отрава была распространена опубликованием совершенно фантастической и лживой программы переговоров. То, что «Дейли телеграф» и «Ньюс кроникл» возглавляют эту кампанию травли, ясно показывает, кто именно заправляет ею из-за кулис.

Лица, занятые выработкой программы переговоров, понимают поэтому, что подготовительные шаги, направленные в сторону сближения с Германией, должны быть сделаны самым секретным образом. Лишь после того, как будет установлена готовность Германии вести такие переговоры и будет достигнуто единомыслие, по крайней мере, в отношении программы, а может быть и в отношении отдельных общих принципов, — лишь тогда английское правительство почувствовало бы себя достаточно сильным, чтобы осведомить общественное мнение о своих намерениях и о сделанных уже шагах. И если оно сможет таким путём подать надежду на урегулирование германо-английских отношений, то, по его убеждению, такое сообщение будет встречено общественностью с большой радостью и заставит замолчать всех интриганов.

От осуществления подобного плана ожидают так много, что даже считают его весьма эффективным избирательным лозунгом, который обеспечит правительственным партиям победу на осенних выборах и сохранит за ними власть на следующие пять лет. Однако среди избирательных загонщиков утвердилось убеждение, что победы на выборах можно наверняка добиться и с помощью противоположного лозунга: «Подготовка к будущей войне» — если не будет никаких надежд договориться с Германией.

Эта констатация означает вместе с тем, что ограниченность времени оказывает известное давле-

ние на принятие принципиального решения о начале переговоров с Германией и на достижение принципиального согласия. Так как выборы, повидимому, будут происходить в ноябре, а организационная подготовка их потребует около 6 недель, то английская сторона должна будет попытаться покончить с германским вопросом не позднее конца сентября. В отношении сроков имеется налицо некоторый оптимизм, так как полагают, что и германская сторона, при принципиальном согласии вступить в переговоры, должна стремиться к ускорению дела ввиду предстоящего партейтага в Нюрнберге.

В заключение я хотел бы подчеркнуть, что германо-польская проблема нашла место в планах урегулирования отношений с Германией в том смысле, что, как полагают, в случае достижения соглашения между Германией и Англией разрешение польской проблемы значительно облегчится, так как более спокойная атмосфера облегчила бы ведение переговоров и заинтересованность Англии в Польше уменьшилась бы.

Изложенные выше планы авторитетных английских государственных деятелей могут показаться утопичными в свете разнузданного тона высказываний английской прессы и политических деятелей и наряду с политикой окружения, которая продолжает проводиться, хотя и не с прежним воодушевлением. Однако эти планы приобретают известную реальность, если учесть незначительность влияния англий-

ской германофобской печати и отдать себе, кроме того, отчёт в том, что достижение соглашения с Германией является для Англии всё ещё самой важной и желанной целью, в противоположность другой альтернативе — войне, которая велась бы с величайшей неохотой, но возникновение которой считают неизбежным, если не будет достигнуто соглашение с Германией.

Подп. *фон ДИРКСЕН*.

№ 15

ЗАПИСЬ ТЕЛЕФОННОГО РАЗГОВОРА ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В ЛОНДОНЕ ДИРКСЕНА С ГОРАЦИЕМ ВИЛЬСОНОМ И ОРМОМ САРДЖЕНТОМ

Копия для г-на посла.

ЗАПИСЬ.

Сегодня я телефонировал сэру Горацию Вильсону и затем сэру Орму Сарджент (сэр Александер Кадоган в отпуску) и сообщил им, что я хотел бы сделать некоторые замечания по поводу опубликования в печати сообщений, инспирированных г-ном Хадсоном о его беседе с г-ном Вольтатом. При этом я почти дословно придерживался нижеследующего текста моих заметок [1]:

1.) Беседа между г-ном Хадсоном и г-ном Вольтатом состоялась по инициативе не г-на

[1] Содержание последующих трёх пунктов записано на английском языке.

Вольтата, а норвежского делегата (которого г-н Хадсон просил действовать в качестве посредника).

2.) Так как г-ну Хадсону приписывается заявление, сделанное им будто бы нескольким журналистам о том, что германское посольство совершило нескромность, я хотел бы засвидетельствовать, что ни один член посольства, ни сам г-н Вольтат не давали никому какой-либо информации по поводу этого свидания.

3.) Судя по тому, что сообщено мне г-ном Вольтатом о беседе его с г-ном Хадсоном, — сообщение, опубликованное в газетах, — выражаясь мягко, — в высшей степени неправильно.

Сэр Гораций Вильсон был очень осторожен при разговоре по телефону и ничего не ответил, так что я, для большей уверенности, спросил его ещё раз, достаточно ли ясно я выразил свои мысли, на что он ответил утвердительно. С сэром Ормом Сарджентом разговор был более продолжительным, потому что он ещё раз спросил меня, действительно ли норвежский делегат играл роль посредника г-на Хадсона; в ответ на это я ему несколько подробней рассказал о беседе норвежца с г-ном Вольтатом. Я подчеркнул при этом, что я позвонил сэру Орму Сардженту потому, что, ввиду поставленных сегодня в парламенте вопросов, дело может принять самый срочный характер.

Сэр Орм Сарджент осведомился попутно о содержании беседы г-на Вольтата с г-ном Хадсоном,

на что я ему ответил, что мнимый заём не играл никакой роли во время беседы, которая была скорее в основном посвящена открытию мировых рынков, сотрудничеству, урегулированию цен и валютным вопросам.

Сэр Орм Сарджент поблагодарил меня за сделанное сообщение и сказал, что он тотчас же в срочном порядке составит записку.

Лондон, 24 июля 1939 г.

Подп. *фон ДИРКСЕН.*

1. Г-ну Кордту.
2. » фон Зельцам.
3. » д-ру Хессе.
4. В дело.

№ 16

ОБЗОР АНГЛИЙСКОЙ ПЕЧАТИ С 10 ПО 24 ИЮЛЯ 1939 г., СОСТАВЛЕННЫЙ СОВЕТНИКОМ ГЕРМАНСКОГО ПОСОЛЬСТВА В ЛОНДОНЕ ХЕССЕ

СОВЕТНИК ПОСОЛЬСТВА
ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ.

Лондон, 24 июля 1939 г.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПЕЧАТИ
с 10 по 24 июля 1939 г.

1.) Последние две недели принесли значительное обострение внешнеполитического напряжения. Это можно объяснить двумя причинами:

a) растущей мобилизацией внутри страны (вслед за воздушными силами фактически проводится широкая мобилизация армии и флота),

b) борьбой между группой, желающей успокоения, и группой, которая либо считает необходимым добиться явного дипломатического поражения Германии, либо отвергает соглашение с ней при всяких условиях и поэтому толкает к войне. Легко можно

было наблюдать, что всякая видимость тенденции, направленной на достижение успокоения, вызывала противодействие военной партии. Отчасти это можно неопровержимо доказать, пользуясь политической печатью.

2.) В качестве первого примера этой тенденции должны служить слухи, распространившиеся в середине недели с 10 по 17 июля об улучшении положения в Данциге и вместе с тем о начавшихся примирительных германо-польских переговорах. Этим слухам не только охотно верили, но они были приняты с одобрением и с чувством облегчения широкими общественными кругами. Это, однако, не соответствовало видам военной партии, которая поэтому посредством контрманевра вновь пыталась усилить ослабевающее напряжение. «Ньюс кроникл» использовала как повод для интервью с польским президентом Рыдз-Смиглы вымышленные заявления мнимого немецкого осведомителя, будто бы фюрер, для того чтобы разрешить данцигский вопрос мирным путём, намерен выставить свою кандидатуру для избрания его президентом данцигского сената. Интервью имело целью указать на непримиримость польской точки зрения и тем самым сделать невозможным всякое соглашение о возвращении Данцига рейху. Интервью польского президента, которое только окольным путём, через варшавскую прессу, снова попало затем в английские газеты, послужило предлогом для тех же кругов, чтобы принудить британское правительство вновь заявить, что оно при лю-

Der Pressebeirat der Botschaft

London, den 24. Juli 1939

Pressepolitische Beobachtungen in der Zeit
von 10. - 24. Juli 1939.

1.) Die letzten zwei Wochen haben eine beträchtliche Verschärfung der aussenpolitischen Spannung mit sich gebracht. Diese war auf zweierlei Gründe zurückzuführen: a) die wachsende Mobilmachung im Innern (Nach der Luftwaffe sind nunmehr auch Armee und Flotte praktisch im Zustande weitgehender Mobilisation) b) auf die Auseinandersetzung zwischen der Gruppe, die eine Beruhigung wünscht, und der anderen Gruppe, die entweder eine klare diplomatische Niederlage Deutschlands für unerträglich hält, oder überhaupt gegen jede Verständigung mit Deutschland ist und daher zum Kriege treibt. So war deutlich zu beobachten, dass jeder Anschein einer nach Beruhigung klingenden Tendenz g Gegenaktionen der Kriegspartei auslöste. Dies lässt sich z. T. pressepolitisch einwandfrei nachweisen.

2.) Als erstes Beispiel für diese Tendenz müssen die Gerüchte gelten, die in der Mitte der Woche vom 10. - 17. Juli von einer Beruhigung der Lage in Danzig, und gleichzeitig damit von deutsch-polnischen Verständigungsverhandlungen wissen wollten. Diese Gerüchte wurden nicht nur bereitwillig geglaubt, sondern wurden von der breiten Masse der Öffentlichkeit auch mit Zustimmung und Erleichterung aufgenommen. Dies passte jedoch der Kriegsgruppe nicht, die daher versuchte durch ein Gegenmanöver die nachlassende Spannung erneut zu erhöhen. Der "News Chronicle" nahm daher erfundene Erklärungen eines angeblichen deutschen Gewährsmannes, dass der Führer sich zum Senatspräsidenten von Danzig wählen lassen wolle, um die Danziger Frage auf diese Weise friedlich zu lösen zum Anlass, um ein Interview mit den polnischen Staatspräsidenten Hyde-Smigly zu machen, in dem auf die Unvereinbarkeit des polnischen Standpunktes hinzuweisen, und damit jede Verständigung über eine Rückkehr Danzig ins Reich unmöglich zu machen. Das Interview des polnischen Staatspräsidenten, das erst auf dem Umweg über die Berliner Presse dann wieder in die englische Presse zurückgelangte, gab dann den gewünsch-

Фотокопия первой страницы документа № 16.

бых обстоятельствах оказало бы Польше помощь, если бы последняя была готова вступить в борьбу. Часть прессы высказывалась ещё резче, чем раньше, в том смысле, что всякое одностороннее изменение данцигского статута дало бы Польше право вмешательства. В то же время польская пропаганда получила возможность ещё энергичнее, чем раньше, доказывать, что утрата Польшей Данцига и присоединение его к империи имели бы своим следствием, со стратегической точки зрения, утрату Польшей её независимости. Какая-либо германская аргументация в пользу того, что обладание Данцигом или утрата его не связаны со стратегическим положением Польши, не была здесь опубликована [1].

3.) Следствием этой ориентации общественного мнения в сторону ещё более острой и односторонней полонофильской точки зрения было то, что и позиция прессы в отношении Данцига ещё более обострилась. Поэтому с величайшим удивлением здесь были восприняты сообщения, основанные на заявлениях, якобы сделанных на пресс-конференции в министерстве пропаганды; эти сообщения содержали два утверждения: a) что фюрер на 100% полон решимости не допустить возникновения мировой войны из-за Данцига и b) что фюрер вместе с тем ожидает стопроцентного разрешения данцигского вопроса в

---

[1] Слева на полях простым карандашом приписано: «Как это могло быть сделано? Это делалось в беседах».

пользу Германии. При господствующем здесь напряжённом настроении эти сообщения могли быть сочтены только за доказательство изменения германского курса. Прессой это было воспринято и преподнесено так, что стало ясно, с каким облегчением приветствовали бы здесь мирное урегулирование данцигского вопроса путём переговоров, если бы оно оказалось возможным. Однако при этом обнаружилось также, насколько сильны враждебные влияния. За первым благоприятным впечатлением от этих сообщений последовало два мероприятия, которые сейчас же ослабили это впечатление и даже отчасти вызвали противоположное чувство. Первым мероприятием было заявление германского информационного бюро, которое создало здесь представление, будто германская сторона хочет отказаться от первого своего заявления; вторым — были разъяснения отдела печати английского министерства иностранных дел, который счёл нужным указать на противоречивость первого германского сообщения и подчеркнуть, что британское правительство будет неизменно придерживаться последних заявлений Чемберлена. Результатом обоих этих заявлений было создание недоверия к намерениям Германии, что ясно было видно из всех комментариев. При этом министерство иностранных дел просило печать об особо острой трактовке вопроса, чтобы «в Германии не создавалось впечатления, будто Англия склонна позволить обмануть себя каким-либо трюком». Этот лозунг был в частности подхвачен «Тайм-

сом», который приписал германскому комментатору заявление, будто бы фюрер рассчитывает, что британский кабинет окажет в конце концов давление на Варшаву и вынудит её к уступкам. В действительности такое заявление было бы средством причинить Чемберлену личные затруднения, так как его резкая позиция объясняется отчасти тем, что его враги подозревают, что он способен в один прекрасный день сделать новый поворот и вернуться к политике «умиротворения». Упрёки подобного рода и подозрение, что Чемберлен хочет воспользоваться осенними каникулами парламента для осуществления такого маневра, уже сейчас высказываются в «Ньюс кроникл», «Дейли геральд» и в «Йоркшир пост» и попадают в одну из наиболее чувствительных точек внутриполитического положения. То, что «Таймс» в этом случае прибегает к частичному искажению приписываемых нам заявлений, показывает лишь, насколько возбуждены и насколько впечатлительны сторонники Чемберлена в этом вопросе. Результатом было поэтому вторичное более решительное подтверждение английской точки зрения в передовой «Таймс» от 24 июля. Статья содержит действительно полное отображение нынешней правительственной точки зрения по данцигскому вопросу. Однако эта статья также совершенно недвусмысленно показывает, в чём, по мнению англичан, заключается слабая сторона данцигского вопроса. А именно: статья повторяет, что включение Данцига в состав империи означало бы для Польши со стра-

тегической точки зрения утрату независимости. Подобное мнение, между прочим, высказал в «Сандей таймс» и бывший министр иностранных дел Иден. Если бы удалось доказать, что подобная оценка воссоединения Данцига с империей ложна, то значительная часть ведущейся здесь пропаганды провалилась бы. Для этого нужно было бы подчеркнуть два момента: a) что Польша и сегодня не имеет никакого свободного выхода к морю, а лишь выход во внутреннее море, на котором господствует Германия и которое в случае войны было бы немедленно закрыто; b) что в случае войны Польша потеряла бы коридор в течение нескольких часов и что поэтому уже сейчас Польша не думает защищать его. Оба эти довода в частных разговорах производят впечатление уже и теперь, но пока не имеется подтверждения этой стратегической аргументации из Германии.

4.) Нельзя упускать из виду, что нынешняя напряжённая обстановка чрезвычайно затрудняет всякую аргументацию по существу дела. Проникновение германской пропагандистской аргументации по данцигскому вопросу значительно затрудняется ещё и тем, что снова и снова появляются высказывания, которые здесь в Англии комментируются нашими врагами как тяжкие оскорбления английской чести. Это случилось отчасти с ответной статьёй рейхсминистра пропаганды по поводу неблаговидного выступления Ст. Кинг-Хэлла. Лично мне во время одной бурной беседы заведующий отделом печати министерства

иностранных дел заявил, что на подобные статьи можно бы отвечать, собственно говоря, только объявлением войны, в то время как руководитель печати при премьер-министре пытался доказать мне, что подобного рода статьи должны создать у премьер-министра впечатление, что Германия совершенно отказалась от достижения взаимопонимания с Англией и в конечном счёте хочет войны. При подобного рода заявлениях следует, разумеется, считаться с чрезвычайной возбуждённостью этих господ, с желанием воздействовать на меня в целях пропаганды, а также с несколько искусственной сверхчувствительностью. Но всё же эти высказывания показывают, насколько с здешней точки зрения целесообразно было бы соблюдать известную умеренность, если только в Германии считают ещё желательной деловую аргументацию. При этом следует принять во внимание, что Ст. Кинг-Хэлл ни в коей мере не является авторитетным лицом. Его считают сомнительным политическим дельцом, с которым никто не хочет вести серьёзного дела. Во всяком случае с достоверностью можно было установить, что лорд Галифакс нисколько не солидаризируется с ним и что Кинг-Хэлл инспирируется и получает деньги за свои писания не от английского правительства, а, весьма вероятно, от эмигрантов, чехов и евреев. Как известно, Бенеш собрал в Америке значительные суммы денег, которые используются исключительно для «освобождения Чехословакии». Известно, что Ст. Кинг-Хэлл является

членом комитета действия по «освобождению Чехословакии», в который главным образом входят левые либералы, марксисты и евреи, как и то, что он находится в тесной связи с так называемой «Германской партией свободы». При таком положении вещей становится ясным, что резкие высказывания против британского правительства используются всеми нашими врагами в целях жесточайшей внутриполитической травли. Бесспорно то, что необыкновенно возбуждённая атмосфера в Лондоне и борьба вокруг вопроса, имеется ли ещё какая-либо возможность достигнуть взаимопонимания с Германией, весьма существенно способствует злоумышленному использованию резких германских высказываний, которые при других обстоятельствах не имели бы такого эффекта.

5.) Иллюстрацией этой примечательной обстановки послужило использование и освещение прессой переговоров Вольтата с министром торговли Хадсоном. В течение нескольких дней ходили слухи о беседе доктора Вольтата, которые, однако, удавалось опровергать до тех пор, пока сам министр не счёл целесообразным сообщить прессе в ответ на обращённый к нему вопрос излишние сведения. Судя по полученным мною достоверным заверениям, в огласке повинно французское посольство, которое в пятницу узнало о беседе и забило тотчас же тревогу. А так как эта тревога французских друзей в Англии началась поздно вечером в пятницу и не смогла найти отражения в субботних газетах, то

влияние этого сообщения сказалось в печати лишь в понедельник. Заявления Хадсона показательны для той психологической обстановки, которая в настоящее время, повидимому, не позволяет влиятельным правительственным деятелям проявить даже видимость желания достигнуть соглашения. Часть преувеличенных и неуместных заявлений Хадсона, появившихся в печати, можно во всяком случае объяснить лишь тем, что Хадсон опасался, что его могут объявить сторонником политики умиротворения. Характерным примером того, какие круги в Англии стараются воспрепятствовать любому сближению с Германией, может служить тот факт, что Вернон Бартлетт из «Ньюс кроникл» и Гордон Ленноксиз «Дейли телеграф» были первыми, открывшими перекрёстный огонь, и что особенно злонамеренное искажение и фальсификация беседы были даны Г. Ленноксом.

6.) Исходя из нынешней внутриполитической обстановки, следует считаться с тем, что в течение ближайших двух недель, являющихся последними двумя неделями работы нынешнего парламента, стремление повысить напряжение значительно усилится. Дафф Купер опубликовал в печати предложение о создании, главным образом, из врагов политики умиротворения своего рода парламентского наблюдательного совета, который должен воспрепятствовать Чемберлену вернуться к политике умиротворения. Поэтому следует считаться с тем, что газеты этих кругов («Ньюс кроникл», «Дейли

геральд», «Дейли телеграф») сделают всё от них зависящее, чтобы посредством соответствующей политической кампании в печати сковать правительство и таким образом лишить его всякой свободы действий, имеющих целью соглашение с Германией.

Подп. *д-р* ***ФРИЦ ХЕССЕ***,

№ 17

ТЕЛЕГРАММА ГЕРМАНСКОГО МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РИББЕНТРОПА ПОСЛУ В ЛОНДОНЕ ДИРКСЕНУ

Копия для г-на посла.

ШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА.

Берлин, 31 июля [193]9. 13 ч. 18 м.
Лондон, 31 июля [193]9. 14 ч. 10 м.

Германскому посольству.
Лондон.
Весьма срочно!
286 от 31.7.
Лично послу.

Прошу немедленно телеграфировать содержание политических переговоров, которые министериальдиректор Вольтат вёл при последнем своём посещении Лондона, в особенности отчёт о совещаниях Вольтата с Вами, так как он сообщает, что вёл политические переговоры по согласованию с послом.

РИББЕНТРОП.

№ 18

ДОНЕСЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В ЛОНДОНЕ ДИРКСЕНА МИНИСТЕРСТВУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Копия для г-на посла.

ШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА.

МИД. Берлин.
Весьма срочно! №.... [1] от 31.VII.
На телеграфную инструкцию № 286 от 31. VII.
Лично рейхсминистру.

1. Во время своего пребывания здесь министериальдиректор Вольтат был приглашён на беседу как сэром Горацием Вильсоном, так и министром внешней торговли Хадсоном. По соглашению со мной В[ольтат] пошёл навстречу этой просьбе и сообщил мне устно содержание этих бесед. Я сообщил о его здешнем пребывании по телеграфу (ср. телеграмму № 263 от 23.VII) и представил письменное донесение о его беседах с Вильсоном (А. 2974 от 24.VII) [2].

[1] Номер не проставлен в оригинале.

[2] См. выше, док. № 14.

2. В моих беседах с Вольтатом в особенности обсуждался вопрос, насколько сделанные ему Вильсоном сообщения согласуются с замеченными мною тенденциями конструктивной политики в здешних правительственных кругах (ср. донесение A. 2492 от 24.VI и A. 2718 от 10.VII) [1]. При этом мы могли установить, что наблюдавшиеся до сих пор тенденции общего характера выкристаллизовались в план, основанный преимущественно на хозяйственно-политических предпосылках, который был выработан или, по крайней мере, одобрен Чемберленом.

3. Обобщая мои сообщения, мне хотелось бы ещё раз повторить, что инициативу, проявленную Вильсоном и Хадсоном, можно объяснить следующей господствующей здесь точкой зрения, а именно:

a) что напряжение, существующее в отношениях между Германией и Англией, приведёт к войне, если не будут сделаны попытки к урегулированию отношений между ними;

b) что английская политика окружения является опасной для дела мира и сопряжена со значительным риском для Англии;

c) что состояние вооружений Англии позволяет правительству попытаться пойти на компромисс с Германией, не вызывая подозрения в слабости.

4. Желание Вильсона обосновать перед Вольтатом свои мысли преимущественно хозяйственно-политического характера следует, повидимому,

---

[1] См. выше, док. № 12.

объяснить тем, что Вильсон — главный экономический советник британского правительства — видел в Вольтате — уполномоченном [1] по четырёхлетнему плану — специалиста в той же области. Как замечает одна здешняя газета, Вольтат вёл себя как учтивый слушатель, что видно также из того, что он категорически отклонил предложение Вильсона получить подтверждение изложенных последним мыслей со стороны политической инстанции (премьер-министра Чемберлена), так как он не считал себя уполномоченным на это.

ДИРКСЕН.

---

[1] В оригинале слово «уполномоченный» вписано карандашом вместо зачёркнутого в тексте: «экономический советник».

№ 19

ТЕЛЕГРАММА СТАТС-СЕКРЕТАРЯ ГЕРМАНСКОГО МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ВЕЙЦЗЕКЕРА ПОСЛУ В ЛОНДОНЕ ДИРКСЕНУ

A[1] 3104[2].
Берлин, 31 июля [193]9. 22 ч. 30 м.
Лондон, 31 июля [193]9. 23 ч. 30 м.

Германскому посольству.
Лондон.
289 от 31.7.

В дополнение к № 286[3] A[1] 3101[2].
Г-ну послу лично.

Вольтат по возвращении в Берлин сделал доклад о своей беседе с сэром Горацием Вильсоном. Этот доклад был передан генерал-фельдмаршалом Герингом рейхсминистру иностранных дел. Он содержит предложение Вильсона о широком англо-германском сотрудничестве, иначе говоря, о соглашении политического, военного и экономического характера. Эти предложения рассматриваются, повидимому,

[1] Штамп.
[2] Цифры проставлены синим карандашом.
[3] См. выше, док. № 17.

английской стороной как официальный зондаж. Вольтат, очевидно, не задал Вильсону напрашивающегося вопроса, предполагают ли эти предложения одновременный отказ от связанных с политикой окружения переговоров, в особенности с Москвой. Как уже указано в предыдущей телеграмме, рейхсминистр иностранных дел просит сообщить по телеграфу о содержании переговоров с Вольтатом, а также о Вашем отношении к ним.

ВЕЙЦЗЕКЕР.

A 104

Berlin	31.Juli	9	22.	30
London	31.Juli	9	23.	30

An die Deutsche Botschaft

289 vom 31.7. London.

Im Anschluß an 286.

Für Herrn Botschafter persönlich.

Wohlthat hat bei Rückkehr nach Berlin Bericht über seine Unterhaltung mit Sir Horace Wilson gemacht, welcher von Generalfeldmarschall Goering an Reichsaussenminister gelangt ist. Dieser Bericht enthält Anregung Wilson für eine umfassende deutsch- englische Zusammenarbeit bezw. Abreden in politischer, militärischer und wirtschaftlicher Hinsicht. Diese Anregungen scheinen von englischer Seite als ein offizieller Weiser betrachtet zu werden. Wohlthat hat an Wilson die naheliegende Frage offenbar nicht gerichtet, ob die Anregungen gedacht sind unter gleichzeitiger Preisgabe der Einkreisungsverhandlungen insbesondere mit Moskau. Reichsaussenminister bittet wie schon im Vortelegramm angegeben, um Drahtbericht über Inhalt der Besprechungen mit Wohlthat sowie um Ihre Stellungnahme dazu.

Weizsäcker.

Фотокопия документа № 19.

№ 20

ДОНЕСЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В ЛОНДОНЕ ДИРКСЕНА МИНИСТЕРСТВУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Копия для г-на посла.
Лондон, 31 июля 1939 г.

A. 2964.

Строго доверительно!

1 приложение в 2 экз.
На телеграфную инструкцию № 267 от 22 с. м.
Министерству иностранных дел.
Берлин.

Содержание: Осведомление британского общественного мнения о внешнеполитических проблемах Германии, в особенности по данцигскому вопросу.

I. Предпосылки всякой пропагандистской деятельности.
II. Предложения по методике пропаганды:
a) статейный материал;
b) письма в редакцию;
c) рассылка брошюр и т. п.;
d) польские высказывания;
e) прочее.

III. Прежняя деятельность посольства:

a) письма в редакцию;

b) лекции агентов негерманского происхождения;

c) посредническая деятельность по устройству бесед и докладов для лица, прибывшего из Данцига;

d) использование донесений германских учреждений в Польше [1];

e) использование речи фюрера от 28 апреля с. г.;

f) руководящие статьи для германской и английской прессы.

I.

Установление публицистических взаимоотношений обеих стран поставлено перед следующей альтернативой: либо на каждый выпад и каждую клевету давать соответственно резкий ответ по принципу «на крепкий сук — острый топор», — тогда нужно отказаться от мысли найти в прессе другой страны понимание и распространение наших политических идей и намерений, — либо отказаться от расплаты тою же монетой за каждый выпад в печати против-

[1] В оригинале: «Die deutschen Behörden in Polen».

ной стороны и сосредоточить свои усилия на том, чтобы продвинуть собственные политические соображения в прессу и в общественное мнение другой страны. Что касается соединения обеих альтернатив, то практически невозможно вести враждебную кампанию в прессе и [одновременно] находить сочувствие и распространять свои идеи в печати [другой страны].

Вышеизложенное общее замечание особенно важно при современных взаимоотношениях между английской и германской журналистикой и при наличии желания с нашей стороны найти в английской общественности понимание наших намерений и целей, ибо необходимой предпосылкой для всякой попытки разъяснить здешней общественности наши проблемы, в особенности проблему Данцига, восточный вопрос и вопрос колоний, является перестройка германской антибританской пропаганды в печати, по радио и прочими путями и тем самым достижение общего успокоения. Невозможно хотя бы с какими-нибудь видами на успех добиваться понимания германской точки зрения в данцигском вопросе, когда королевская чета, британская армия, британские учреждения подвергаются резким нападкам или насмешкам со стороны нашей пропаганды, или когда общественное мнение Англии в результате массового распространения плохих переводов немецких статей, оскорбляющих английский образ мышления, беспрерывно и всё сильнее раздражается и возбуждается.

Когда это условие будет выполнено, можно будет подумать над тем, какие методы активной пропаганды являются наиболее целесообразными.

II.

а) В донесении № А 2925 от 21 с. м. уже сообщалось о главных причинах, препятствующих помещению в здешних, даже правооппозиционных газетах присланного до сих пор материала, несомненно ценного для осведомления посольства. Кроме того, необходимо указать на следующее: британская печать — в той её части, которая имеет значение, — принципиально не публикует никаких статей, поступающих извне, а помещает только статьи, написанные её собственными сотрудниками. Поэтому переданный посольством материал в лучшем случае мог бы появиться в свет после редакционной переработки как собственная продукция соответствующей газеты. Возможно, что кое-где удастся поместить подходящий материал в первоначальном виде (как это отмечалось в вышеупомянутом отчёте). Но, как правило, и он сможет служить только для информации и формирования взглядов определённых редакций.

Подходящими для распространения в Соединённом королевстве были бы, впрочем, хорошие переводы отдельных статей из «Дейче дипломатише корреспонденц», язык которой в общем соответствует английской психике. Если бы оказалось воз-

можным, смотря по обстоятельствам, иметь здесь под рукой несколько экземпляров переводов каждой из этих статей — уже за день до их опубликования в Германии — виды на их публикацию также и в здешней прессе значительно повысились бы.

b) Кроме того, «Письма в редакцию» были и остаются одной из лучших возможностей проведения пропагандистской работы. На это было указано ещё в пункте 3 b приложения к отчёту от 8 с. м. — A. 2725. Такие письма, как сказано в упомянутом донесении, могут быть написаны как в Англии, так и в Германии. Из организационных соображений кажется всё же целесообразным, чтобы 2—3 хорошо пишущих автора в Германии занялись исключительно чтением 15—20 руководящих газет и журналов, которые выходят в Соединённом королевстве, и составлением писем, опровергающих аргументацию, содержащуюся в передовых статьях или в напечатанных «Письмах в редакцию». Если эти «Письма в редакцию» написаны по-деловому и сколько-нибудь хорошим английским языком и свободны от всякой злобной полемики, можно с некоторой уверенностью рассчитывать на их опубликование. Даже если бы они в том или ином случае не были напечатаны, они всё-таки будут влиять на формирование взглядов редакций.

Независимо от этих организованных ответов из Германии посольство и далее будет считать себя обязанным со своей стороны способствовать составлению писем здесь.

c) Весьма полезное действие оказывает распространение надлежащим образом составленных брошюр на английском языке. Я ссылаюсь здесь на пункт 2 приложения к донесению от 8 с. м. — A. 2725. Наблюдавшаяся до сих пор реакция на разосланную из Данцига брошюру г-на Фукса вполне удовлетворительна. Последующие сообщения по этому поводу будут сделаны.

Можно предсказать успех задуманному г-жой Маргаритой Гертнер сборнику, который она хочет составить из высказываний англичан. То же самое можно сказать о плане переиздания книги Доусона, а также статьи, опубликованной Доусоном в 1931 г. в «Nineteenth Century» (декабрьский выпуск).

d) Наконец, снова повторяем просьбу регулярно сообщать посольству об агрессивных высказываниях польских политиков с точным указанием источников. Такого рода высказывания скрываются здешней прессой. У посольства имелись бы возможности использования этого материала.

e) Остальные предложения помещены в пункте f раздела III.

III.

a) Вопреки обстоятельствам, сильно затрудняющим всякую пропагандистскую деятельность, на которые я ссылался в пункте I, посольство могло отметить известные успехи в своей пропагандистской работе. Я сошлюсь на письмо сэра Арнольда Вильсона, инспирированное нами и помещённое в «Таймс» от 7.VII. 1939 г., о его впечатлениях от

недавнего посещения Данцига и на напечатанное в «Таймс» от 28 с. м. письмо профессора Хаферкорна, которое также отредактировано сообща с посольством. Новые письма такого рода рассылаются. Так, между прочим, историк сэр Реймонд Бизли, получающий консультации в посольстве, регулярно посылает письма в руководящие провинциальные газеты.

b) Украинцу В. фон Коростовец, который, как уже сообщалось, располагает превосходными связями, более всего в консервативных кругах, было поручено подробно освещать данцигский вопрос в лекциях на собраниях консервативной партии в Лондоне и в провинции. Как сообщает г-н фон Коростовец, его лекции по этому вопросу вызывают всеобщий интерес.

c) Кроме того, посольство, разумеется, при всех разговорах и собеседованиях в тесном кругу старается влиять на авторитетных лиц и побуждать их также к известной пропагандистской деятельности. Такого рода собеседования по данцигскому вопросу происходят ежедневно. В этой связи следует указать на деятельность профессора Хаферкорна, который уже приблизительно три недели находится здесь и через посольство установил связь с авторитетными лицами, между прочим, с лордами Арнольдом, Броккетом, Куинборо, Ноэлем Бакстоном, герцогом Бакклей, Джеффри Доусоном, главным редактором «Таймс», и с его сотрудниками Диккином и Кеннеди, генералом Исмей, секретарём

комитета имперской обороны, генералом сэром Уиндхемом Чайлдсом и членами палаты общин сэром Томасом Мором, сэром Арнольдом Вильсоном, В. Казалетом и многими другими. Хаферкорн искусно защищал данцигскую точку зрения и, как было установлено, провёл хорошую пропагандистскую работу.

Было бы желательно, чтобы сюда были посланы с этой же целью и другие подходящие лица, по возможности граждане вольного города Данцига.

d) Доклады о положении германского меньшинства в Польше, регулярно пересылаемые посольству, в особенности материал, посланный при отношении от 11 мая 1939 г. — № Полит. V 3303, — были направлены высокой правительственной инстанции, причём последний материал — в английском переводе, который был изготовлен здесь.

e) В отношении использования речи фюрера от 28 апреля с. г. ссылаюсь на донесение от 29.IV. 39 г. — N A. 1687.

f) В приложении направляется статья советника посольства по делам печати д-ра Хессе, в которой он останавливается на обычных здешних аргументах по данцигскому вопросу. В общем можно было констатировать, что польская пропаганда в Англии применяла три главных тезиса:

Вследствие воссоединения Данцига с империей

1) создалась бы угроза политической независимости Польши;

2) стратегическое положение существенно изменилось бы к невыгоде Польши;

3) экономическая независимость Польши была бы поставлена под вопрос.

Приложенная статья отвечает на эти аргументы в форме, соответствующей английскому образу мышления. Было бы большой поддержкой для работы посольства, если бы эта статья была как можно шире распространена в Германии за подписью какого-нибудь влиятельного лица. В таком случае посольство просило бы прислать в его распоряжение 500 экземпляров на английском языке за день до её опубликования в Германии. Если бы статья появилась за подписью г-на рейхсминистра иностранных дел, то можно предсказать, что в Соединённом королевстве ей будет обеспечено широчайшее распространение.

Подп. ***фон ДИРКСЕН.***

№ 21

ДОНЕСЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В ЛОНДОНЕ ДИРКСЕНА СТАТС-СЕКРЕТАРЮ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ВЕЙЦЗЕКЕРУ

Копия для г-на посла.

МИД. Берлин.
№ 278 от 1. VIII. 1939 г.
На телеграмму № 289 от 31. VII [1].
Лично статс-секретарю.

АВИАПОЧТА — ТЕЛЕГРАММА.

1. Касательно беседы Вольтата с сэром Горацием Вильсоном и моего отношения к ней я ссылаюсь на телеграфное донесение № 277 от 31. VII [2]. То, что Вольтат во время беседы не поднял прямо вопроса об отказе от политики окружения, объясняется его договорённостью со мной о том, чтобы он вообще больше слушал, чем говорил.

2. Несмотря на то, что беседа в политическом отношении не была углублена, моё впечатление таково, что в форме хозяйственно-политических вопросов нам хотели предложить широкую конструк-

[1] См. выше, док. № 19.

[2] См. выше, док. № 18.

тивную программу. Трудности проведения этой программы для британского правительства, при господствующем теперь настроении общественности, указаны в моём донесении от 24.VII — A. 2974 [1].

3. Что соглашение с Германией было бы несовместимо с одновременным проведением политики окружения, ясно здешним руководящим лицам. Определяющие соображения в этом вопросе основываются примерно на следующих положениях:

a) Соглашение с Германией химически, так сказать, растворило бы данцигскую проблему и открыло бы дорогу к германо-польскому урегулированию, которым Англии не было бы больше надобности интересоваться.

b) К продолжению переговоров о пакте с Россией, несмотря на посылку военной миссии, — или, вернее, благодаря этому, — здесь относятся скептически. Об этом свидетельствует состав английской военной миссии: адмирал, до настоящего времени комендант Портсмута, практически находится в отставке и никогда не состоял в штабе адмиралтейства; генерал — точно так же простой строевой офицер; генерал авиации — выдающийся лётчик и преподаватель лётного искусства, но не стратег. Это свидетельствует о том, что военная миссия скорее имеет своей задачей установить боеспособность Советской Армии, чем заключить оперативные соглашения.

---

[1] См. выше, док. № 14.

Высокопоставленный офицер из министерства авиации недавно высказал авиационному атташе своё убеждение в том, что ни британская, ни русская сторона не имеют серьёзного желания заключить соглашение.

c) Относительно оценки военного значения Польши всё ещё имеются сомнения, которые находят своё отражение в сдержанности в финансовом отношении. Отчёт генерала Айронсайда также не был, как слышно, чрезмерно положительным.

d) Располагающий наилучшими связями, принадлежащий к лейбористской партии политик Роден Бакстон (брат лорда Ноэля Бакстона) в разговоре с советником посольства развивал те же положения, что и Вильсон, и указывал на ликвидацию политики окружения, как на само собой разумеющееся следствие соглашения с Германией. Запись беседы с Бакстоном посылается с этой же воздушной почтой.

4 [1]. Всё более усиливается впечатление, что возможность принципиального соглашения с Германией должна быть установлена в течение ближайших недель для того, чтобы определить содержание избирательных лозунгов (ср. донесение от 24.VI—A.2974). Здесь надеются, что политическое успокоение, которого можно ожидать с наступлением вакаций, создаст предпосылки к составлению программы переговоров, имеющей шансы на осуществление.

ДИРКСЕН.

---

[1] В оригинале ошибочно повторена в этом месте цифра «3».

№ 22

ДОНЕСЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В ЛОНДОНЕ ДИРКСЕНА СТАТС-СЕКРЕТАРЮ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ВЕЙЦЗЕКЕРУ

Личный экземпляр г-на посла.

ГЕРМАНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО.
А. 3107.
1 приложение.

Лондон, 1 августа 1939 г.
Копия.

Содержание: Англо-германские отношения.

Немедленно доложить г-ну статс-секретарю.

При сем направляю копию записи советника посольства Кордта о беседе его с лейбористским политиком Чарльзом Роденом Бакстоном, имевшей место в прошлую субботу. Хотя г-н Роден Бакстон и не принадлежит к правительственной партии и его внешнеполитические идеи противоположны идеям большинства Рабочей партии, я всё же считаю, что его высказывания представляют некоторый интерес. Термин «сфера интересов» в смысле разграничения расширенных пространств [1] важнейших держав был

[1] В оригинале: «Grossräume».

употреблён также сэром Горацием Вильсоном в беседе с г-ном штаатсратом Вольтатом. Заслуживает внимания, далее, тот факт, что Чемберлен, подобно Бакстону, выступая вчера в палате общин, с особым ударением упомянул об англо-французском соглашении 1904 г. и англо-русском договоре 1907 г., но, конечно, в иной связи: премьер-министр указал на то, что понадобилось девять месяцев переговоров в 1904 г. и пятнадцать месяцев в 1907 г. для того, чтобы притти к успешному результату. Чемберлен хотел этим ослабить упрёк в чрезмерном затягивании переговоров с Советским правительством.

Подп. *фон ДИРКСЕН.*

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ЗАПИСЬ.

A [1] 3107 [2].

Сегодня, 29 июля 1939 г., меня посетил для частной беседы, предварительно договорившись об этом со мной, бывший депутат лейбористской партии г-н Чарльз Роден Бакстон, брат известного пэра-лейбориста лорда Ноэля Бакстона. Г-н Роден Бакстон, который в настоящее время не имеет мандата, работает при руководстве лейбористской партии на посту, который можно было бы сравнить с постом руководящего офицера в оперативном отделе генерального штаба. Он имеет особое бюро в палате

[1] Штамп.

[2] Цифры проставлены синим карандашом.

Deutsche Botschaft

A.3107

2 Durchschläge.
1 Anlage (3fach)

Inhalt: Deutsch-Englische Besprechungen.

Hauptexemplar f. Hr. Botschafter
London, den 1. August 1939.

Abgesandt am:
1 AUG 1939
mit Ber./Luftp.
D... Kurier

SOFORT Herrn Staatssekretär vorzulegen.

Ich überreiche hiermit Abschrift einer Aufzeichnung, die Botschaftsrat Kordt über eine Unterredung gefertigt hat, die er am vergangenen Sonnabend mit dem Labourpolitiker Mr. Charles Roden Buxton hatte. Wenn auch Herr Roden Buxton nicht der Regierungspartei angehört und mit seinen aussenpolitischen Ideen im Gegensatz zu der Mehrheit der Arbeiterpartei steht, so glaube ich doch, dass seine Ausführungen einiges Interesse beanspruchen können. Der Begriff „Interessensphäre" im Sinne einer Abgrenzung der Grossräume der Hauptmächte ist auch von Sir Horace Wilson in seiner Unterredung mit Herrn Staatsrat Wohlthat gebraucht worden. Es ist ferner bemerkenswert, dass Chamberlain – ebenso wie Buxton – in seiner gestrigen Unterhausrede den britisch-französischen Ausgleichsvertrag aus dem Jahre 1904 und den britisch-russischen Vertrag aus dem Jahre 1907 ausdrücklich erwähnt hat, allerdings in anderem Zusammenhang. Der Ministerpräsident wies darauf hin, dass 1904 neun Monate und 1907 fünfzehn Monate Verhandlungen notwendig waren, um zum erfolgreichen Abschluss zu gelangen. Chamberlain wollte damit den Vorwurf einer übermässig langen Hinauszögerung der Verhandlungen mit der Sowjetregierung entkräften.

gez. von Dirksen

An das
Auswärtige Amt,
Berlin.

Фотокопия документа № 22.

общин и даёт заключения по политическим вопросам для лейбористской партии. В Германии он и его жена стали хорошо известны после их мужественного выступления в защиту немецкого гражданского населения во время французской оккупации Верхнесилезской и Рурской областей. Г-н Роден Бакстон — квакер и пользуется очень хорошей репутацией даже у своих политических противников благодаря своему знанию европейских проблем и прекрасным чертам своего характера.

Г-н Роден Бакстон начал с предупреждения о том, что он не говорит ни от имени лейбористской партии, ни от имени правительства. Он хотел бы лишь изложить мне свои мысли о тех возможностях избежать войны [1], которые, по его мнению, ещё имеются. Он заявил, что должен был убедиться, что публичное обсуждение способов сохранения мира в настоящее время не может привести к цели. Возбуждение народов достигло такой степени, что всякая попытка разумного урегулирования вопроса немедленно саботируется общественностью. Поэтому необходимо возвратиться к своего рода тайной дипломатии. Руководящие круги Германии и Великобритании должны бы попытаться путём переговоров, с исключением всякого участия общественного мнения, найти путь к выходу из невыносимого положения. Он имеет в виду путь, который в своё время в 1904 г. помог лорду Ленсдауну преодолеть

[1] В оригинале: «einer Konflagration».

обострение отношений с Францией и который доказал свою ценность и в 1907 г. при урегулировании напряжённых отношений с Россией.

В 1904 и 1907 гг. Англия стояла в основном перед теми же проблемами, что и сегодня. В период с 1898 г. по 1904 г. Франция использовала каждую возможность, чтобы повсеместно создавать Британской империи затруднения, ибо она считала, что из создавшегося напряжённого положения нет иного выхода, кроме приобретения возможно большего числа союзников к предстоящей войне. Переговоры, которые велись без всякого участия общественности, привели к договору 1904 г., по которому Франции предоставлялась Северо-Западная Африка, а Англии — Северо-Восточная Африка. То же самое имело место и в 1907 г. В то время Россия пыталась минировать империю в Южной Персии, Афганистане и в Тибете. Благодаря договору 1907 г. противоречия были устранены опять-таки путём создания сфер интересов.

Он задаёт себе вопрос, нельзя ли этот же образ действий применить теперь в отношении Германии. Сформулированное фюрером понятие жизненного пространства направляет мысль в эту сторону. Здесь я прервал г-на Родена Бакстона, указав ему на то, что британская политика поступала совершенно противоположным образом. Она вмешивалась в дела, которые ни в какой мере не входили в сферу её интересов. Она даже дала гарантии государствам, которые не нуждались в этих гарантиях, и она подстрекала польское правительство к абсолютно

непримиримому отношению к разумным германским предложениям. Из ответа г-на Родена Бакстона явствовало, что он вовсе не одобряет эту политику, хотя и является членом лейбористской партии. В этом именно и заключается, по его словам, причина того, что он пришёл ко мне. Противоречия настолько обострились, что осталась собственно одна альтернатива — война или разумное соглашение. Г-н Роден Бакстон набросал далее следующий план:

Великобритания изъявит готовность заключить с Германией соглашение о разграничении сфер интересов. Под разграничением сфер интересов он понимает, с одной стороны, невмешательство других держав в эти сферы интересов и, с другой стороны, действенное признание законного права за благоприятствуемой великой державой препятствовать государствам, расположенным в сфере её интересов, вести враждебную ей политику. Конкретно это означало бы:

1) Германия обещает не вмешиваться в дела Британской империи.

2) Великобритания обещает полностью уважать германские сферы интересов в Восточной и Юго-Восточной Европе. Следствием этого было бы то, что Великобритания отказалась бы от гарантий, предоставленных ею некоторым государствам в германской сфере интересов. Далее, Великобритания обещает действовать в том направлении, чтобы Франция расторгла союз с Советским Союзом и

отказалась бы от всех своих связей в Юго-Восточной Европе.

3) Великобритания обещает прекратить ведущиеся в настоящее время переговоры о заключении пакта с Советским Союзом. Странным образом г-н Роден Бакстон в этой связи упомянул и о том, что чешско-советский договор остался без применения.

Со своей стороны, кроме ранее упомянутого невмешательства, Германия должна обещать:

1) Объявить о своей готовности к европейскому сотрудничеству (в этой связи г-н Роден Бакстон высказал мысли, сходные с идеей Муссолини о пакте четырёх держав);

2) Гарантировать предоставление через некоторое время своего рода автономии Богемии и Моравии (я указал, что ведь эта культурная автономия уже существует, после чего г-н Роден Бакстон не развивал далее эту мысль);

3) Согласиться на всеобщее сокращение вооружения. Это сокращение вооружения ни в коем случае не потребуется от одной Германии; имеется в виду достигнуть того, чтобы расходы на вооружение не разорили бы вконец все народы. В ответ на мой вопрос Роден Бакстон заметил, что потенциал вооружения[1] государств мог бы остаться тот же, но только на сниженном уровне, подобно тому, как если бы семья, имевшая квартиру на пятом этаже

[1] В оригинале: «Rüstungspotentiale».

современного дома, в целях экономии средств сняла бы квартиру таких же размеров во втором этаже. По его словам, подобная уступка необходима для того, чтобы дать возможность Чемберлену и лорду Галифаксу приступить к разумным и реально-политическим переговорам с нами.

Ясно, что столь обширная программа, которая, кстати сказать, урегулировала бы также и колониальный вопрос в положительном, с точки зрения Германии, смысле, могла бы быть обсуждена только совершенно доверительно и осуществлена в атмосфере возросшего доверия.

В основном я занимал позицию слушателя, но в конце беседы весьма решительно указал на речи фюрера, который, как известно, уже давно предупреждал Англию, что ей не следует вмешиваться в дела, которые её не касаются.

В заключение я спросил г-на Родена Бакстона, делился ли он своими мыслями с членами британского правительства. Г-н Роден Бакстон уклонился от прямого ответа. Но мне кажется, что из его витиеватых объяснений можно сделать вывод, что подобные мысли свойственны сэру Горацию Вильсону, а следовательно, и премьер-министру Чемберлену. Не исключено, что г-н Роден Бакстон хотел пустить пробный шар. У меня, однако, сложилось впечатление, что ход мыслей г-на Родена Бакстона базируется на точной проработке вопроса.

Лондон, 31 июля 1939 г. Подп. *Т. КОРДТ.*

№ 23

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В ЛОНДОНЕ ДИРКСЕНА С ЛОРДОМ КЕМСЛИ

Копия для г-на посла.

ДЛЯ ПАМЯТИ.

Лорд Кемсли, который пригласил меня сегодня на чашку чая, рассказал мне следующее о впечатлениях от своей поездки в Германию:

Он провёл в Берлине один день, был на завтраке у рейхслейтера Розенберга, затем поехал на автомобиле через Лейпциг в Байрейт и посетил по дороге лагерь трудовой повинности, присутствовал на представлении «Парсифаля» и во время антракта был представлен вместе со своей женой фюреру, с которым имел затем более чем часовую беседу. Он беседовал также довольно долго с рейхсминистром Геббельсом и вернулся затем через Остенде в Англию.

На лорда Кемсли произвёл большое впечатление энтузиазм (keenness) всех немецких деятелей, с которыми ему пришлось встречаться, вплоть до самых младших чиновников; в частности он назвал гаулейтера Вехтлера, который показал ему строительные работы в Нюрнберге. Он несколько раз повторил, что всё это произвело на него очень сильное впечатление. Далее он с большой силой заявил, что, собственно говоря, просто невозможно, чтобы германский и английский народы были вовлечены в войну друг против друга.

О своей беседе с фюрером он говорил с некоторой сдержанностью. Он сказал, что фюрер предоставил ему достаточно времени для высказывания и что он имел возможность подробно изложить английскую точку зрения. Он рассказал фюреру о господствующих здесь настроениях и сошёлся во взглядах с фюрером относительно того, что существует опасное напряжение, которое следует попытаться устранить. Он заявил также фюреру, что подобно тому, как сообщение Чемберлена в палате общин об объявлении войны было бы единогласно одобрено парламентом, так и заявление Чемберлена о том, что он считает соглашение с Германией близким к осуществлению, было бы встречено таким же одобрением. По его впечатлению, фюрер имел особенно свежий и здоровый вид.

С большим энтузиазмом говорил лорд Кемсли и о своей беседе с рейхслейтером Розенбергом

(чарующая личность) [1], которому он объяснил, что Чемберлен, точно так же как Гитлер и Муссолини, является своего рода фюрером в Англии. Это, видимо, произвело на Розенберга впечатление.

Весьма сильное впечатление произвела на него личность рейхсминистра Геббельса, которого он считает очень умным и разносторонне образованным человеком.

Он имел, конечно, длительные беседы и с руководителем печати рейха д-ром Дитрихом, который объяснил ему, что сейчас, с политической точки зрения, не время для осуществления ранее намеченного обмена газетными статьями и что было бы лучше подождать более благоприятного с политической точки зрения момента, который, вероятно, скоро наступит. Лорд Кемсли не отверг, повидимому, этот довод и не высказал особого недовольства по поводу этой отсрочки.

Он заметил далее, что получил приглашение на съезд партии, но не знает ещё, будет ли у него время воспользоваться этим приглашением.

Лондон, 2 августа 1939 г. *[ДИРКСЕН].*

1. Г-ну Кордту.
2. Г-ну фон Вельку.
3. Г-ну д-ру Хессе для ознакомления.
4. В дело.

---

[1] В оригинале по-английски: «charming personality».

№ 24

ДОНЕСЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В ЛОНДОНЕ ДИРКСЕНА МИНИСТЕРСТВУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С ПРИЛОЖЕНИЕМ ЗАПИСИ БЕСЕДЫ ДИРКСЕНА С ГОРАЦИЕМ ВИЛЬСОНОМ

Копия для г-на посла.
Лондон, 3 августа 1939 г.
Совершенно секретно.

А. 3186.
1 копия.
1 приложение (в 3-х экз.).

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДОНЕСЕНИЕ.

Министерству иностранных дел,
Берлин.

Содержание: Запись беседы с сэром Горацием Вильсоном.

Ссылаясь на свои прежние телеграфные донесения от 31.VII № 277 [1] и от 1.VIII № 278 [2], я представляю в приложении запись беседы, которую я имел с сэром Горацием Вильсоном 3 августа с. г.

Подп. ***фон ДИРКСЕН.***

---

[1] См. выше, док. № 18.
[2] См. выше, док. № 21.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ от 3. 8. 1939 г.
А. 3186.

Совершенно секретно.

ЗАПИСЬ
БЕСЕДЫ С СЭРОМ ГОРАЦИЕМ ВИЛЬСОНОМ
3 АВГУСТА 1939 г.

I.

После того как из разговоров г-на Кордта с г-ном Батлером выяснилось, что сэр Гораций Вильсон хотел бы поговорить со мной в дополнение к своей беседе с г-ном Вольтатом, мы условились, что я буду сегодня в 4 часа у него на дому. Беседа эта состоялась; продолжалась она почти два часа.

II.

Я придавал большое значение тому, чтобы сэр Гораций Вильсон подтвердил мои записи, которые я сделал на основании моего разговора с г-ном Вольтатом о его беседе с сэром Горацием Вильсоном. Мне казалось важным получить это подтверждение, чтобы иметь вполне ясное представление по столь важным вопросам, тем более, что после инцидента с нескромностью Хадсона была развёрнута новая кампания против чемберленовской политики умиротворения. Выяснилось, что суть беседы Вольтата — Вильсона остаётся в полной силе. Сэр Гораций Виль-

сон подтвердил мне, что он предложил г-ну Вольтату следующую программу переговоров:

1) Заключение договора о «ненападении», по которому обе стороны обязываются не применять одностороннего агрессивного действия, как метода своей политики. Сокровенный план английского правительства по этому пункту сэр Гораций Вильсон раскрыл мне тогда, когда я в ходе беседы задал ему вопрос, каким образом соглашение с Германией может согласоваться с политикой окружения, проводимой английским правительством. В ответ на это сэр Гораций Вильсон сказал, что англо-германское соглашение, включающее отказ от нападения на третьи державы, начисто освободило бы британское правительство от принятых им на себя в настоящее время гарантийных обязательств в отношении Польши, Турции и т. д.; эти обязательства приняты были только на случай нападения и в своей формулировке имеют в виду именно эту возможность. С отпадением этой опасности отпали бы также и эти обязательства.

2) Англо-германское заявление о том, что обе державы желают разрядить [1] политическую атмосферу с целью создания возможности совместных действий по улучшению мирового экономического положения.

3) Переговоры о развитии внешней торговли.

4) Переговоры об экономических интересах Германии на юго-востоке.

[1] В оригинале в скобках по-английски: «improve».

5) Переговоры по вопросу о сырье. Сэр Гораций Вильсон подчеркнул, что сюда должен войти также колониальный вопрос. Он сказал, что в настоящий момент нецелесообразно углубляться в этот очень щекотливый вопрос. Достаточно будет условиться, что колониальный вопрос должен быть предметом переговоров.

6) Соглашение о невмешательстве. Сэр Гораций Вильсон пояснил, что требующееся от германской стороны заявление содержится уже в речи фюрера от 28 апреля. С английской стороны также будут готовы сделать заявление о невмешательстве по отношению к Велико-Германии [1]. Оно распространится, в частности, и на данцигский вопрос. Сэр Гораций Вильсон уклонился от того, чтобы высказаться относительно германской сферы интересов так же ясно, как он это сделал в разговоре с г-ном Вольтатом, или как г-н Роден Бакстон — в беседе с г-ном Кордтом, хотя из хода беседы можно было заключить, что это германское требование могло бы обсуждаться в этом пункте программы.

7) Вооружения [2]. Сэр Гораций Вильсон сказал по этому поводу, что он хочет категорически подчеркнуть, что под этим подразумевается не разоружение, а переговоры о вооружениях вообще. В дальнейшем ходе беседы выяснилось, что он хорошо

---

[1] В оригинале «Gross-Deutschland». После этого слова добавлено в скобках: «Greater Reich».

[2] В оригинале добавлено в скобках по-английски: «Armaments».

сознаёт трудности, стоящие на пути к заключению какого бы то ни было соглашения об ограничении вооружений, а также и тот факт, что такое соглашение может быть поставлено на очередь и осуществлено лишь через несколько лет.

8) Пользуясь этим случаем, я попросил сэра Горация Вильсона разъяснить, как возникли газетные слухи о большом «займе на разоружение», обещанном будто бы г-ном Хадсоном, так как г-н Вольтат в разговоре со мной совсем не упомянул о нём. Сэр Гораций Вильсон сказал, что способ преодоления финансовых и экономических затруднений, которых надо опасаться в связи с ограничением вооружений, неоднократно обсуждался. Хадсон, возможно, подхватил и развил эту идею. Но этот вопрос теперь отпал и больше не поднимается. Он лично думает, что в таком случае [1] наступит трёхмесячный или шестимесячный период финансовых затруднений, преимущественно в области техники денежной системы.

III.

Возвращаясь к своей беседе с Вольтатом, сэр Гораций Вильсон остановился подробно на том, что вступление в конфиденциальные переговоры с германским правительством связано для Чемберлена с большим риском. Если о них что-либо станет известно, то произойдёт грандиозный скандал, и Чемберлен,

[1] Очевидно, имеется в виду положение, которое создалось бы в результате разоружения.

вероятно, будет вынужден уйти в отставку. Депутат-лейборист Дальтон уже указал вчера в палате общин на слухи о новых чемберленовских «попытках умиротворения», и сам он, Вильсон, получил только что анонимное письмо, в котором его и Чемберлена предостерегают от такого рода маневров.

На моё возражение, что мне кажется сомнительным, чтобы какое-либо английское правительство было в состоянии достигнуть какого-либо связывающего соглашения с Германией при существующем здесь настроении умов — так как каждого, кто выступает за соглашение с Германией, считают изменником и как такового клеймят, — сэр Гораций Вильсон ответил, что хотя и возможно притти к такому соглашению, но для этого требуется применить всё мастерство лиц, участвующих в переговорах с английской стороны, для того, чтобы не провалить всё дело. На настоящей стадии требуется прежде всего сохранять строжайшую тайну. Возник вопрос: как и в какой форме можно будет позднее осведомить общественность о планах правительства? По этому поводу Вильсон сказал, не касаясь того, справедливо это или нет, что в Англии поколеблено доверие к Германии и к её миролюбивым намерениям; важнее всего убедить британскую общественность в том, что она может доверять [Германии]. Кроме того, можно опасаться, что в ближайшие недели или месяцы произойдут события, которые вызовут новый кризис. Британское правительство располагает сведениями, что в скором времени должно быть призвано

2 миллиона человек в германскую армию, что будто на польской границе проводятся угрожающие Польше манёвры с большим количеством самолётов; если также принять во внимание сделанное недавно рейхсминистром Геббельсом заявление о войне нервов, которая должна быть продолжена, то можно предвидеть положение, при котором от будущих переговоров трудно ожидать успеха. Ведь не имело бы никакого смысла вести переговоры о соглашении, если предстоит новый опасный кризис. Надо признать, что получается порочный круг, так как, с одной стороны, нельзя успокоить общественность сообщением о предстоящих переговорах (потому что это повредит переговорам), а в то же время германская сторона отказывается сделать успокоительные заявления, пока нет ясной картины в отношении переговоров. Для Чемберлена, вследствие демократической конституции Англии, трудно обратиться к общественности с умиротворяющим заявлением, ибо он, по всей вероятности, был бы вынужден тогда вместе с кабинетом уйти в отставку. Этот порочный круг мог бы скорее быть разорван, если бы фюрер, которому нечего бояться никаких внутриполитических нападок, взял бы на себя инициативу такого умиротворяющего заявления. Он тем более может это сделать, что он является не только великим, но и преуспевающим государственным деятелем, который, в сознании своей силы и достигнутых успехов, может сказать своё слово, не подвергая опасности свой престиж и не боясь внутренних потрясений.

Я на это возразил, что запроектированные Германией большие манёвры не выдерживают никакого сравнения с военными мероприятиями, предпринятыми другими государствами: поляки на протяжении 4 месяцев мобилизовали 1 миллион человек и стоят на нашей границе (сэр Гораций Вильсон возразил против названного числа, но он ничего не возразил против цифры 900 000); английские вооружённые силы — наземные, морские и воздушные — в той или другой степени мобилизованы; Франция осуществила обширные мобилизационные мероприятия. Невозможно же требовать от нас, чтобы мы отменили свои мероприятия или отказались от манёвров.

Сэр Гораций Вильсон возразил, что он этого и не имел в виду; однако имеется существенное различие в способах проведения манёвров. Их можно так организовать, что другая сторона сочтёт их за непосредственную угрозу и за вызов, и их можно проводить иначе, как обычные манёвры мирного времени.

Я ещё раз указал на то, что мы в вопросе о будто бы обманутом доверии держимся совершенно другого мнения, чем английская сторона. Во всяком случае — факт, что английская политика в последние месяцы имела целью образовать всемирную коалицию, направленную против Германии, и что она держит по сей день отдельных членов коалиции в состоянии финансовой и военной готовности к эвентуальному выступлению против Германии. Мы должны достоверно знать, как английское правительство

согласует эту политику с возможностью соглашения с Германией. Фюрер, конечно, ни в коем случае не может сделать успокоительные или дружественные заявления, не зная того, на какое отношение английской стороны к справедливым германским требованиям он может рассчитывать.

Сэр Гораций Вильсон повторил в ответ на это, приведённое выше объяснение касательно английской политики окружения, что эта политика отпадёт в результате заключения с Германией договора о ненападении. Что же касается вопроса, насколько фюрер должен иметь уверенность относительно уступок, которые должны быть сделаны с английской стороны раньше, чем он мог бы, так сказать, предложить пальмовую ветвь мира, то и здесь имеется трудность, которая заключается в том, что требуется предварительно притти к конкретным результатам; германская сторона во всяком случае должна быть достаточно уверена в том, что она полностью осведомлена о программе переговоров; ведь английская сторона изъявила готовность обсудить все предложенные германской стороной пункты. В какой мере окажется возможным договориться, пока ещё, конечно, сказать нельзя.

Далее разговор коснулся вопроса, в какой форме должны быть продолжены переговоры, начатые с г-ном Вольтатом, если с германской стороны есть желание их продолжить. Сэр Гораций Вильсон сказал при этом, что английская сторона будет глубоко разочарована, если мы не продолжим того, чему

положено начало: в этом случае не останется ничего иного, как быстро двигаться навстречу катастрофе [1]. Поэтому он чрезвычайно заинтересован в том, чтобы узнать, как была принята в Берлине его беседа с Вольтатом.

Я ответил, что не могу сказать ничего определённого об этом. Я и сам не могу представить себе ясно, как с чисто технической точки зрения возможно продолжение этих переговоров; так, например, о новой поездке г-на Вольтата в Лондон из-за нескромности Хадсона не может быть и речи.

Сэр Гораций Вильсон полагает, что можно найти выход; можно будет договориться, когда для этого наступит время. Можно сделать так, чтобы оба делегата встретились в Швейцарии или где-либо в другом месте.

IV.

Из беседы, изложенной выше в общих чертах, постепенно стали вырисовываться несколько определённых пунктов, которые сэр Гораций Вильсон обобщил следующим образом:

1) Какие инструкции дал фюрер относительно дальнейшего обсуждения представленного Вольтатом доклада, и что думает германское правительство касательно ближайших шагов, которые следует теперь предпринять?

---

[1] В оригинале добавлено в скобках английское выражение: «heading on to the catastrophe».

2) Возможно ли будет для фюрера повлиять на события ближайших недель, поскольку это зависит от него, так, чтобы они не повели к обострению положения?

3) Исходя из предположения, что программа и отдельные подлежащие обсуждению её пункты разработаны, — каким образом фюрер мог бы объявить о своём решении взять на себя инициативу в том, чтобы создать такую атмосферу, которая давала бы шансы на успех для обсуждения программы переговоров?

На мой вопрос, каков был бы предварительный вклад с английской стороны, для того чтобы был оправдан подобный предварительный вклад с германской стороны, сэр Гораций Вильсон ответил, что британское правительство ведь уже проявило свою добрую волю и свою инициативу тем, что оно обсудило вышеупомянутые пункты с г-ном Вольтатом и тем самым осведомило германское правительство о своей готовности к переговорам.

Из всего хода беседы с сэром Горацием Вильсоном можно было заключить, что программу переговоров, сообщённую г-ну Вольтату и подтверждённую мне, он рассматривает как официальный зондаж со стороны Англии, на который ожидается ответ Германии. Нельзя было не почувствовать тяжкую озабоченность английской стороны в связи с трудным положением, в котором находится британское правительство и до которого оно довело себя своими маневрами. С одной стороны, общественное мнение,

взбудораженное правительственной политикой и антигерманским воздействием на него; с другой — стремление путём соглашения с Германией предотвратить войну, которую в противном случае считают неизбежной. Беспокойство о том, что политика окружения может пострадать, стоит, как мне показалось, на втором плане; здесь преобладало впечатление, что возникшие за последние месяцы связи с другими государствами являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией и что эти связи отпадут, как только будет действительно достигнута единственно важная и достойная усилий цель — соглашение с Германией. Точно так же привлечение Франции и Италии имело в беседе только подчинённое значение. Сэр Гораций Вильсон сказал, между прочим, что соглашение должно быть заключено между Германией и Англией; в случае, если бы было сочтено желательным, можно было бы, конечно, привлечь к нему Италию и Францию.

Лондон, 3 августа 1939 г. Подп. ***фон ДИРКСЕН.***

№ 25

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В ЛОНДОНЕ ДИРКСЕНА С ГАЛИФАКСОМ

Копия для г-на посла.
Секретно!

ЗАПИСЬ
БЕСЕДЫ С ЛОРДОМ ГАЛИФАКСОМ
9 АВГУСТА 1939 г.

После того как я сообщил лорду Галифаксу о цели моего визита — это был прощальный визит перед уходом в отпуск, — он начал говорить о положении в Данциге и спросил, могу ли я указать основания для обострения полемики в прессе обеих сторон. Я ответил утвердительно, сослался на провокационную статью в [газете] «Час» и добавил, что и без того с германской стороны несомненно имеется опасение и ожесточение по поводу высказываний польского генерального комиссара Ходацкого, который заявил комиссару Лиги наций Буркардту, будто бы открытие таможенных границ Данцига с Восточной Пруссией означает войну. Это снова доказывает обосно-

ванность опасения, что угроза миру в любое время может быть создана местными польскими властями.

Лорд Галифакс на это ответил, что я могу быть уверенным, что он и британское правительство сделают всё от них зависящее для того, чтобы побудить поляков к умеренности. Он убеждён, что как Бек, так и Рыдз-Смиглы не хотят конфликта с Германией.

Я заметил, что многообразие польских заявлений и взглядов всегда составляло внутреннюю слабость Польши; в данном случае это тоже имеет место. Миролюбивому настроению различных лиц противостоят воинственные течения других политических групп.

На замечание лорда Галифакса, что было бы чрезвычайно желательно, чтобы с обеих сторон была проявлена умеренность, чтобы наступило успокоение и чтобы в процессе переговоров открылась бы возможность соглашения, я ответил, что мы, со своей стороны, в большой мере проявили спокойствие и умеренность, как, например, в поведении сената [1] в течение последних дней и в опровержениях, которые мы противопоставили тревожным сообщениям мировой печати.

В связи с этим я объяснил лорду Галифаксу, что опасность международного положения кроется не столько в неизбежности непосредственно предстоящего насильственного взрыва, сколько в том, что со всех сторон блокируются возможности разрешения противоречий путём переговоров. Данцигский комп-

---

[1] Имеется в виду сенат г. Данцига.

лекс перестал быть возможным предметом переговоров после заявления Чемберлена от 12 июля, поставившего его в слишком узкие рамки, не говоря уже о польской позиции и о возбуждении мировой печати ложными сообщениями. Успокоение международного положения в общем стало невозможным вследствие создания фронта ненападения, постоянно сменяющихся тревожных известий о посылке военных комиссий [1] в Польшу или в Москву или же сообщений о финансовом укреплении потенциальных противников Германии. Само собой разумеется, мы чрезвычайно внимательно и с решимостью следим за этим развитием событий и делаем из него свои выводы. Комплекс англо-германских отношений блокирован, наконец, тем, что английское общественное мнение на каждую попытку компромисса со стороны английского правительства отвечает криком возмущения о якобы совершённом предательстве.

Лорд Галифакс на это ещё раз высказал своё уже известное мнение, что доверие сильно поколеблено, в особенности у английского народа, в результате германского вступления в Прагу, хотя за последнее, несомненно, можно было бы сказать многое, так же как и за другие неожиданные действия Германии, и, что до тех пор, пока не наступит успокоение или не будет восстановлено доверие, это напряжённое положение будет продолжаться. Фюрер является единственным человеком во всём мире, кто мог бы вер-

---

[1] Так в оригинале.

нуть это доверие, если бы он каким-либо образом дал сигнал к разрежению атмосферы. Он, Галифакс, попытался изложить смысл английской политики в своей речи в Чатам-хауз, и, повидимому, успешно, так как он получил многочисленные заявления одобрения со всех концов страны. Английская политика преследует двоякую цель: с одной стороны, предотвращение дальнейших агрессивных актов путём сплочения группы держав, с другой стороны — установление лучших отношений с Германией через обсуждение её требований и претензий путём переговоров. Он уверен, что, если лёд однажды будет сломлен, с английской стороны пойдут очень далеко, чтобы достигнуть соглашения с Германией.

В дальнейшем ходе беседы лорд Галифакс сказал мне, что он хочет подробно изложить мне свои мысли и взгляды, которые у него сложились после Мюнхена, и как они изменились с тех пор. После Мюнхена он был убеждён, что 50-летний мир во всём мире обеспечен приблизительно на следующей основе: Германия — господствующая держава на континенте с преимущественными правами на юго-востоке Европы, в особенности торгово-политического характера; Англия будет заниматься там торговлей только в скромных масштабах; Англия и Франция, защищённые в Западной Европе от конфликта с Германией двухсторонними линиями укреплений, будут стремиться охранять оборонительными мерами свои владения и развивать их [естественные] ресурсы; дружба с Америкой; дружба с Португалией; Испа-

ния — пока что неопределённый фактор, который во всяком случае должен по необходимости выпасть на ближайшие годы из всех комбинаций держав; Россия — расположенная в стороне, большая и трудно обозримая страна; стремление Англии обеспечить свой путь по Средиземному морю через Аден, Коломбо, Сингапур в доминионы и на Дальний Восток. Но вот произошло вступление в Прагу, которое всё изменило и прежде всего нарушило представление о стабильности достигнутой международной обстановки. Затем возникли сомнения в том, где остановится и остановится ли вообще Германия, и явилось желание обезопасить себя от дальнейших сюрпризов.

Я ответил, что, естественно, с германской точки зрения, этот процесс выглядит совершенно иначе; я не хочу говорить о том, как часто обманывали наше доверие и какой печальный опыт заставил нас полагаться не на переговоры, а на собственные скорые решения. Мне хорошо известна интерпретация, которую лорд Галифакс даёт своей, то-есть британской, политике. Но, с другой стороны, он должен вдуматься в образ мыслей германского государственного деятеля. Последний видит только, как против Германии создаётся всё увеличивающаяся коалиция и как величина военного потенциала, противостоящего Германии, постоянно изменяется не в её пользу и увеличивается. В самом благоприятном случае политику Англии можно сравнить с политикой человека, который набрасывает на голову другого рыбо-

ловную сеть и говорит ему, что, если он будет вести себя смирно, с ним ничего не случится, но, как только он начнёт двигаться, он причинит себе большой вред. Неудивительно, что Германия, внимательно присматриваясь, довольно скептически подходит к заявлениям английских государственных деятелей о желании добровольно и в порядке переговоров учесть германские требования. Я не могу также считать обоснованными постоянные ссылки на нарушенное доверие. Доверие и вера в честность партнёра возникают лишь в процессе длительных и не вызвавших разочарования деловых отношений. Но этим не исключается та степень доверия, которая необходима для заключения договора; такое доверие возникает из сознания своей собственной силы. Англия, наверное, может найти в себе это доверие, опираясь на стоящую за ней группировку держав. Но вместо этого общественное мнение приходит в крайнее возбуждение каждый раз, как только между Англией и Германией заходила речь об урегулировании англо-германских отношений, хотя бы в области экономики, как это случилось при переговорах Вольтата с Хадсоном. Это, мне кажется, свидетельствует о том, что с английской стороны, в особенности, при демократической системе и при некорректном поведении прессы, отсутствуют предпосылки для мирного урегулирования [1].

---

[1] Три последние фразы в оригинале перечёркнуты карандашом.

Лорд Галифакс объяснил мне, что если Чемберлен в палате общин встанет и скажет, что вследствие определённых действий Германии ничего больше не остаётся, как вести войну, то парламент единодушно последует за ним; но парламент согласится с ним и в том случае, если он заявит, что он видит возможность соглашения с Германией. Этого соглашения в сущности желает каждый англичанин. Недавно, во время одного праздника, в своём имении он беседовал со многими горняками и секретарями их профсоюзов. Они единодушно заверили его, что лейбористские депутаты оппозиции в палате общин не представляют действительного мнения трудящегося человека. То же самое оказалось при поездке премьер-министра в Южный Уэльс; обстановка в этом районе вообще сложная, несмотря на это, премьер-министр был встречен прямо-таки с энтузиазмом. При этом он, Галифакс, убедился в том, что горняки, с которыми он говорил, понимали и разделяли политику правительства: никакой агрессии больше не должно быть; желательно мирное разрешение существующих трудностей [1]. Он должен со мной согласиться, что сейчас общественное мнение очень возбуждено и недоверчиво относится к переговорам с Германией. Упомянутые мною трудности пока, действительно, неразрешимы. Но столь же верно и то, что период спокойствия, необходимый

---

[1] В оригинале перед словом «никакой» поставлена карандашом точка и конец фразы зачёркнут.

для умиротворения общественного мнения, создал бы совершенно иную картину, чем настоящая. Тогда, несомненно, возможно будет обсудить проблемы умиротворения. Британское правительство имеет живейшее желание, чтобы это время наступило, и тогда оно пойдёт очень далеко для достижения этой цели.

Лондон, 9 августа 1939 г.

Подп. *фон ДИРКСЕН.*

1. Г-ну Кордту
   для ознакомления.
2. В закрытом конверте в архив.

№ 26

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В ЛОНДОНЕ ДИРКСЕНА С ИТАЛЬЯНСКИМ ПОСЛОМ В БЕРЛИНЕ АТТОЛИКО

Секретно.

ЗАПИСЬ
БЕСЕДЫ С ПОСЛОМ АТТОЛИКО[1].

Во время моего пребывания в Берлине я посетил 15 августа, без предварительного уведомления, итальянского посла Аттолико, с которым я нахожусь в близких дружественных отношениях со времени нашего совместного пребывания в Москве. Так как у него был посетитель, то он попросил меня обождать несколько минут, после чего он будет располагать неограниченным временем для беседы со мной. Во время ожидания я услышал, что он был вызван для срочного телефонного разговора. Сейчас же после

[1] Без даты.

первых приветствий г-н Аттолико сказал мне, что он только что получил по телефону указание из Рима немедленно явиться туда для доклада. Г-н Аттолико, имевший весьма взволнованный и возбуждённый вид, сказал мне без всяких предисловий, что должен говорить со мной как человек с человеком, как друг с другом, ибо бывают моменты, когда так надо поступать. При переговорах с Чиано, по его словам, были приняты решения, которые легко могут иметь своим следствием войну, и именно войну с Польшей. При этом исходили из неправильной предпосылки, что Англия не вмешается. В немногих словах я выразил сомнение в правильности этих сведений, так как участие Англии, в случае возникновения такого конфликта, без сомнения, было бы учтено. Г-н Аттолико остался, однако, при своём мнении и сказал, что я обязан переубедить руководящие инстанции. На это я ответил, что я как раз и собираюсь представить свои доклады.

Вся наша беседа длилась не больше 5 минут; г-н Аттолико столь же сильно волновался, сколь и спешил, и говорил почти исключительно он один. Я ограничился лишь тем, что вставил несколько коротких замечаний, чтобы не оставить без возражений утверждение, что война с Польшей якобы неизбежна и что Германия не учла при этом роль Англии.

Фон ДИРКСЕН[1].

---

[1] Собственноручная подпись Дирксена.

GEHEIM

Aufzeichnung

über eine Unterhaltung mit Botschafter Attolico

Während meines Aufenthalts in Berlin suchte ich am 15.8. unangemeldet den mir von gemeinsamem Aufenthalt in Moskau her freundschaftlich nahestehenden italienischen Botschafter Attolico auf. Er ließ mich bitten, einige Minuten zu warten, da er Besuch habe; er habe dann reichlich Zeit für mich. Während ich wartete, merkte ich, daß ein dringendes Telefongespräch eingegangen sei. Herr Attolico sagte mir dann auch, gleich nach der Begrüßung, daß er soeben telefonisch [illegible], sofort zur Berichterstattung nach Rom zu kommen. Herr Attolico, der sehr bewegt und erregt schien, sagte dann ohne weitere Einleitung: er müsse zu mir als Mensch zum Menschen, als Freund zum Freunde sprechen; es gäbe Augenblicke, wo man das tun müsse. Bei den Besprechungen mit Ciano seien Beschlüsse gefaßt worden, die leicht einen Krieg zur Folge haben könnten, und zwar einen Krieg mit Polen. Man sei dabei von der unzutreffenden Voraussetzung ausgegangen, daß England nicht mitmachen werde. Ich gab mit einigen Worten meinem Zweifel an der Richtigkeit dieser Darstellung Ausdruck, da eine Teilnahme Englands bei einem solchen Konfliktsfall sicherlich in Betracht gezogen worden wäre. Herr Attolico blieb aber bei seiner Ansicht und fuhr fort, ich möchte die maßgebenden Stellen zu einer anderen Ueberzeugung bringen. Ich erwiderte, ich sei gerade im Begriff, meine Berichte zu erstatten.

Die ganze Unterhaltung dauerte kaum 5 Minuten; Herr Attolico war ebenso erregt wie eilig und war der fast ausschließlich Sprechende. Ich beschränkte mich darauf, einige kurze Zwischenbemerkungen zu machen, um die Behauptungen nicht unwidersprochen zu lassen, daß der Krieg mit Polen unvermeidlich sei und daß deutscherseits hierbei der Faktor England unberücksichtigt gelassen worden sei.

[illegible signature]

Фотокопия документа № 26.

№ 27

ПИСЬМО ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В ЛОНДОНЕ ДИРКСЕНА СТАТС-СЕКРЕТАРЮ ГЕРМАНСКОГО МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ВЕЙЦЗЕКЕРУ С ПРИЛОЖЕНИЕМ ЗАПИСКИ О ПРЕДПОЛАГАЕМОЙ ПОЗИЦИИ АНГЛИИ В СЛУЧАЕ ГЕРМАНО-ПОЛЬСКОГО КОНФЛИКТА

Гредицберг, округ Гольдберг,
Силезия, 19. 8. 1939 г.
Лично и доверительно[1].

Дорогой г-н фон Вейцзекер,

На основании нашей последней беседы в Берлине я решил изложить в записке г-ну фон Риббентропу моё мнение о позиции Англии в германо-польском конфликте. Таким путём с большей вероятностью будет достигнута цель — быть выслушанным, — чем если бы я *ещё раз* попытался обратиться с письмом к г-ну рейхсминистру иностранных дел с просьбой принять меня для доклада.

[1] Оригинал представляет собой отпечатанный на машинке текст, собственноручно исправленный и подписанный Дирксеном.

Поэтому я прилагаю мою записку с просьбой препроводить её рейхсминистру иностранных дел, если у Вас не будет никаких сомнений по поводу её содержания. В случае же возникновения таковых, я был бы благодарен, если бы Вы сообщили мне об этом. Но я надеюсь, что у Вас не будет возражений, так как, сознавая свою ответственность, я постарался изложить свои мысли как можно яснее и осторожнее.

Я был бы благодарен, если бы Ваша канцелярия изготовила необходимое для делопроизводства количество экземпляров и переслала один из них в посольство в Лондон. За недостатком здесь технических средств и в целях наибольшего ускорения дела я не заготовил копий.

Что касается переданных Вами вчера по телефону сведений, то я не определил своего отношения к ним, так как я не знаком с содержанием приписываемых мне высказываний и при всём желании не знаю, что можно было бы возразить против тех немногих слов, которые были сказаны мной в течение не более как пятиминутной беседы [1].

С лучшими пожеланиями и
хейль Гитлер
Всегда Ваш

ДИРКСЕН.

---

[1] После слов: «и при всём желании не знаю» — в оригинале зачёркнуто следующее продолжение письма: «что можно было бы против них возразить. На сообщение А[ттолико], что у нас не верят во вмешательство Англии в случае конфликта,

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Гредицберг, Силезия,
18 августа 1939 г.
Секретно.

ЗАПИСКА
О ПРЕДПОЛАГАЕМОЙ ПОЗИЦИИ АНГЛИИ В СЛУЧАЕ ГЕРМАНО-ПОЛЬСКОГО КОНФЛИКТА.

I. Ввиду всё возрастающего напряжения в германо-польских отношениях вопрос о предполагаемой позиции Англии в случае германо-польского конфликта приобретает всё большее значение. Ответ на этот вопрос должен вытекать из анализа причин, которые побудили Великобританию к столь тесной связи с Польшей.

II. Внешнеполитические причины этой связи известны и нуждаются лишь в сжатой и выразительной характеристике: живейшая тревога, испытанная Англией уже в 1933—1936 гг. вследствие усиления Германии, ещё более возросла после аншлюса Австрии и возвращения Судетской области рейху. Результаты Мюнхена были восприняты как дипломатическое поражение. После присоединения Богемии и Моравии в марте этого года, под влиянием тревоги, усилившейся в связи с угрозой для

я лишь в нескольких словах выразил своё сомнение в правильности его предположения, так как эта весьма вероятная возможность была бы у нас безусловно учтена. Когда же А[ттолико] заметил, что я должен разъяснить действительное положение, я сказал, что я, само собой разумеется, сделаю доклад. Вся беседа не продолжалась и пяти минут». См. запись беседы Дирксена с Аттолико, док. № 26.

мирового положения Британии, созрела решимость воспротивиться дальнейшему изменению соотношения сил в пользу Германии, осуществляемому посредством односторонних действий. Эта цель должна была быть достигнута посредством нового издания старой концепции коллективной безопасности под новой вывеской — «образование фронта ненападения», т. е. путём окружения Германии. Краеугольным камнем этого фронта ненападения стала Польша, которая в марте посредством лживой кампании в печати была объявлена очередной «жертвой» германской «агрессии». До тех пор, пока Англия будет твёрдо придерживаться политики окружения, она должна будет смотреть на выполнение данных Польше гарантий как на вопрос, от которого в значительной мере зависит её внешнеполитическая репутация.

III. На позицию Англии в отношении Польши, кроме внешнеполитических моментов, оказывают влияние ещё и другие важные факторы психологического порядка. Длинный ряд дипломатических поражений Англии в прошлые годы (Восточная Азия, Абиссиния, Испания, Австрия, Мюнхен, Богемия—Моравия, крах лигонационной политики) чем дальше, тем больше действовал угнетающим образом на английское самолюбие. Оставление на произвол судьбы негуса, Шушнига, Бенеша постепенно воспринималось как моральная неполноценность, которая должна привести к тому, что Англия предстанет перед всем миром как слабая страна, недо-

стойная доверия и политического кредита. Наряду с внешнеполитическим поворотом, который был следствием новой ориентации политики Англии после 15 марта, происходил и моральный поворот. Сейчас Англия хочет на основе взятых на себя новых обязательств доказать свою верность договорам, свою силу и восстановить своё политическое доброе имя. Одновременно она хочет преодолеть в самой себе свой комплекс неполноценности. Такова скрытая причина многократного, кажущегося почти истеричным, повторения одного и того же тезиса Чемберленом и другими британскими государственными деятелями: если произойдёт присоединение Данцига к Германии вопреки желанию Польши, — не говоря уже о дальнейшем воссоединении бывших немецких земель, — то Великобритания не сможет пассивно отнестись к этому, а должна будет считать наступившим casus foederis. Поэтому Данциг является той точкой, на которую английская общественность смотрит как загипнотизированная и одержимая навязчивой идеей.

Этот психологический фактор важно принять во внимание, так как это позволяет сделать выводы о позиции Англии в ходе дальнейшего развития германо-польских отношений.

IV. Большую роль в отношении Англии к комплексу германо-польских вопросов играет далее следующее обстоятельство, находящееся вне области внешней политики: незнание Англией истинного лица Польши. Приобретённое немцами в течение многих

столетий, в результате соседства, понимание непрочности польского государства, свойственной ему мании величия, его стремления к захватам и беспощадному угнетению национальных меньшинств осталось для англичан, по различным причинам, чуждым — в силу их природной несклонности углубляться в чуждые им обстановку и образ мышления, в силу их теперешнего упрямого отношения ко всем доводам в защиту требований, выдвигаемых Германией, и, наконец, потому, что в течение пятилетнего перемирия в германо-польских спорах — с 1934 по 1939 г. — безобразия, причинённые немецкому меньшинству, не могли быть нами использованы в полной мере и с достаточной силой. Поэтому в настоящее время среди английской общественности царит сдержанность и недоверие к германским и данцигским сообщениям о неслыханных насильственных актах со стороны Польши и имеется тенденция, при наличии сомнительного случая, стать на сторону Польши.

V. На основании предшествующего изложения психологических моментов, влияющих на отношение Англии к комплексу германо-польских проблем, может быть поставлен вопрос, какую, предположительно, позицию займёт Англия в германо-польском конфликте?

1) Необходимо предпослать общее замечание, что Великобритания не связала себя на 100% данным заранее обязательством выступить на стороне Польши в случае *всякого* [1] конфликта. Это противо-

[1] Подчёркнуто в оригинале.

речило бы психологии англичан, всегда оставляющих для себя открытой возможность уклониться от принятых обязательств. Этим объясняется условие, по которому для Англии casus foederis наступает лишь тогда, когда под угрозой находится независимость Польши. Этим обеспечена известная эластичность. Утверждают, но ещё не доказано, что Польша обязалась, прежде чем взяться за оружие, получить сначала у Англии согласие на это. Это означало бы для Англии свободу действий в случае самовольного объявления Польшей войны.

Автоматическое [1] вмешательство Англии в германо-польский конфликт из-за Данцига или коридора точно так же мало вероятно, как ошибочно было бы взять постановку вопроса в статье французского политика Деа «Зачем умирать из-за Данцига?» [2] и применить её к Англии. Такая постановка вопроса обошла бы суть проблемы. Англия жизненно не заинтересована в судьбе Данцига, но она заинтересована в предъявлении доказательства того, что она может оплатить выданные ею политические векселя.

2) Из изложенного в первом пункте вытекает, что на вопрос, вмешается ли Англия в германо-польский конфликт, нельзя вообще ответить ни «да», ни «нет», а надлежит исследовать каждый отдельный случай, чтобы получить ясное представление о

---

[1] Подчёркнуто в оригинале.

[2] В оригинале по-французски: «Pourquoi mourir pour Dantzig?»

позиции Англии в этом случае. Существуют следующие возможности:

a) Данциг провозглашает своё возвращение в состав рейха в результате решения сената или плебисцита. Польша не отвечает на это военными действиями. Бои не имеют места, — разве только местные перестрелки. В этом случае Англия осталась бы в стороне.

b) Если бы Польша ответила на решение сената о «воссоединении с рейхом» военным выступлением и заявила бы, что наступил момент выполнения союзного обязательства, то Англия, согласно неоднократным заявлениям Чемберлена и Галифакса, оказала бы Польше военную помощь.

c) Если бы с польской стороны была инсценирована провокация, например, обстрел немецкой деревни по приказу какого-нибудь взбесившегося польского командира батареи или бомбёжка немецкого селения польским лётчиком, — то решающее значение при определении позиции Англии имели бы, во-первых, ясность и бесспорность сущности дела для мировой общественности и, во-вторых, наличие времени, необходимого для английской общественности, чтобы выяснить сущность дела и убедиться в исключительной виновности Польши. В ином случае могла бы возникнуть опасность, что Англия в силу предубеждения против Германии станет на сторону Польши и в случае последующих военных действий последует польскому призыву о помощи (ср. с изложенным в разделе IV).

d) В случае, если бы Германия по каким-либо причинам военного характера, — например, чтобы предупредить предполагаемое предстоящее нападение со стороны Польши, — была вынуждена прибегнуть к военным действиям против Польши, следует считаться с тем, что Англия пришла бы ей на помощь. Маловероятно, чтобы Англия осталась нейтральной, если бы в ходе такой войны Германия в короткое время разгромила Польшу. И в этом случае Англия, принимая решение, исходила бы не из благополучия или несчастья Польши, а лишь из сохранения своего мирового положения.

VI. Вышеизложенная позиция Англии в отношении Польши и комплекса германо-польских вопросов не является неизменной величиной на всё будущее время. Англо-польский союз, несмотря на внешнюю непоколебимость, подвержен внутренним постоянным изменениям. Это сказалось уже за немногие месяцы его существования. Чем дальше идёт Англия по запутанным тропам восточной политики, тем больше у неё является сомнений и опасений. Неутолимая потребность Польши в деньгах привела уже финансовые переговоры к частичному срыву. Бесстыдный тон польских газет хотя и замалчивается старательно в английской печати, но в руководящих кругах возбуждает недовольство. Военная сила Польши при ближайшем рассмотрении оказывается проблематичной. Постепенно убеждаются, что особые трудности в польско-русских отношениях снижают ценность Польши как союзника.

Восточная политика Англии ещё не установилась, что обусловлено хотя бы продолжением переговоров с Советским Союзом. Этому содействует далее то обстоятельство, что английской стороной состояние теперешних отношений с Германией ещё не считается выясненным до конца. Неизменным фактором, влияющим на общую позицию Англии, следует считать решимость опровергнуть распространяющееся мнение, что Англия — вырождающаяся, ненадёжная и слабая страна. И именно в своей позиции по отношению к Польше Великобритания будет и дальше руководствоваться этими соображениями.

Фон ДИРКСЕН[1].

К докладу
г-ну рейхсминистру
иностранных дел
через
г-на статс-секретаря.

---

[1] Собственноручная подпись Дирксена.

№ 28

ПИСЬМО ЧИНОВНИКА ДЛЯ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ ВОЛЬТАТА ГЕРМАНСКОМУ ПОСЛУ В ЛОНДОНЕ ДИРКСЕНУ

Берлин W 8, 25 августа 1939 г.
Лейпцигер-штрассе, 3.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА МИНИСТРОВ
ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛ ГЕРИНГ
УПОЛНОМОЧЕННЫЙ
ПО ЧЕТЫРЕХЛЕТНЕМУ ПЛАНУ

Министериальдиректор
для особых поручений
ВОЛЬТАТ[1]
W XX/730

Глубокоуважаемый г-н фон Дирксен!

Я был ещё в отпуску, когда Вы во время Вашего пребывания в Берлине были столь любезны, что дали знать о себе в мою канцелярию. Я хотел бы, на случай надобности, сообщить Вам о своём возвращении. Донесение, которое я в своё время направил г-ну генерал-фельдмаршалу, было, как я узнал, переслано г-ну рейхсминистру иностранных дел. Когда у Вас затребовали телеграфное донесение, я просил г-на

[1] Именной бланк.

статс-секретаря фон Вейцзекера о том, чтобы Вы были поставлены в известность о моём донесении, так как тогда в Лондоне, за краткостью времени, было невозможно оставить Вам запись в подтверждение моего устного доклада.

Моё донесение было воспринято скорее как общая характеристика настроений. Рассмотрение же поднятых вопросов по существу должно было основываться на Вашем донесении.

Я был бы очень рад снова иметь возможность обсудить с Вами положение.

С наилучшими пожеланиями и хейль Гитлер!

остаюсь всегда Ваш

ВОЛЬТАТ[1].

---

[1] Собственноручная подпись Вольтата.

Ministerpräsident Generalfeldmarschall Göring
Beauftragter für den Vierjahresplan
Ministerialdirektor zur besonderen Verwendung
Wohlthat

W. XX/730.

Berlin W 8, den 25. August 1939
Leipziger Str. 3
Fernruf: 12 63 41, 12 70 71

Sehr verehrter Herr von Dirksen

Als Sie so freundlich waren, sich während Ihres Berliner Aufenthaltes mit meinem Büro in Verbindung zu setzen, war ich noch auf Urlaub. Inzwischen bin ich wieder zurückgekehrt, was ich Ihnen auf alle Fälle mitteilen möchte. Der Bericht, den ich seinerzeit an den Herrn Generalfeldmarschall gerichtet habe, ist, wie ich höre, an den Herrn Reichsaussenminister geleitet worden. Als Sie zum telegrafischen Bericht aufgefordert wurden, habe ich Herrn Staatssekretär von Weizsäcker gebeten, dass Sie von meinem Bericht in Kenntnis gesetzt würden, da es in der Kürze der Zeit in London damals nicht möglich war, daß ich Ihnen zur Bestätigung meines mündlichen Berichtes eine schriftliche Aufzeichnung hinterliess.

Mein Bericht ist mehr als allgemeines Stimmungsbild betrachtet worden. Die meritorische Behandlung der aufgeworfenen Fragen sollte sich auf Ihren Bericht stützen.

Es würde mich sehr freuen, bald die Lage mit Ihnen wieder besprechen zu können.

Mit den besten Grüssen und

Heil Hitler!

bleibe ich

stets Ihr

Wohlthat

Фотокопия документа № 28.

№ 29

ОБЗОРНАЯ ЗАПИСКА ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В ЛОНДОНЕ ДИРКСЕНА

Секретно.

ЗАПИСКА
О РАЗВИТИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И АНГЛИЕЙ
ЗА ВРЕМЯ МОЕГО СЛУЖЕБНОГО ПРЕБЫВАНИЯ
В ЛОНДОНЕ

май 1938 — август 1939 г.

I. Май 1938 г. — Мюнхен.
II. Мюнхен — Прага.
III. Прага.
IV. Май 1939 г. — начало войны.
1). Политика окружения в полном ходу.
2). Растущее противодействие политике окружения.
3). Средства ослабления напряжённой обстановки.
4). Данцигский кризис и усиление воинственных настроений.
5). Позиция германской прессы в отношении Англии.

6). Английское предложение о переговорах, сделанное через сэра Г. Вильсона.
7). Итоговый обзор.
8). Отношение к предложению сэра Г. Вильсона в Берлине.

I.

МАЙ 1938 г. — МЮНХЕН.

Моё назначение в Лондон застало меня в Александрии 2 апреля 1938 г. 10 апреля я прибыл в Берлин. 30 апреля я выехал в Лондон.

Позиция Англии в отношении Германии в это время определялась двумя различными фактами или тенденциями: всё усиливающимся влиянием премьер-министра Чемберлена на внешнюю политику и аншлюсом Австрии.

После того как Чемберлен, будучи министром финансов, ещё до своего назначения премьер-министром, оказывал чрезвычайно сильное влияние на судьбы своей страны — но больше в области финансов и экономики, а также в области имперской политики — став премьер-министром, он начал руководить также и внешней политикой Англии. Зная укоренившуюся силу пассивного сопротивления чиновников министерства иностранных дел в отношении несимпатичных им направлений внешней политики, он опирался в проведении своих внешнеполитических планов больше на сэра Горация Вильсона — «статс-секретаря имперской канцеля-

GEHEIM

[illegible]

I. Mai 1938 - [illegible].
II. [illegible].
III. [illegible].
IV. [illegible].
1). [illegible].
2). [illegible].
3). [illegible].
4). Danzig-Krise und [illegible].
5). Haltung der deutschen [illegible] Englands.
6). Englisches Verhandlungsangebot durch Sir H.Wilson.
7). Ausblicken: [illegible].
8). Aufnahme des Sir H.Wilson-Angebots in Berlin.

I.

Mai 1938 - München.

Meine Ernennung nach London erreichte mich in Alexandrien am 2.April 1938. Am 10.April traf ich in Berlin ein, am 30.April reiste ich nach London ab.

Die englische Haltung gegenüber Deutschland in diesem Zeitabschnitt wurde durch zwei voneinander [illegible] Tatsachen, bezw. Strömungen gekennzeichnet: durch den starken sich seitens machenden Einfluß des Ministerpräsidenten Chamberlain auf die ausw rtige Politik und durch den Anschluß Österreichs.

Nachdem Chamberlain schon vor seiner Ernennung zum Ministerpräsidenten als Finanzminister einen außerordentlich starken Einfluß auf die Geschicke seines Landes ausgeübt hatte - über rein finanz- und wirtschaftspolitischen, sowie auf die empire-Politik - fing er als Ministerpräsident dann aber, auch die Außenpolitik Englands zu lenken. Da er die eingewurzelte passive Widerstandskraft der Beamtenschaft des Foreign Office gegen ihr [illegible] patriotische außenpolitische Richtlinien wußte, stützte er sich für seine außenpolitischen Pläne mehr auf Sir Horace Wilson, den

Фотокопия первой страницы документа № 29.

рии»[1]. Далее он освободился от министра иностранных дел Идена, ответственного за неудачу абиссинской политики, и назначил министром иностранных дел преданного ему лорда Галифакса. Послом в Берлин он назначил против воли министерства иностранных дел сэра Невиля Гендерсона.

Во внешней политике целью Чемберлена являлась попытка добиться соглашения с тоталитарными государствами. В начале марта 1938 г., по его распоряжению, правительству рейха было сделано очень несовершенное и недостаточное предложение по урегулированию колониального вопроса, которое Гендерсон передал лично фюреру (ответа со стороны Германии не последовало). Он начал также переговоры с Италией о ликвидации абиссинской проблемы и о разграничении интересов на Ближнем Востоке. Эти переговоры привели в апреле к заключению широкого соглашения.

В противовес этому положительному направлению в англо-германских отношениях имелись и отрицательные влияния, вызванные аншлюсом Австрии. Англия, которая задним числом охотно утверждает, что она приветствовала все справедливые действия германской политики и осудила только ликвидацию чехословацкого государства, в действительности осуждала от начала до конца

---

[1] В оригинале «Staatssekretär in der Reichskanzlei» (кавычки в оригинале). Г. Вильсон занимал должность «начальника гражданской службы» («Head of H. M. Civil Service»).

все действия Германии, предпринятые ею для справедливой защиты своих жизненных интересов, и отвечала на них яростной газетной травлей. Так было с занятием Рейнской области, позднее — с разрешением судето-немецкой проблемы и весной 1938 г. с аншлюсом Австрии. Последний повлиял на Англию тем сильнее, что информация британского правительства была явно крайне недостаточной и исходила от легитимистских кругов Австрии: во всяком случае в Лондоне были неизвестны сила стремления Австрии к аншлюсу и подготовка к нему. Отношение общественности было поэтому единодушно отрицательным и враждебным: «похищение Австрии» [1] — насилие [2] над Австрией — было лейтмотивом и оставалось таковым долгое время.

Также и в позиции самого правительства в отношении Германии проявлялась известная двойственность: в то время как лорд Галифакс дорожил установившейся связью с германским посольством, — например, он информировал нашего поверенного в делах первым из иностранных представителей о политических результатах визита Даладье в Лондон, — министерство внутренних дел денонсировало англо-германское паспортное соглашение. Что указанные Англией паспортно-технические причины в данном случае не были решающими — стало ясно после того, как Германия пошла на-

---

[1] В оригинале по-английски: «the rape of Austria».

[2] В оригинале: «Vergewaltigung».

встречу английским возражениям; несмотря на это, денонсация не была взята обратно. Из этого стало ясно, что министерство внутренних дел хотело отклонить ходатайства о разрешении въезда, нежелательные ему по тем или иным причинам; нежелательными же были для него какие бы то ни было выступления в положительном национал-социалистском духе.

Англо-германские отношения характеризовались таким образом уже и в это время сосуществованием на английской стороне двух друг другу противоречащих тенденций.

Как только замолкла враждебная газетная кампания по поводу аншлюса Австрии, на первый план, в известной мере неизбежно и автоматически, выступила чехословацкая проблема. Уже при моём первом посещении лорда Галифакса этот вопрос явился, по его инициативе, основной темой разговора. Я, согласно поручению, сказал ему, что мы стремимся к мирному разрешению судето-немецкого вопроса, но что притеснению судетских немцев должен быть положен конец. Чешский кризис последних дней недели [1] 21 мая поставил судето-немецкий вопрос на первое место в ряду европейских проблем, которое он и занимал вплоть до своего разрешения на Мюнхенской конференции. Во время этого кризиса английское правительство безоговорочно оставалось в плену чехословацкой алармистской информации или ложной информации своей секретной

[1] В оригинале: «Die tschechische Wochenendkrise».

службы и своих военных атташе; оно прямо исходило из того, что чешские сообщения о сосредоточении германских войск должны были быть на чём-то основаны, и направило соответствующие предупреждения по нашему адресу. Было очевидно, что буквальное повторение англичанами чешских инсинуаций должно было вызвать острейшую реакцию со стороны Германии. Таким образом, кризис последних дней недели [1] стал одним из поворотных пунктов в англо-германских отношениях в отрицательном направлении.

Как только стало известно действительное положение вещей, наступило некоторое отрезвление и установилось более критическое отношение к Бенешу; но это произошло слишком поздно, чтобы сгладить возникшее в Германии впечатление. Вслед за тем появилась тенденция разрешить признанный опасным судето-немецкий вопрос приличным образом, в благоприятном для Германии смысле. Лицо, близко стоящее к французскому посольству в Лондоне, подало нам мысль, чтобы мы предложили плебисцит в Судетской области. Это предложение было бы, вероятно, принято Англией и Францией. В ответ на мою телеграмму по этому поводу я вскоре получил указание оставить это предложение без последствий.

В последующие месяцы чехословацкий вопрос потерял свою непосредственную актуальность, хотя

---

[1] В оригинале: «Wochenendkrise».

политическая общественность ещё живо занималась им. Особенно большое влияние оказало посещение Генлейном Лондона [1]. О том, что правительство искало способа мирного разрешения вопроса, свидетельствовало несколько статей в «Таймсе», представлявших пробные шары в смысле отторжения Судетской области или, по крайней мере, — плебисцита. Этим статьям приписывалась официозная инспирация.

На общее настроение оказывала в это время очень сильное влияние правительственная пропаганда вооружения, особенно в области авиации. В этом же направлении действовала кампания травли немцев, проводившаяся большей частью прессы. Широкие массы начинали думать, что война неизбежна, и были объяты истерической паникой. Домашние работницы отказывались поступать в дома, находящиеся на южном побережьи, потому что боялись немецких бомб. У советника посольства, который хотел снять дом, были трижды взяты владельцами обратно готовые к подписи контракты; мотивировка: ввиду предстоящей войны с Германией, контракт с членом германского посольства не имеет смысла. Вообще повсеместно жаловались на то, что дома в Лондоне почти не находят покупателей, тоже из страха перед германскими бомбами. Это настроение народа выразилось также в сильном давлении парламента на правительство с

---

[1] См. выше, док. № 3.

целью усиления авиационного вооружения и проведения более эффективных мер противовоздушной обороны. Ответственные министры, лорд Уинтертон и Суинтон, должны были капитулировать перед этим настроением. Англия осознала, что она перестала быть островом.

Англо-германские отношения испытали некоторый сдвиг в связи с обсуждением вопроса о принятии на себя Германией австрийских долгов. Вследствие нашего отказа уступить английским требованиям, возник довольно резкий обмен мнений, во время которого англичане грозили, что они задержат причитающиеся им, по их мнению, суммы при сведении торгового баланса [с Германией]. Введение принудительного клиринга означало бы торговую войну. Однако, в конце концов, договорились о переговорах на широкой базе по австрийским долгам и хозяйственным вопросам. Эти переговоры проводились в Лондоне и привели, наконец, к соглашению от 1 июля. Это соглашение не только весьма благоприятно повлияло на экономические отношения и на Сити, но создало также и во внешнеполитическом отношении благоприятную атмосферу.

Эта благоприятная атмосфера была ещё более улучшена визитом адъютанта фюрера, капитана Видемана. В течение лета он был здесь неоднократно, однако раньше не беседовал с официальными лицами. Теперь он прибыл с ведома фюрера, чтобы по поручению генерал-фельдмаршала Геринга позондировать, будет ли визит последнего в Лондон

встречен одобрительно. Г-н Видеман имел продолжительную беседу с лордом Галифаксом, который привлёк к ней Кадогана. Английское правительство живо приветствовало мысль о приезде фельдмаршала. Галифакс пошёл так далеко, что сказал, что прекраснейший момент его жизни наступил бы тогда, когда фюрер проехал бы рядом с королём по Mall [1] во время официального визита в Лондон. Капитан Видеман сообщил мне о своих беседах и, по моей настоятельной просьбе, взялся проинформировать рейхсминистра иностранных дел, который до этого времени не имел никакой информации по этому вопросу; это казалось мне наилучшим выходом из затруднительного для меня положения — быть информированным о внешнеполитическом шаге, о котором рейхсминистр иностранных дел не был информирован.

Политическая и эмоциональная ценность этих предварительных переговоров была сильно снижена тем, что они, благодаря одной из обычных нескромностей, попали в английскую прессу и были использованы для самых сенсационных комментариев. Этот проект был оставлен Берлином без последствий. Дальнейшие переговоры с английскими деятелями велись в последующие два месяца через посредство княгини Гогенлоэ.

Несколькими днями позже — около 24 июля — я взял отпуск и нанёс, в числе прочих, прощальный

[1] The Mall — улица, которая ведёт к Букингемскому дворцу.

визит сэру Горацию Вильсону. Он спросил меня, не хочу ли я видеть премьер-министра, и спустя некоторое время проводил меня в рабочий кабинет премьера. В 20-минутной беседе Чемберлен выразил своё опасение по поводу германо-чехословацкого конфликта и попросил, чтобы со стороны Германии не были предприняты слишком поспешные шаги, так как всякое применение силы может быть чревато далеко идущими последствиями. Пусть британскому правительству дадут время; оно сделает всё возможное, чтобы привести к мирному разрешению вопроса. О решении английского правительства послать лорда Ренсимена посредником в Прагу — о чём было опубликовано в печати одним или двумя днями позднее — Чемберлен мне ничего не сказал.

Также и этот визит был разглашён в прессе и снабжён искажающими истину комментариями, особенно по поводу того, что инициатива якобы принадлежала мне и что мой визит находится, будто бы, в связи с визитом Видемана. В результате моего настоятельного объяснения по телефону с Вильсоном прессе было сделано дополнительное сообщение; его нельзя было, однако, назвать поправкой, так как и оно было неправильно и искажало действительность. Рейхсминистр иностранных дел дважды по телефону говорил со мною по этому поводу; я дал ему все нужные объяснения.

Общая тенденция английской политики в отношении чехословацкого вопроса определялась всё

яснее в течение лета: британское правительство явно хотело избежать войны при малейшей к тому возможности. Оно стремилось найти выход, который удовлетворил бы германские требования. Оно, по-видимому, было готово оказать сильное давление на чехов, при условии, что не будут применяться никакие насильственные методы, а только методы переговоров. В противном случае была опасность, что Англия выступит на стороне наших противников. Этой линии придерживались мои устные и письменные донесения.

В конце июля я прибыл в Берлин в отпуск. Я сделал довольно обстоятельный доклад рейхсминистру иностранных дел; был также приглашён к заместителю фюрера в Мюнхен, которому я тоже сделал доклад; и я имел продолжительную беседу с г-ном фон Нейратом.

Приблизительно 8 августа я получил частное письмо от Чемберлена, который мне сообщил об уже состоявшемся отъезде лорда Ренсимена в Прагу и о значении его миссии; она, по его словам, служит делу мира и является попыткой найти решение, приемлемое для обеих сторон. Чемберлен просил меня, или внушал мне мысль, поставить об этом в известность фюрера во время моего ближайшего доклада.

Так как я был на лечении в Рейхенгалле и уже до этого, соответственно существующим правилам, записался через канцелярию министра иностранных дел на доклад к фюреру, я попытался получить

точное указание времени приёма. Но, несмотря на все усилия штаатсминистра Мейснера, в Берггоф я не попал.

Между тем, напряжённость положения увеличилась под влиянием продолжавшихся и усилившихся притеснений судетских немцев чехами и их возрастающего отчаяния, особенно во время партийного съезда. На мои неоднократные попытки получить у рейхсминистра иностранных дел указание о дате приёма для доклада фюреру, чтобы передать ему сообщение Чемберлена, я был, наконец, допущен незадолго до начала чая, который фюрер давал для почётных иностранных гостей. Доклад длился очень короткое время — около 5—7 минут. Я сообщил содержание чемберленовского письма, на что фюрер заметил, что английский генерал Гамильтон ему сказал, что Ренсимен является либералом до мозга костей и что он имеет слабое представление о тех проблемах, которыми должен будет заниматься. На моё замечание, что он с ними ещё познакомится, фюрер возразил, что для этого ему уже нехватит времени. На этом разговор, продолжительность которого была сокращена промежуточным телефонным звонком доктора Лея по поводу его трудовых отрядов, был окончен.

Рейхсминистр иностранных дел, занятый в то время обсуждением вопроса о невозвращении на их посты послов в Лондоне и в Париже, был принят фюрером для краткой беседы перед моим докладом фюреру и после моего доклада. Он дал мне указа-

ние оставаться пока в Германии; такое же указание получил от него и граф Вельчек.

После большой речи фюрера 12 сентября в Нюрнберге последовало дальнейшее обострение положения, которое, в конце концов, разрешилось поездкой Чемберлена в Берхтесгаден. Я, согласно указанию, поехал вместе с чинами министерства иностранных дел в Мюнхен и Берхтесгаден, но не был привлечён к совещанию в Берггофе и только, возвращаясь в автомобиле вместе с сэром Горацием Вильсоном в Мюнхен, я начал принимать активное участие в деле. Вильсон был, видимо, вполне доволен результатом своего участия в переговорах, но подчёркивал большие трудности, которые придётся преодолеть Чемберлену, чтобы склонить парламент и французов в пользу наших требований.

В годесбергском совещании я участвовал таким же образом: я ехал с сэром Горацием Вильсоном в автомобиле из Кёльна в Годесберг. Вильсон был, видимо, вполне удовлетворён тем, что было уже достигнуто, т. е. тем, что Чемберлену удалось уговорить французов и чехов согласиться на уступку Судето-немецкой области после плебисцита. Он упомянул о договоре о ненападении, который должен быть дарован остальной Чехии. Большое значение он придавал прежде всего тому, чтобы сроки, устанавливаемые немцами, не были столь короткими и ультимативными, потому что из-за этого всё соглашение может потерпеть крах. Когда я сообщил об этом рейхсминистру иностранных дел, он

ответил: «Три дня!». К участию в годесбергских переговорах меня не привлекали, и я не имел случая беседовать ни с рейхсминистром иностранных дел, ни с фюрером. На обратном пути в Кёльн сэр Гораций Вильсон был крайне озабочен и подавлен.

В Мюнхенской конференции я не участвовал. На мой телефонный запрос в министерство иностранных дел я получил указание отправиться снова к своему посту через Берлин. Я ограничился прощальным визитом статс-секретарю, так как мне не было дано возможности явиться к рейхсминистру иностранных дел. Берлин был под впечатлением, что подписанный в Мюнхене англо-германский протокол мало внесёт изменений в существующее положение.

II.

МЮНХЕН — ПРАГА.

Когда я 6-го октября возвратился в Лондон и был информирован о тамошнем настроении, мне показалось, что самым важным результатом перенесённого кризиса является то, что англо-германские отношения от него не пострадали. Кризис рассматривался скорее как стихийная катастрофа, которая благополучно миновала и за которую не нёс никто ответственности. Распространилось понимание искусственности чешского государства и его непрочности. Втайне были рады тому, что теперь Чехия в результате Мюнхенской конференции окончательно перестала быть яблоком раздора. Под-

писанный в Мюнхене фюрером и Чемберленом протокол рассматривался как новая основа и путеводная нить для развития англо-германских отношений («мир на всю жизнь нынешнего поколения») [1]. На эту основу опиралась вера в возможность урегулирования счетов и ослабления напряжённости обстановки. Предметом обсуждений был вопрос, какие проблемы имеются между обеими странами и как можно их разрешить.

Одновременно, главным образом под давлением парламента и в сопровождении большой шумихи в печати, снова началась гонка вооружений, и стали восполняться пробелы [2], которые обнаружились в конце сентября во время военных приготовлений.

Первой тенью, которая пала на эту картину англо-германских отношений, не безотрадную, если наблюдать события из Англии, была речь фюрера в Саарбрюккене (о менторстве [3]; нападки на Идена, Черчилля, Купера). Несмотря на это, последующие недели принесли с собой различные речи Чемберлена, сэра Самуэля Хора, сэра Джона Саймона и др. с прямым или косвенным предложением по адресу Германии, чтобы она сформулировала свои требова-

---

[1] В оригинале по-английски: «Peace for a lifetime».

[2] В оригинале по-английски: «gaps».

[3] В оригинале «Gouvernantenhaftigkeit». В упоминаемой Дирксеном речи, опубликованной в «Völkischer Beobachter» от 10 октября 1938 г., Гитлер сказал: «Gouvernantenhafte Bevormundung vertragen wir nicht mehr» («Мы больше не допустим гувернантской опеки»).

ния, дабы можно было начать переговоры; в этих речах были упомянуты колонии, сырьё, разоружение; в частных беседах, в качестве программы, называлось разграничение сфер экономических интересов; понятие «жизненное пространство» вошло в обиход лишь позднее. Говорились также справедливые и дружественные слова о немецком народе («мужественная, сильная и храбрая раса»). Тенденция провести различие между немецким народом и его руководящими деятелями и натравить их друг на друга только ещё намечалась; она решительно выступила на передний план в последующие месяцы. Эта тенденция имела исходным пунктом Мюнхенскую конференцию и якобы наблюдавшиеся там проявления мирных настроений публики.

Упомянутые выше мысли, высказанные в различных речах, были мне повторены сэром Самуэлем Хором во время совместного воскресного отдыха в Питворт-хауз.

Так как с немецкой стороны не только не последовало никакого дружественного ответа на этот английский зондаж, но были сделаны даже отрицательные официальные заявления и высказывания в прессе, то английские голоса, предлагавшие объясниться и начать переговоры, постепенно замолкли. Ввиду отсутствия официальных указаний я ограничился тем, что обосновывал нашу отрицательную позицию недоверием, вызванным чрезмерным вооружением Англии, кампанией в прессе, враждебными нам статьями Дафф Купера и т. д., а в остальном

старался поддерживать прежнюю температуру до выяснения положения на более широкой основе.

Выяснение произошло вскоре, в результате антиеврейских демонстраций в Германии 10 ноября. На них в Англии последовала необычайно сильная реакция, частично вызванная чисто эмоциональными причинами и недостаточным пониманием немецкой точки зрения, частично раздуваемая преднамеренно. Все антигерманские и проеврейские элементы выступили на арену и развернули безудержную антигерманскую пропаганду — особенно эмигранты, влиятельная часть политических и хозяйственных общественных деятелей, зависимых от евреев, ультрапацифисты и т. д. Многочисленные официальные лица заняли враждебную нам позицию в речах и публичных выступлениях. Фонд лорда Болдуина сборами [денег], анонсами и т. д. дал новый толчок антигерманской пропаганде под маской человеколюбия. В эти недели заглохли все голоса благоразумия и всякое стремление взаимно объясниться. В декабре наступило некоторое успокоение. Новый инцидент, длившийся недолго, возник в результате проекта чемберленовской речи на банкете ассоциации иностранной прессы; этот проект заставил меня перед самым банкетом отказаться за всех немецких участников от присутствия на нём.

Когда затем к концу декабря наступило некоторое затишье, снова возник вопрос: каким путём можно сдвинуть с мёртвой точки англо-германские отношения, чтобы развивать их в смысле протокола,

подписанного фюрером и Чемберленом в Мюнхене? Я пришёл к выводу, что *экономический* [1] путь открывает наибольшие перспективы. Для Германии экономические вопросы стояли на первом плане; в своей речи от 30 января фюрер поставил в центре вопрос о германском экспорте, как вопрос жизненной необходимости, и заявил, что предвидит целый ряд мирных лет; лондонский визит Шахта в декабре проложил путь для экономического сотрудничества; во время моего пребывания в Берлине в середине января рейхсминистр иностранных дел полностью согласился со всеми этими идеями. С английской стороны я заметил во время подготовительных бесед живое сочувствие этим мыслям.

Поэтому с середины декабря я доказывал с возрастающей энергией в своих беседах с влиятельными англичанами, что необходимо попытаться разрядить напряжённую обстановку на почве экономических вопросов: имеется много трений политического характера, но в экономических интересах обеих стран имеются элементы общности и совместного развития; кроме того, они стоят у нас на первом плане. Необходимо и целесообразно поэтому достигнуть совместными усилиями успокоения и доверия в области экономики, а дальше — видно будет. Эти мысли я развил, например, перед лордом Ренсименом во время моего воскресного отдыха в Броккет-Холле, причём он мне заявил, что Чемберлен спе-

[1] Подчёркнуто в оригинале.

циально поручил ему заниматься германскими вопросами. Я подробно разговаривал об этом также с лордом Галифаксом и с другими влиятельными лицами. Что эти беседы оказали своё действие, я заметил через несколько месяцев, когда лорд Ренсимен заговорил со мной о высказанных мною тогда предположениях.

Это был благоприятный момент для большей активизации в экономической области в том отношении, что представлялись различные возможности для реализации подобного курса: в конце января состоялся ежегодный банкет англо-германской торговой палаты; в это время происходили переговоры об угле, которым с английской стороны придавалось большое значение; и, наконец, планировались переговоры между центральными промышленными объединениями обеих стран. Все три возможности были использованы в активном смысле: на ежегодный банкет торговой палаты с обеих сторон явились многочисленные видные представители — министериальдиректор Виль, министр внешней торговли Хадсон и многие другие. Пользуясь этим случаем, с английской стороны был впервые пущен пробный шар: не посетит ли рейхсминистр хозяйства Функ Лондон? Значительно продвинулись вперёд и переговоры об угле, благодаря уступкам с обеих сторон, и завершились тем, что был положен конец сбиванию цен и перехватыванию различных рынков. Заключение договора было демонстративно отпраздновано банкетом, на котором присутствовал и произнёс

речь также министр торговли Стенли. Переговоры между руководящими объединениями обеих сторон были назначены на конец февраля в Дюссельдорфе, и с обеих сторон был намечен первоначальный состав делегаций.

Самым значительным шагом вперёд была попытка пригласить рейхсминистра хозяйства Функа посетить Лондон. В первый раз эта мысль была высказана на банкете торговой палаты; она была повторена в последующие дни столь настойчиво, что было необходимо получить ответ из Берлина. Ответ гласил, что г-н Функ не может в данный момент приехать в Лондон по причине перегруженности работой и что он не может также указать время своего приезда в Лондон позднее. Несмотря на это, с английской стороны не отказались от мысли об обмене визитами с участием министра торговли Стенли. Сэр Фредерик Лейт-Росс посетил меня для разговора по этому поводу. В то время как с германской стороны так и не могло быть дано положительного ответа, английские инстанции продолжали настаивать на визите Стенли и предложили, в качестве ответного шага с германской стороны, моё выступление на банкете, организуемом участниками переговоров об угле, с речью, в которой упоминалось бы об обмене визитами. Это предложение мы должны были принять; проект речи, которую я должен был произнести на банкете, я представил по его указанию рейхсминистру иностранных дел. Она была составлена в подчёркнуто трезвом и деловом духе.

В торжествах по поводу заключения соглашения об угле приняли участие все руководящие представители германской угольной промышленности и их английские коллеги. На банкете произносились подчёркнуто дружественные речи, в том числе и министром Стенли. Английские участники неоднократно подчёркивали, что сотрудничество с их германскими коллегами протекает без трений, при полном доверии и несравненно более успешно, чем с американцами. При этом окончательно договорились о поездке Стенли в Берлин на устраиваемый там банкет той же отрасли промышленности. Также было всё условлено и относительно совещания руководящих объединений в Дюссельдорфе. Чем дальше, тем становилось яснее, что с английской стороны этой встрече придавалось бóльшее значение, чем это оправдывалось не слишком важными вопросами, включёнными в порядок дня; эти переговоры должны были быть использованы для установления личного контакта, чтобы вообще договориться о совместных действиях английской и германской промышленности. Атмосфера была необычайно благоприятной и действовала разряжающим образом также в политической сфере.

У меня тогда, то-есть в конце февраля, не было никакого повода предполагать, что этому развитию событий будет нанесён удар со стороны политических взаимоотношений — предстоявшими событиями в Чехословакии. Когда я, в середине января, был по служебным делам в Берлине, рейхсминистр иностран-

ных дел, который в своей первой беседе проявил холодность в отношении Англии, четырьмя днями позже, в последней беседе, обнаружил живейший интерес к вопросу о дальнейшей активизации англо-германских отношений на экономической основе. Так как в эти самые дни в Берлине была получена записка Муссолини о его переговорах с Чемберленом в Риме, из которой было видно, что Чемберлен просил содействия дуче в деле улучшения англо-германских отношений, то я полагал, что это обстоятельство обусловило и нашу более благоприятную позицию.

Это моё впечатление усилилось благодаря тому обстоятельству, что вскоре после моего возвращения в Лондон был вызван в Берлин к рейхсминистру иностранных дел советник по делам печати д-р Хессе, который получил секретное поручение установить, с целью общего сближения, контакт с английским правительством через посредство начальника отдела печати при канцелярии Чемберлена, Стюарта, хорошо знакомого Хессе. Имелось также в виду предложить заключить договор о ненападении, для подписания которого рейхсминистр иностранных дел изъявил готовность приехать в Лондон. На эти предложения, высказанные д-ром Хессе Стюарту, последний ответил, что важность дела требует обращения в политически ответственные инстанции. После этого д-р Хессе был приглашён на беседу к сэру Горацию Вильсону, который занял позицию слушателя. Дальнейших высказываний с английской стороны в отношении этих заявлений, однако, не после-

довало, потому ли, что политические события (Чехословакия) сделали ответ ненужным, или же потому, что англичанам не было приятно это сближение неофициальными путями. В пользу последней версии говорило замечание, которое мимоходом обронил в разговоре со мной Галифакс: «Господину фон Риббентропу нужно приехать в Лондон» [1]. Я в категорической форме разъяснил ему, что неправильно отвечать таким образом на инициативу рейхсминистра иностранных дел; последний ищет пути к ослаблению напряжённости отношений с Англией, но сообщил свои соображения в Англию неофициальным путём, чтобы не подвергать себя опасности официального отказа.

Когда я в конце февраля был на открытии выставки древнеяпонского искусства в Берлине, я заболел гриппом и не мог принять никакого участия в каких-либо мероприятиях, и лишь в последние два дня перед моим отъездом имел деловые совещания. В это время усилились слухи, что в марте произойдёт обострение отношений с Чехословакией, вследствие которого может стать необходимым молниеносное германское вторжение. У рейхсминистра иностранных дел не было времени принять меня, так что я не получил относительно этого никакого точного подтверждения, а равно не получил никакого указания, в каком духе разговаривать или какую

---

[1] В оригинале по-английски: «Herr von Ribbentrop wants to come to London».

позицию занять в отношении вероятной реакции Англии на германское вступление в Чехословакию.

При своём возвращении в Англию 9 марта и до 15 марта я нашёл там всё то же оптимистическое настроение, которое там господствовало в феврале. Как раз предстояла поездка Стенли в Берлин — 17 марта, — и было очевидно, что британское правительство придавало ей большое значение. Что она с английской стороны была задумана как акт большой политической важности, выяснилось из высказываний самого Стенли лишь позднее, после того как она потерпела крах. Также лишь позднее выяснилось, что британский кабинет, согласно информации, полученной г-ном штаатсратом Вольтатом, в конце февраля принял решение о возврате колоний Германии.

Приняв во внимание этот ход событий, становится очевидным, что британское правительство имело намерение снова пойти на сближение с Германией, которое остановилось на мёртвой точке после Мюнхена, а также после еврейского инцидента.

III.

ПРАГА.

Когда примерно 12 марта разразился конфликт между Чехией и Словакией — вследствие того, что Прага вынудила смену кабинета в Словакии, — английская печать не проявила особенно живого интереса к этим событиям. Также и отделение Словакии было воспринято спокойно; пресса заявляла

довольно единодушно, что эти события не касаются Великобритании.

В противоположность этому германское вступление в Богемию и Моравию и занятие Праги явились поворотным пунктом в англо-германских отношениях и вообще в британской внешней политике. События 15 марта воздействовали на умы англичан трояким образом:

1). В смысле политического соотношения сил [1] присоединением Богемии и Моравии и превращением Словакии в протекторат [2] была превзойдена та мера приращения могущества, которую Англия была готова предоставить Германии в порядке односторонних действий без предварительного соглашения с Англией. Уже аншлюс Австрии был воспринят отрицательно, так как он означал изменение соотношения сил в пользу Германии. Присоединение Судетской Германии [3] в результате Мюнхенской конференции было воспринято как большое дипломатическое поражение, но оно было всё же проглочено — с затаённой мыслью, что теперь поставлены на карту положение Англии в мире и всё мировое положение.

2). Во внешнеполитическом отношении — в отношениях обоих народов друг к другу — односторонняя ликвидация Чехословакии рассматривалась как

---

[1] В оригинале: «Machtpolitisch».

[2] В оригинале: «Schutzstaat».

[3] В оригинале: «Sudetendeutschlands».

нарушение мюнхенского соглашения, как нарушение текста или, по крайней мере, духа этой сделки. На настроения широких масс ещё сильнее действовало впечатление, что Чемберлен «остался в дураках», что это было «нечестно» [1] по отношению к старому человеку, который в сентябре прошлого года три раза летал на самолёте в Германию, чтобы «спасти мир».

3). Всё представление, которое составил себе средний англичанин о национал-социализме, было поколеблено. Одним из немногих основных принципов национал-социализма, которые стали понятны англичанину и которые до некоторой степени были ему доступны, была расовая теория. Он вспомнил также данные немцами заверения, что Германия не заинтересована в присоединении к ней чуждых по происхождению и по расе чехов. Он воспринял как необъяснимое противоречие между принципами и поступками тот факт, что немцы присоединили около 7 миллионов расово чуждых им людей.

Вышеуказанными размышлениями, чувствами и впечатлениями была в известной мере выбита почва из-под англо-германских отношений. Само собой разумеется, такое отношение к германскому вторжению в Богемию и Моравию было в большей своей части неправильным или, по крайней мере, пристрастным и совершенно не считалось с ходом развития событий. Оно не принимало во внимание, что

---

[1] В оригинале по-английски: «unfair».

положение в остальной Чехии становилось всё неустойчивее, что катастрофу вызвало выступление пражского правительства против Словакии, что присоединение Богемии и Моравии произошло по инициативе президента Гаха, что протекторат не был инкорпорирован, а получил широкую автономию.

Для того чтобы все эти контраргументы возымели действие, уже не было времени. Вступление в Прагу подействовало на английскую общественность, как гром с ясного неба. После того как она оправилась от первого шока, — с натиском и быстротой, опрокидывавшими все доводы здравого смысла, начало формироваться мнение, основанное на полном непонимании действий Германии. Не было ни времени, ни возможности воздействовать на общественное мнение в пользу Германии, — разве только в частных разговорах. 15-го стало известно о занятии Праги, а уже 19-го были отозваны послы обеих сторон.

Официально известие о занятии Праги было сначала принято неплохо. Чемберлен и Галифакс сделали в этот же день умеренные заявления в парламенте: в том смысле, что, несмотря на осуждение, надо продолжать прежнюю политику. Разумеется, тут же было объявлено, что визит Стенли не состоится, но в остальном не было ещё заметно никаких существенных признаков того поворота в общем настроении, который произошёл через несколько дней.

Обострение позиции Англии исходило первоначально не от правительства, а от политической общественности, от парламента, из избирательных

округов; в Лондоне оно было тем сильнее, чем теснее был контакт между депутатами и их избирательными округами. Причины этого затишья перед бурей и развязывания бури широкими политическими кругами были различны: средний англичанин, который медленно соображает, должен был сначала оправиться от первого шока, полученного от неожиданного известия, и уяснить себе значение события. Когда это произошло, его охватили уже охарактеризованные выше чувства и соображения. К этому ещё присоединилось другое обстоятельство решающего значения: консервативным избирателям стало ясно, что ликвидация чехословацкого государственного образования означала не только политическое поражение Чемберлена вследствие краха его политики «умиротворения», но также одновременно ставила под угрозу его внутриполитическое положение, а с ним и власть консервативной партии вообще. Все силы, заинтересованные в сохранении и поддержании этого положения, особенно вся партийная машина, были пущены в ход и оказывали из избирательно-тактических соображений давление на Чемберлена и кабинет, чтобы отказом от политики умиротворения и более резким языком в отношении Германии выбить оружие из рук партий оппозиции (особенно оппозиционных групп внутри консервативной партии) и отдать дань настроениям избирателей.

Одновременно оживились также влиятельные, действующие за кулисами, враждебные немцам элементы, особенно в Форейн оффис, и склонили

министра иностранных дел Галифакса, который сам по себе был верен премьер-министру, изменить курс британской внешней политики. Не подлежит сомнению, что в эти дни в Форейн оффис была высижена политика окружения.

Под давлением этих влияний Чемберлен выступил в пятницу 17 марта в Бирмингаме с известной речью в очень резком тоне. Она положила начало политике окружения заявлением, что Англия вступит в контакт с другими единомыслящими державами.

С этого времени события начали развиваться быстрее. У меня в эти дни были два острых столкновения с Галифаксом, который не только категорически высказался против присоединения Богемии и Моравии и не хотел слушать никаких контраргументов, но и вообще встал на дыбы и сознательно усугублял остроту положения: он наотрез отказывал в каком-либо извинении за наглое оскорбление фюрера в палате общин депутатом Дафф Купером, которого спикер не призвал к порядку; он угрожал высылкой германских подданных и требовал отзыва одного члена посольства. В тот же самый день, 18-го, посол Гендерсон был демонстративно вызван в Лондон для «доклада».

В эти дни и до начала следующей недели враждебное немцам настроение ещё более возбудилось в результате следующих обстоятельств: депутаты, которые посетили в воскресенье свои избирательные округа для общения с избирателями, вернулись под впечатлением крайне враждебного отношения [к нем-

цам], которое господствовало в стране, и в соответствующем духе воздействовали на правительство. Таким образом, события развивались в обратном направлении по сравнению с 1936 г. при занятии Рейнской области, когда сначала правительство и парламент были за войну, но под влиянием умеряющего воздействия избирателей должны были высказаться в пользу большей сдержанности.

Далее настроение было подхлёстнуто враждебной кампанией в печати по поводу того, что Германия якобы имеет завоевательные намерения в отношении Румынии. При переговорах по заключению торгового договора, в связи с интригой частно-предпринимательского характера со стороны румынского посла в Лондоне Тилеа, правительству и общественности была внушена навязчивая идея, что предстоит германское вторжение в Румынию. Это истерическое настроение умов усиливалось ещё благодаря слухам, что Германия закончила большие военные приготовления на польской границе, также с намерением вторгнуться в Польшу или, по крайней мере, в Данцигскую область.

После того как стало известно об отзыве Гендерсона в Лондон, я также получил в субботу 18 марта указание прибыть в Берлин для доклада. В воскресенье я выехал и прибыл в Берлин в понедельник 20-го. Рейхсминистр иностранных дел не имел времени принять меня с докладом. После пятидневного ожидания я поехал в Гредицберг, с согласия рейхсминистра, предоставив себя в его распоряжение.

Однако я не был вызван для доклада, а получил приглашение на банкет для почётных гостей фюрера и на выступление фюрера 28. IV. Однако и здесь я не имел возможности сделать доклад рейхсминистру иностранных дел. Когда я затем 2 мая получил указание вернуться на свой пост, я заявил, что я это могу выполнить только после доклада рейхсминистру. Во время состоявшейся вскоре после этого беседы с рейхсминистром иностранных дел он дал мне указания в том смысле, что мы не хотим войны с Англией, но ко всему готовы. Если Польша заденет Германию, она будет разгромлена. Мы подготовлены к войне на десять лет, даже на 20 лет. Англичане должны отказать Польше в своей помощи.

6 мая я снова прибыл в Лондон.

IV.
ПРАГА — НАЧАЛО ВОЙНЫ.

1). *Мероприятия по окружению в полном ходу.* За моё отсутствие произошёл большой поворот в английской внешней политике, сказавшийся в следующем: на некоторое время прекратились попытки разрядить напряжённость в отношениях с Германией путём прямых переговоров. Вместо этого была предпринята попытка организовать мировую коалицию против Германии, чтобы силой воспрепятствовать расширению германского жизненного пространства и, так сказать, под наведённым револьвером заставить Германию высказать свои желания перед этим трибуналом, который и вынесет затем своё решение.

В первом порыве ярости английское правительство осыпало гарантиями целый ряд государств. Эти гарантии были односторонними, если соответствующее государство было против двухстороннего договора; эти гарантии были двухсторонними, если данное государство было согласно включиться в союзную систему. Поспешнейшим образом был заключён тесный союз с Польшей, не в последнюю очередь вследствие ложных известий о германском вторжении.

По возвращении в Лондон я попытался составить себе представление о том, ведут ли англо-германские отношения неудержимо к войне или же имеется ещё надежда на мир. Когда я судил об общем положении, находясь в Германии, война казалась мне неизбежной, ибо Англия совершенно явно вела политику окружения с величайшей энергией, не считаясь с политическими, военными и финансовыми жертвами, а Германия, согласно речи фюрера в Вильгельмсгафене, не могла, как в 1914 г., спокойно ожидать, пока вокруг неё будет полностью сковано железное кольцо.

Мои первые лондонские впечатления, казалось, подтверждали это мнение. Мероприятия по окружению достигли как раз того момента, когда в них должен был быть включён Советский Союз. Начались те затяжные и переменчивые переговоры, которые продолжались всё лето. Характерно было то упорство, фанатизм, почти истерия, с которой политическая общественность подгоняла переговоры и

понуждала правительство к всё большим и большим уступкам с тем, чтобы пакт был заключён по возможности скорее. Все пощёчины со стороны Советского Союза были приняты; поддавались на каждую, всё более дерзкую русскую уловку и подошли, наконец, вплотную к тому, чтобы путём уступки в вопросе о «косвенной агрессии» отдать на милость России малые государства.

Из поведения общественности было ясно, что это давление с целью скорейшего заключения соглашения оказывалось потому, что коалицию без русской помощи считали недостаточно сильной для того, чтобы она выполнила своё назначение. Довольно сильная печать истерии, лежавшая в Англии на всех этих соображениях, не производила впечатления силы.

Параллельно с русскими переговорами велось в течение всех летних месяцев бесчисленное количество отдельных технических переговоров с другими участниками политики окружения: финансовые переговоры с Польшей; военные переговоры с Польшей в Лондоне; визит генерала Айронсайда в Варшаву; кредиты для Румынии и Турции; турецкая военная миссия в Лондоне; воздействие на Югославию.

Благодаря этой продолжающейся активности усиливалось, особенно за пределами Англии, впечатление, что Англия хотела с максимальной быстротой сделать окружение непроницаемым и тем самым хотела увеличить и увеличивала опасность войны. Этим были окончательно подавлены ещё не

исчезнувшие здравые тенденции, тем более, что пресса не знала границ в своей лживой и клеветнической кампании. Например, «Санди экспресс» опубликовал целую серию статей под заголовком: «Человек, который убил Гитлера» [1]; из этих статей следовало, что фюрер якобы убит уже некоторое время тому назад и что он с тех пор заменён двойником, заготовленным заранее! Далее в различных газетах было помещено сообщение, что Геринг якобы ранен во время покушения на его жизнь, и т. д., и т. д.

Отношение властей к немцам было также крайне недружелюбно. Ландесгруппенлейтер Карлова и 5 других членов национал-социалистской партии были высланы за пределы Англии без всякого на то повода. Некоторые германские купцы из рейха, которые работали в Англии уже 10—15 лет, были лишены права жительства, другим же не был разрешён обратный въезд в Англию. Для немецких детей, которые учились в английских школах, стало практически невозможно дальнейшее посещение школы вследствие враждебной и подстрекательной в отношении немцев системы преподавания.

2). *Растущая реакция против фронта окружения.* При ближайшем исследовании различных течений оказалось, что не всё то было золото, что блестело, т. е., что не всё то, что выдавало себя за фронт, полный решимости воевать, было таковым в действительности. Всё более выкристаллизовывались не-

[1] В оригинале по-английски: «The man who murdered Hitler».

большие, но влиятельные круги, для которых фронт окружения был не самоцелью, а средством достижения цели, т. е. Англия сознавала превосходство Германии и невозможность для себя играть роль равноправного партнёра при переговорах. Она хотела посредством вооружений и образования коалиции принудить Германию заявлять свои дальнейшие требования путём переговоров. При этом можно было убедиться в растущем понимании этих требований. Даже понятие «жизненное пространство» проложило себе дорогу в английское словоупотребление.

Одновременно с этими, более благоразумными тенденциями шло всё более возраставшее отрезвление в отношении действенности создаваемого единого фронта окружения. В то время как по случаю включения Турции в этот фронт царило безграничное ликование, всё более возрастало разочарование в отношении Польши и России: постепенно убеждались в непрочности польского государства, в сумасбродстве его великодержавных вожделений и его неутолимой нужде в деньгах. Советский Союз вызывал неудовольствие всё более обременительными условиями, предъявлявшимися им в переговорах, своим явным недоверием к Чемберлену и суровой холодностью, которой он отвечал на английское ухаживание.

Эти настроения проявились в нескольких речах Чемберлена и Галифакса, в которых ясно выражался принцип двухсторонней политики Англии или политики двойного действия [1], как она иначе назы-

[1] В оригинале: «Zwillingspolitik».

вается. Англия хочет посредством вооружений и приобретения союзников усилиться и поравняться с осью, но в то же время она хочет попытаться путём переговоров притти к полюбовному соглашению с Германией и готова для этого принести жертвы: в вопросе о колониях, о приобретении сырья, о жизненном пространстве, о сферах экономических интересов. Таковы были крылатые слова, которые употреблялись без каких-либо конкретных предложений.

3). *Пути к успокоению.* После того как я позондировал почву и открыл вышеупомянутые тенденции, я счёл наиболее эффективным воздействие на руководящие круги Англии по двум линиям: сначала — предостережением против политики фронта окружения, а затем — конструктивными примирительными предложениями.

Мои предупреждения о тяжких последствиях продолжения политики окружения я инфильтрировал в политические каналы тремя способами: частью лично, частью через поставленных мною на эту работу членов посольства, в особенности через советника по делам печати, частью путём бесед: a) с официальными лицами, b) с политическими деятелями (депутатами, публицистами и т. д.), c) с соответствующими членами дипломатического корпуса.

В своём воздействии на должностных лиц я был ограничен известными рамками вследствие того, что сдержанность вменялась мне в обязанность. Поэтому я должен был отказаться от официальных обращений к Чемберлену или Галифаксу. Мне удалось,

однако, с течением времени установить желаемые контакты иным путём. Во время завтрака у заместителя министра Батлера, где кроме нас двоих присутствовали только Галифакс и Кордт, я имел долгую беседу с Галифаксом. Я обстоятельно говорил с сэром Горацием Вильсоном (значит — с Чемберленом) и имел несколько бесед с лордом Четфильдом и лордом Ренсименом.

Воздействие на лиц из политических кругов не представляло больших трудностей. Такие беседы происходили по инициативе самих членов парламента, не говоря о журналистах и публицистах.

Двумя важнейшими пунктами в моих высказываниях были: a) говоря коротко: своей гарантией Польше Англия отдала судьбу всеобщего мира в руки второстепенных польских чиновников и военных (провокация столкновений в коридоре или в Данциге); b) опасность для Германии английской политики окружения ясна *всему* германскому народу; он единодушен в решимости отразить эту опасность и не допустить повторения 1914 г. Оба эти главные положения были дополнены дальнейшими подробными разъяснениями; в особенности я старался просветить англичан, несведущих в континентальных и особенно в восточно-европейских вопросах, относительно природы польского государства и относительно наших притязаний на Данциг и коридор.

Мои усилия в направлении конструктивной политики, т. е. возможности достигнуть успокоения методом переговоров, имели задачей установить прямой

контакт между фюрером и каким-либо руководящим английским деятелем. Независимо от того, что мне это вообще казалось наиболее быстрым и верным путём к цели, в правильности этой мысли меня убеждало одно высказывание, приписываемое фюреру. Он, говорят, высказал уверенность, что в прямой беседе на немецком языке с порядочным, прямодушным англичанином найдёт без особого затруднения удовлетворительное решение всех спорных вопросов. (Эти слова были мне позже — в конце июня — подтверждены бароном Гейром через г-на Гевеля). Эту мысль о прямом объяснении с влиятельными англичанами пустить в ход было не трудно, так как они сами время от времени высказывали эту же мысль. Что это предложение встретило благоприятный приём, убедительнее всего было доказано тем, что оно было высказано мне третьим лицом в качестве его собственной мысли.

Но трудно было найти лицо, которое было бы симпатично фюреру, т. е. прямую, честную, солдатскую натуру, и которое вместе с тем владело бы немецким языком. Я думал о Батлере, Айронсайде, Берджине, Эддисоне, Четфильде, — у всех чего-нибудь недоставало: мешало либо незнание немецкого языка, либо недостатки характера. Наиболее подходящим казался мне лорд Четфильд. Насколько распространена была мысль о таком объяснении, показало мне замечание сэра Горация Вильсона, что имеется в виду выдающаяся личность из английского хозяйственного мира. Позже через посредствую-

щее лицо мне было сообщено Чемберленом и сэром Горацием Вильсоном, что всякого рода личности, выдающие себя за влиятельных политиков, — как лорд Моттистон, — навязывались со всех сторон и что необходима величайшая секретность. Этот посредник предоставил себя в распоряжение для дальнейшего обмена мыслями и был использован. В конце концов, дело приняло другой оборот и закончилось беседами, которые штаатсрат Вольтат и я имели с сэром Горацием Вильсоном.

4). *Данцигский кризис и усиление воинственного настроения.* Насколько трудным стало продвижение подобных планов и как усложнилось общее политическое положение, обнаружилось, когда данцигский вопрос выступил на первый план и английские обязательства в отношении Польши подверглись первому испытанию. По мере того как со стороны Данцига всё настоятельней выдвигалось требование о его возвращении в состав империи и Данциг принимал меры самообороны, английской общественностью овладевала всё возрастающая нервозность. Питаемый различными источниками, хлынул в английскую печать поток ложных сообщений о сосредоточенных в Данциге армейских корпусах, о введённой туда тяжёлой артиллерии, о сооружении укреплений и т. д. Эта враждебная кампания достигла своего кульминационного пункта в первые дни июля, когда в конце недели сообщения Юнайтед Пресс из Варшавы о данцигско-польском кризисе, ультиматуме и т. д. вызвали в Лондоне настоящую панику

и кризисное настроение. Создатели паники были скоро выявлены посольством — это были американские круги, работавшие через американское посольство в Варшаве. Впервые со всей отчётливостью проявилась заинтересованность Рузвельта в обострении положения или войне для того, чтобы сначала добиться изменения закона о нейтралитете, а затем, чтобы, благодаря войне, быть вновь избранным.

Эти интриги и кризисы оказали непосредственное влияние, поскольку они принудили Чемберлена сделать ещё более ясно сформулированные заявления, что всякое изменение статус кво в Данциге будет означать для Англии необходимость выполнить свои союзные обязательства. Одновременно всё более возрастали возбуждение, враждебность к немцам, решимость воевать или фатализм широких масс населения. Представление, что всякое изменение существующего положения, предпринятое без согласия Польши, будет иметь следствием объявление войны Германии со стороны Англии, овладело, как маниакальная идея, умами широчайших кругов Англии.

В начале июля настроение населения могло быть охарактеризовано в следующем разрезе: первая прослойка представляла собою численно незначительную, но политически влиятельную группу, которая сознавала опасность принятого курса и стремилась каким-либо образом придти к соглашению с Германией, — однако она была в известной мере в плену своей собственной политики; затем следовал

более широкий круг решительных и подстрекающих к войне врагов Германии, состоящий из группы [1] Черчилля — Идена — Эмери — Купера с их приверженцами, из лево-либеральных, ультрапацифистских элементов, из газетной группы вокруг «Дейли кроникл», «Йоркшир пост», «Манчестер гардиен», из влиятельных еврейских групп, из эмигрантов, американского влияния [2] и т. д. Третий слой — широкая общественность, у которой не было ненависти к Германии, но которая устала от «вечных помех для спокойного развития», ответственность за которые она возлагала на Германию. Её чувства могут быть лучше всего выражены фразой: «Если борьба неизбежна, — не будем её откладывать» [3]. Боевое настроение находило общую поддержку в ощущении, что недочёты в вооружениях преодолены и что особенно в отношении авиации и противовоздушной обороны Англия вооружена в достаточной мере.

Трудности на пути к разряжению атмосферы проявились, таким образом, с полной очевидностью и были следующим образом охарактеризованы мною в моих беседах с Галифаксом, Вильсоном и многими другими лицами: сложность английской параллельной политики действует на внешний мир как неискренность. С одной стороны — дела: лихорадочная

---

[1] Слово «группы» вписано от руки чернилами поверх строки.

[2] Так в оригинале.

[3] В оригинале по-английски: «If there is to be a fight, let us have it now».

политика окружения и гонка вооружений; с другой стороны — слова: мир и дружба с Германией. Дальнейшим препятствием в деле успокоения является блокирование всех возможностей переговоров из-за всё более определённых заявлений Чемберлена, которым соответствует всё более явный отказ Польши пойти на какие-либо уступки. И, наконец, самой большой трудностью в деле умиротворительных переговоров является подогревание общественного мнения через печать, так что всякая попытка успокоения клеймится как государственная измена. (Ср. комментарии прессы к переговорам Хадсона — Вольтата.)

5). *Позиция германской прессы в отношении Англии.* Неудивительно, что при этих обстоятельствах немцы не имели благоприятной атмосферы для ослабления напряжённости отношений, а также и никакого желания рассмотреть, какую цену имеют более миролюбивые, случайные высказывания британских государственных деятелей — как, например, речи Галифакса в палате лордов и в Чатамхауз. Германская пресса рассматривала отношения с Англией исключительно с точки зрения английской политики окружения и полемизировала с английской прессой, которая давала ей для этого чрезвычайно богатый материал. Другого тона, чем фортиссимо, нельзя было и ожидать от германской прессы, так как она уже с осени 1938 г. взяла самый резкий тон в отношении Англии и статьи без полемической тенденции были редкостью. Хотя публика

в обеих странах настолько привыкла к взаимной вражде английской и германской прессы, что действие этой вражды притупилось, однако, время от времени, то личные нападки германской печати на руководящих английских деятелей, то насмешливые замечания о короле, то кампания по поводу палестинских зверств, направленная против английской армии, вызывали взрывы озлобления и ещё более сокращали возможность примирения между Германией и Англией. Поэтому советник посольства по делам печати справедливо поставил вопрос о прекращении этой пропаганды и указал на то, что «достаточно дуновения ветра, чтобы побудить льва сделать прыжок!» Иногда создаётся впечатление, писал он, словно хотят вывести из терпения англичан раньше, чем настанет пора штурмовать Польшу.

Наряду со столь серьёзными возможностями, связанными с позицией германской прессы или с методами германской пропаганды, можно оставить без рассмотрения более мелкие промахи или бестактности, которые делала германская пропаганда. Следует упомянуть только, что было бесспорнейшей ошибкой перевести на английский язык статью рейхсминистра Геббельса в «Фелькишер беобахтер», направленную против пропагандиста Стефена Кинг-Хэлла, и распространить её в Англии. Полемика, рассчитанная на немецких слушателей, теряет своё действие в отношении английских слушателей, — тем более, что перевод имеет погрешности и так цепляется за оригинал, что немецкие жаргонные

выражения, как «старый честный морской волк»[1] переводятся: «вы можете рассказывать эти сказочки морякам, вы, почтенный, старый британский Джек Тар»[2]. С другой стороны, заслуживает внимания, что деловые брошюры разъяснительного характера о Данциге, как, например, брошюра Фукса, были замечены и оказали своё хорошее действие. Также и данцигский профессор Хаферкорн сумел добиться успеха во влиятельных английских кругах как своими письменными, так и устными выступлениями.

В общем, если наблюдать [события] из Англии, то отношение германской публицистики к Англии производило такое впечатление, что каждое слово примирения с английской стороны в отношении Германии характеризовалось как признак слабости и упадка, в то время как решительный тон рассматривался как наглый вызов.

6). *Английское предложение открыть переговоры.* В середине июля в англо-германских отношениях наступило некоторое успокоение. Оно было вызвано отрезвлением, наступившим после разоблачения интриг подстрекателей к войне за кулисами данцигского кризиса, успокоительными известиями из Германии об уходе в отпуск руководящих лиц, бóльшим спокойствием в Данциге и намерением английского правительства распустить парламент на каникулы.

[1] В оригинале по-немецки: «Oller ehrlicher Seebär». «Oller» — жаргонное выражение вместо литературного «alter».

[2] В оригинале по-английски: «You can tell those little tales to the mariners, you honest old British Jack Tar». Jack Tar — шутливое прозвище моряка.

В связи с этим или по случайному совпадению вылились в позитивные действия уже упомянутые выше конструктивные тенденции в британском правительстве, которое, взамен негативизма фронта окружения, стремилось посредством переговоров с Германией достигнуть соглашения с нею. С этой целью обратились к приехавшему в Лондон для переговоров штаатсрату Вольтату, который ещё до этого завязал хорошие отношения с соответствующими лицами и, действуя в качестве экономического особоуполномоченного по 4-летнему плану, мог подчеркнуть экономическую сторону переговоров. Инициатива исходила от сэра Горация Вильсона, ближайшего сотрудника и советника Чемберлена. Когда г-н Вольтат находился в Лондоне в июле для участия в китоловных переговорах, Вильсон пригласил его для беседы, во время которой он, на основе подготовленных заметок, развил программу широкого урегулирования англо-германских отношений. Программа предусматривала соглашения политического, военного и экономического характера.

В политической сфере предусматривался пакт о ненападении, заключающий отказ от принципа агрессии. Сокровенная цель этого договора заключалась в том, чтобы дать возможность англичанам постепенно отделаться от своих обязательств в отношении Польши на том основании, что они этим договором установили бы отказ Германии от методов агрессии.

Затем должен был быть заключён договор о невмешательстве, который служил бы до некоторой степени маскировкой[1] для разграничения сфер интересов великих держав.

В военном отношении были предусмотрены переговоры о заключении соглашения об ограничении вооружений на суше, на море и в воздухе.

В экономической сфере были сделаны предложения широкого масштаба: предусматривались переговоры по колониальным вопросам, об обеспечении Германии сырьём, о разграничении индустриальных рынков, по международным долгам, по применению клаузулы о наибольшем благоприятствовании.

Основная мысль этих предложений, как объяснил сэр Гораций Вильсон, заключалась в том, чтобы поднять и разрешить вопросы столь крупного значения, что зашедшие в тупик ближневосточные вопросы, как данцигский и польский, отодвинулись бы на задний план и могли бы тогда быть урегулированы между Германией и Польшей непосредственно.

Значение предложений Вильсона было доказано тем, что Вильсон предложил Вольтату получить личное подтверждение их от Чемберлена, кабинет которого находится недалеко от кабинета Вильсона. Однако Вольтат уклонился от этого, чтобы не нарушить неофициального характера своей миссии.

Министр внешней торговли Хадсон также просил г-на Вольтата, через посредство норвежского деле-

---

[1] В оригинале: «Deckblatt».

гата на китоловной конференции, встретиться с ним для беседы. Посоветовавшись со мной, г-н Вольтат удовлетворил его желание. В продолжительной беседе Хадсон развил мысль об англо-германском экономическом сотрудничестве в области внешней торговли. Он указал на то, что перед обоими народами находятся три обширные области [1], представляющие необъятное поприще для экономической деятельности: английская империя [2], Китай и Россия. О них возможны соглашения, так же как и о других странах; на Балканах Англия не имеет никаких экономических притязаний. Говорилось и о финансовых вопросах. Однако не было речи о предоставлении Германии займа для перестройки военной экономики на мирную. Г-н Вольтат вынес впечатление, что Хадсон хорошо знаком с этими вопросами и является человеком смелых комбинаций.

После беседы с Хадсоном штаатсрат Вольтат имел второе собеседование с Вильсоном, во время которого Вольтат получил подтверждение хадсоновских предложений.

Факт беседы Вольтат — Хадсон, вследствие нескромности последнего, стал известен прессе, был представлен ею сенсационным образом и был поставлен в связь со слухами, циркулировавшими в последние дни в Сити и на Флит-стрит, о предоставлении Англией Германии займа в 1 миллиард фунтов

---

[1] В оригинале: «Gebiete».

[2] В оригинале: «Das englische Empire».

стерлингов для перевода германской экономики на мирное положение. По этому поводу Хадсон сделал в воскресных газетах бестактные и ещё более взбудораживающие разъяснения. Жажда сенсации и в этом случае присоединилась к желанию известных английских кругов душить в зародыше всякий проблеск возможности соглашения. Однако атмосфера не слишком ухудшилась, и продолжение собеседований не стало невозможным, ибо переговоры Вильсон — Вольтат остались неизвестными прессе, а английская нескромность была принята в Берлине сравнительно хладнокровно.

Через несколько дней после отъезда г-на Вольтата известный умеренный политик лейбористской партии Чарльз Роден Бакстон посетил советника посольства Кордта и развил перед ним в более законченной форме мысли, которые находились в несомненном родстве с предложениями, изложенными сэром Горацием Вильсоном; Бакстон лишь сильнее подчёркивал политическую сторону англо-германского примирения, чем экономическую. Бакстон считал необходимым возвращение к методу тайной дипломатии, так как народы [по его словам] столь возбуждены и атмосфера столь сгустилась, что публичные[1] государственных деятелей принесли бы больше зла, чем блага. Посредством тайных переговоров должно быть подготовлено политическое соглашение, как это было в 1904 г. при заключении

[1] В оригинале в этой фразе, очевидно, пропущено слово «выступления» либо же — «переговоры».

Антанты с Францией или в 1907 г. при заключении Антанты с Россией. (Тот факт, что Чемберлен в это самое время в палате общин упомянул о продолжительном времени, которое потребовалось для заключения Антанты с Францией и Россией, говорит за то, что Бакстон, видимо, обсудил свой план с официальными лицами или даже, быть может, был ими инспирирован). Англия стоит теперь, — так говорил далее Бакстон, — перед теми же проблемами, что и тогда; тогда дело шло о разграничении жизненных пространств и сфер интересов с Францией и с Россией. Великобритания, таким образом, обещала бы уважать германские сферы интересов в восточной и юго-восточной Европе. Следствием этого было бы то, что Англия отказалась бы от гарантий, данных ею некоторым государствам, находящимся в германской сфере интересов. Далее, Великобритания воздействовала бы на Францию в том смысле, чтобы Франция уничтожила свой союз с Советским Союзом и свои обязательства в юго-восточной Европе. Свои переговоры о пакте с Советским Союзом Англия также прекратила бы. Германия же должна была бы объявить о своей готовности к европейскому сотрудничеству и согласиться на всеобщее сокращение вооружений. Об этом разговоре, точно так же, как, разумеется, и о беседе с сэром Горацием Вильсоном, был представлен отчёт министерству иностранных дел.

Напоминания относительно приступа к примирительной акции с английской стороны продолжались в последующие дни и были переведены на официаль-

ные рельсы. Ввиду того, что моя беседа с г-ном Батлером не состоялась до начала наших обоюдных отпусков вследствие преждевременного отъезда Батлера, г-н Батлер передал мне через г-на Кордта, что сэр Гораций Вильсон желает говорить со мной. Чтобы не привлечь ничьего внимания, я посетил Вильсона 3 августа на его частной квартире и имел с ним почти двухчасовой разговор. В основных чертах беседа эта протекала в тех же рамках, что и беседы Вольтата. Я придавал значение тому, чтобы получить от него подтверждение предложений, которые он сделал Вольтату. Вильсон это и сделал, так что аутентичность проекта не подлежит сомнению.

Для меня особенно важно было выяснить взаимоотношение между вильсоновскими предложениями и английской политикой окружения. И по этому пункту Вильсон подтвердил мне ещё более ясным образом, чем Вольтату, что с заключением англо-германской антанты английская гарантийная политика будет фактически ликвидирована. Соглашение с Германией предоставит Англии возможность получить свободу в отношении Польши на том основании, что соглашение о ненападении защитит Польшу от германского нападения; таким образом, Англия освободилась бы начисто от своих обязательств. Тогда Польша была бы, так сказать, оставлена в одиночестве лицом к лицу с Германией.

По моему настоянию, сэром Горацием Вильсоном был разъяснён также и вопрос, каким образом, ввиду разжигания английского общественного мне-

ния, следует вести переговоры и спасти их от судьбы переговоров с Вольтатом. Он без обиняков признал, что Чемберлен сильно рискует, вступая на этот путь, и подвергает себя опасности падения. При большой ловкости и строгой секретности можно было бы обойти этот подводный камень. Но английское правительство должно иметь уверенность в том, что его инициатива встречает такую же готовность с немецкой стороны. Не имело бы никакого смысла начинать переговоры, если бы предстоял новый кризис. Поэтому английское правительство хотело бы знать, как принял фюрер вольтатовский отчёт; предвидит ли он на ближайшие месяцы спокойный период для переговоров и, наконец, склонен ли он со своей стороны проявить готовность к переговорам путём ли публичного заявления или доверительным путём. Во всяком случае, для английского правительства было бы большим разочарованием, если бы с нашей стороны не было ответа на английскую инициативу. И тогда катастрофа осталась бы единственной альтернативой.

Я возражал на некоторые слишком обличительные суждения Вильсона, как, например, об атмосфере недоверия после Праги, об односторонних военных приготовлениях Германии. Вообще же я больше слушал, чем говорил, к чему меня обязывало хотя бы уже то, что у меня не было никаких данных относительно того, как был принят отчёт Вольтата о его лондонских беседах руководящими германскими инстанциями. Мне было лишь известно из личной

телеграммы рейхсминистра иностранных дел, запросившего о содержании политических переговоров Вольтата, и из телеграммы статс-секретаря, что отчёт Вольтата был препровождён фельдмаршалом Герингом рейхсминистру иностранных дел.

7). *Оценка демарша Горация Вильсона.* Рассматривая политику английского правительства летом 1939 г., вылившуюся в демарш сэра Горация Вильсона, становится ясным, что чем дальше, тем всё более усиливалась реакция против поспешно начатой, опасной и легкомысленной политики окружения. Повидимому, одновременно с непрерывно увеличивающимся разочарованием по поводу переговоров с Россией усиливалась тенденция к конструктивной политике в отношении Германии, которая воплотилась в предложениях Чемберлена — Вильсона штаатсрату Вольтату и мне. Чемберлен, как объясняют его сторонники занятую им внутриполитическую позицию, вынужден был уступить натиску общественного мнения, твёрдо веря, что вскоре оно образумится. Затем он решил, что пришло время, чтобы овладеть общественным мнением и направить его по намеченному им пути, т. е. поступить так же, как он поступил в абиссинском деле. Таким образом, теперь он захотел использовать разочарование политической общественности в отношении России для того, чтобы снова взять курс на соглашение с Германией.

Невероятные трудности, с которыми такое начинание столкнулось бы в Англии, мною уже отме-

чены: блокирование всех возможностей вести переговоры вследствие английских заявлений о Данциге и разжигание общественного мнения. С другой стороны, следует подчеркнуть, что в предложениях сэра Горация Вильсона эти трудности были учтены (сравнение с заключением Антанты в 1904 и 1907 гг.; секретность переговоров) и содержались осуществимые, или, по крайней мере, достойные попытки их осуществить, возможности. Позиция Чемберлена была, во всяком случае, достаточно прочной, чтобы, при данных обстоятельствах, осуществить его план. Влиятельные лица указывали неоднократно мне на то, что избиратели стоят за Чемберлена независимо от того, выступит ли он перед ними с лозунгом «война» или «мир». Эта констатация была, безусловно, правильной. Для значения, которое придавали Чемберлен и Вильсон своим предложениям, характерно то, что Чемберлен был готов подтвердить их Вольтату и что Вильсон, кроме того, настойчиво подчёркивал то большое значение, которое придаёт английское правительство германскому ответу, и считал, что альтернатива будет заключаться в том, чтобы скатиться к войне [1].

Трагедией и решающим моментом в возникновении новой англо-германской войны следует считать то, что Германия требовала для себя равного места мировой державы рядом с Англией, и Англия в принципе была готова согласиться на это. Но в то

---

[1] В оригинале: «Hineingleiten in einen Krieg».

время как Германия требовала немедленного, всеобъемлющего и недвусмысленного осуществления своих требований, Англия, хотя и была готова отказаться от своих обязательств на востоке, а тем самым и от политики окружения, равно как соглашалась предоставить Германии преобладающее положение на востоке и юго-востоке Европы и приступить к переговорам о полноценном сотрудничестве с Германией в мировом масштабе[1], — но с тем, что всё это должно быть достигнуто путём переговоров и *постепенного*[2] изменения английской политики. Это изменение должно было быть осуществлено в течение месяцев, а не дней или недель.

Далее, с точки зрения техники и атмосферы переговоров, дальнейшие затруднения были вызваны тем, что [как раз] в тот период, когда англичане были готовы вести эти переговоры и делать уступки, до переговоров дело не дошло; имеется в виду период от Мюнхена до Праги (исключая период антиеврейских демонстраций в Германии в ноябре м-це). После Праги наступил общеизвестный крутой поворот в английской политике, а также во внутреннем отношении каждого англичанина к Германии. Политика окружения стояла на первом плане. Когда же в июльской акции Чемберлена и Вильсона снова проявились примирительные тенденции, то европейская атмосфера была сильно насыщена электричеством. Проверка опытом, не могло ли это предло-

[1] В оригинале: «weltpolitische Partnerschaft».

[2] Подчёркнуто в оригинале.

жение привести к мирному исходу, — не была сделана.

8). *Отношение Берлина к английскому предложению о переговорах.* Через неделю, после беседы с сэром Горацием Вильсоном, я уехал из Лондона. Ещё в июле я выразил желание приехать в середине августа в Берлин для доклада и остаться в Германии до съезда партии. Рейхсминистр иностранных дел удовлетворил мою просьбу. Как мне позже стало известно, мне было бы предложено попросить отпуск, если бы я этого не сделал сам; так было с послом в Париже графом Вельчеком. В понедельник 13 августа я прибыл в Берлин. За день до этого закончились переговоры с графом Чиано в Фушле и в Оберзальцберге. Я попросил дежурных чиновников канцелярии министра доложить о моём прибытии рейхсминистру иностранных дел и узнать, должен ли я явиться к нему с докладом в Фушль и, если должен, то когда. В течение следующих дней на мои запросы мне отвечали, что по интересующему меня вопросу не получено никаких указаний от рейхсминистра иностранных дел. Я спрашивал также статс-секретаря фон Вейцзекера, когда я могу явиться для доклада в Фушль. Г-н фон Вейцзекер обещал мне ещё специально написать рейхсминистру иностранных дел о приёме меня для доклада; позднее он прочитал мне отрывок из своего письма рейхсминистру иностранных дел, кратко излагавший то, что я говорил статс-секретарю, в особенности относительно позиции Англии в случае германо-польской войны.

В эти же дни мне неоднократно говорили в Берлине, что рейхсминистр иностранных дел убеждён, что в случае германо-польской войны Англия *не* выступит на стороне Польши. Далее я узнал, что донесение г-на Вольтата о его лондонских беседах воспринимается и рассматривается скорее в качестве общей картины настроения. Моё же донесение о беседе с сэром Горацием Вильсоном [1] было принято как дальнейшее свидетельство слабости Англии.

Ответа от рейхсминистра иностранных дел на моё обращение не последовало. Было ясно, что он не имеет времени или желания выслушать мой доклад, т. е. точно так же, как это было во время мартовского кризиса, когда я был вызван для доклада в Берлин и затем не был принят. Так как я чувствовал тяжесть лежащей на мне ответственности и не имел возможности сделать устный доклад, то я решил показать в короткой памятной записке [2], какую позицию займёт Англия в случае германо-польской войны.

Я указал на то, что польский вопрос сам по себе не является решающим для Англии, но что решающим является стремление воспрепятствовать одностороннему расширению могущества Германии на континенте. Если даже Англия и не обязана автоматически вмешаться в германо-польский конфликт, то всё же следует считать её вмешательство против нас в высшей степени вероятным. Эту памятную

[1] См. выше, док. № 24.

[2] См. выше, док. № 27.

nehmen werde. Ich wies darau hin, daß die polnische Frage an sich nicht die ausschlaggebende für England sei, sondern das Bestreben einseitigen Machtverschiebungen auf dem Kontinent zugunsten Deutschlands entgegenzutreten. Wenn England daher auch nicht zu automatischem Eingreifen im Fall eines deutsch-polnischen Konflikts verpflichtet sei, so sei dieses Eingreifen gegen uns doch mit höchster Wahrscheinlichkeit anzunehmen. Diese Aufzeichnung sandte ich am 18. August mit eingeschriebenem Brief an Den Staatssekretär mit der Bitte um Weiterleitung an den RAM. Diese Weiterleitung ist dann auch erfolgt.

Ich erbat und erhielt vom Staatssekretär die Genehmigung, mich in Gröditzberg zur weiteren Verfügung zu halten. Ich reiste am 16. August hierher ab und arbeitete die eben erwähnte Denkschrift aus. Meine Dienste wurden aber dann nicht mehr in Anspruch genommen.

Gröditzberg, im September 1939.

Dirksen

Nachschrift. Die vorstehende Aufzeichnung habe ich angefertigt, weil ich mich für verpflichtet hielt, die Entwicklung der deutsch-englischen Beziehungen, wie sie sich während meiner Amtszeit in London vollzogen hat, schriftlich festzuhalten, für den Fall, daß spater einmal der Wunsch lebendig werden sollte, über diese Frage alles verfügbare Material zu sammeln. Diese Verpflichtung lag mir um so mehr ob, als alle wichtigen Akten der Botschaft London kurz vor Kriegsausbruch verbrannt werden mußten, und die Berichte an das A.A. manche Einzelheiten nicht enthielten. Die Niederschrift ist aus dem Kopf und ohne daß Akten zur Verfügung gestanden hätten, gefertigt worden.

Dirksen

Фотокопия последней страницы документа № 29.

записку я переслал 18 августа заказным письмом статс-секретарю с просьбой о передаче её рейхсминистру иностранных дел, что и было исполнено[1].

Я просил и получил от статс-секретаря разрешение остаться до дальнейших распоряжений в Гредицберге. 16 августа я выехал сюда, где и занялся составлением упомянутой памятной записки. Однако мои услуги в дальнейшем не потребовались.

Гредицберг, сентябрь 1939 г.

Фон ДИРКСЕН[2].

Постскриптум. Я составил эту записку потому, что считал себя обязанным письменно изложить, как развивались англо-германские отношения во время моего пребывания в Лондоне на случай, если когда-нибудь впоследствии возникло бы желание собрать весь имеющийся материал по этому вопросу. Эту обязанность я ощущал тем сильнее, что незадолго до возникновения войны все важнейшие бумаги посольства в Лондоне должны были быть сожжены; донесения же министерству иностранных дел не содержали некоторых подробностей. Настоящая записка была составлена по памяти, без помощи документов.

Фон ДИРКСЕН[2].

---

[1] В архиве Дирксена сохранилась квитанция почтовой конторы, свидетельствующая об отправке 18 августа заказного письма в адрес Вейцзекера.

[2] Собственноручная подпись Дирксена.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

ИЗ ЛИЧНОЙ (НЕСЛУЖЕБНОЙ) ПЕРЕПИСКИ ДИРКСЕНА

№ 1

ПИСЬМО ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В МОСКВЕ ДИРКСЕНА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ «ИМПЕРСКОГО СОЮЗА ОБЪЕДИНЕНИЙ ГЕРМАНСКИХ РАБОТОДАТЕЛЕЙ СЕЛЬСКОГО И ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА» ВАНГЕНГЕЙМУ

Москва, 22 июля 1931 г.
Строго доверительно!

Дорогой Вангенгейм!

Я читал на-днях в «Дейче тагесцейтунг» статью, в которой говорится, что мы, в случае неуспеха переговоров о кредитах в Париже и Лондоне, вовсе не должны впадать в безнадёжность; ведь мы могли бы тогда проводить более активную восточную политику.

Это мнение затронуло во мне созвучные струны; подобные же мысли занимали меня в последние недели очень интенсивно, и я не хотел бы утаить их от тебя, рискуя даже, что они покажутся тебе недостаточно выношенными и продуманными.

Исходить нужно из того, как это сделала и «Дейче тагесцейтунг», что с немецкой стороны нельзя итти на конференции в Париже и в Лондоне с таким чувством, что, в случае неуспеха переговоров, — всё кончено. Наоборот, необходимо своевременно составить план относительно того, что же, собственно говоря, должно произойти в случае такой неудачи? Этот план в общих чертах можно представить себе следующим образом: в случае краха переговоров о кредитах, общественный и частный кредит Германии снизился бы до нуля; марка сильно упала бы или совсем не котировалась бы; произошла бы дальнейшая утечка иностранных кредитов; соответственно возросла бы паника внутри страны. Ввиду этого правительству необходимо было бы провести [правительственные] мероприятия гораздо более решительного характера, чем до сих пор; само собой разумеется, необходимо было бы сохранить в силе изданные ранее постановления. Так как дальнейшее длительное сохранение высокого банковского и вексельного учётного процента в связи с сокращением кредитов привело бы нашу экономику [1] к полному разорению и так как эти мероприятия были приняты, строго говоря, только для того, чтобы вновь добиться доверия заграничного денежного рынка, то от них следовало

---

[1] В оригинале: «im Zusammenhang mit der Kreditdistriktion unserer Wirtschaft».

бы отказаться в тот момент, когда о доверии заграницы не могло бы быть и речи, — а именно этот случай наступил бы после краха кредитных переговоров. Если бы, таким образом, повышение учётного процента привело к слишком катастрофическим последствиям и, с другой стороны, не разрешило бы вопроса о недостатке платёжных средств, то пришлось бы, очевидно, вернуться к средствам, от которых мы теперь с полным основанием отказались, и выпустить в обращение заменители платёжных средств, например банкноты Рентного банка. Рано или поздно это вылилось бы в создание внутренней валюты, которая, по возможности, обеспечивалась бы золотом, но которую оставляют и без существенного золотого обеспечения, если золота нехватает. Платёжные расчёты с заграницей тогда происходили бы в золотой валюте. Всё было бы в точности так, как это сделано здесь. В случае создания такой внутренней валюты, которой противостояла бы золотая валюта, предназначенная для расчётов с заграницей, необходим был бы ещё более всеобъемлющий государственный контроль, чем тот, который предусмотрен до сих пор для валютных переводов. Покупка и продажа иностранной валюты должна была бы происходить лишь через государственную центральную инстанцию и только для наиболее необходимых целей. Параллельно с этим, конечно, должен был бы существовать такой же строгий контроль над сырьём и прочими товарами, которые мы ввозим из-за границы. Вывоз, по

возможности, нужно было бы увеличить для того, чтобы привлечь как можно больше валюты; вывоз в дальнейшем необходимо было бы также строго контролировать с тем, чтобы можно было проверять размеры поступления валюты.

Необходимость контроля над экспортом и импортом есть не что иное, как монополия внешней торговли; мы, конечно, должны будем прибегнуть к ней, как и всякое государство, которое не может позволить себе ввозить всё, что вздумается любому его гражданину.

Наличие монополии внешней торговли открывает перед нами, конечно, все те возможности, которые извлекает из неё Советское правительство; прежде всего, мы сможем размещать наши закупки там, где это нам удобнее, не подвергаясь при этом обвинению в нарушении клаузул о наибольшем благоприятствовании, содержащихся в отдельных торговых договорах.

Таким путём я подхожу к восточной политике. В случае, если нам не удастся получить крупный заём, мы, конечно, должны будем стремиться не только сохранить наш экспорт, предназначенный для наших прежних потребителей, но, по возможности, увеличить его, пусть даже при помощи демпинга. Но мы должны сверх того выявить все мыслимые возможности повышения нашего вывоза для того, чтобы уменьшить число безработных и влить в нашу экономику новую кровь. Но это всё могло бы произойти [только] при расширении на-

шей экономической деятельности в отношении Советского Союза[1].

Мы до сих пор не могли полностью использовать колоссальные экспортные возможности, которые были предоставлены нам в истекшем году (как долго это ещё продлится — никто не знает), потому что мы не смогли предоставить Советскому правительству необходимых для него кредитов, т. е. — потому, что мы не были достаточно богаты, чтобы финансировать эти сделки. Такое финансирование было бы, однако, излишним, если бы мы позволили Советскому правительству платить нам не деньгами, а товарами. Но мы можем допустить с их стороны уплату товарами, как только мы введём монополию внешней торговли. Тогда нам не нужно будет, например, оплачивать наши закупки нефти и нефтепродуктов во всём мире, а мы сможем всю нужную нам нефть получать из России и вывозить на соответствующую дополнительную сумму сверх наших прежних кредитных возможностей. Это же имеет силу для целого ряда других товаров, которые мы ввозим из других стран без соответствующих контрпоставок, как, например, лес, пшеница, кукуруза, хлопок и др.

Я совершенно ясно представляю себе, что такие крупные сделки, на сумму в многие сотни миллионов, не могут совершаться за лавочным прилавком. Они требуют не только много времени; они

---

[1] Разрядка в оригинале.

нуждаются также в финансировании. Но если освободиться от золотой валюты и перейти к внутренней валюте, то и финансирование этих русских сделок могло бы производиться особым видом ценных бумаг — называть ли их билетами государственного казначейства, или русскими финансовыми бонами, или как-либо иначе. Эти бумаги выпускались бы в обращение в размере производящихся операций и затем — каждый раз в размере состоявшихся сделок — изымались бы из обращения.

Это одна сторона деятельности в России. Другая сторона состояла бы в том, что мы, в совершенно ином объёме, чем до сих пор, и без ложного страха рассердить Западную Европу, удовлетворили бы здешнюю потребность в людях, в работе всякого рода — квалифицированной и неквалифицированной. Это самостоятельный вопрос, по которому можно было бы сказать очень много; я ограничусь здесь только указанием на него. Во всяком случае, я убеждён в том, что перед нами открыты широчайшие возможности для размещения людей и что этих людей совершенно незачем ввергать в полную нищету.

Абсурдно, что, с одной стороны, существует такой континент [1], как Россия, которому чрезвычайно необходимы товары всех видов, машины и т. д. и потребность которого в людях исключительно велика, а, с другой стороны, есть такая страна, как Герма-

[1] Так в оригинале.

ния с перепроизводством тех же товаров и людей, — а между тем это предложение и этот спрос не могут удовлетворить друг друга.

Время не терпит, и я кончаю. Ты видишь — я вовсе не безнадёжный пессимист. Всегда есть выход. Впрочем, я не такой уж крайний пессимист даже и в отношении хода переговоров в Париже и Лондоне, ибо мы в переговорах обладаем сильнейшей позицией, которая только может мыслиться: позиция должника, который выкачал ни много ни мало, как 25 миллиардов марок, и крах которого может увлечь за собой в пропасть и кредиторов.

У меня лично всё идёт хорошо; рецидивов болезни пока не было.

Остаюсь с наилучшими пожеланиями тебе и твоей жене.

[ДИРКСЕН].

№ 2

ПИСЬМО Ф. ШТУММА ГЕРМАНСКОМУ ПОСЛУ В ЛОНДОНЕ ДИРКСЕНУ

Ф. фон ШТУММ[1].

Рауиш-Хольцхаузен,
округ Марбург (Лан).
2 мая 1938 г.

Дорогой Дирксен!

О сэре N. S. S. я хотел бы ещё добавить, что он решительный сторонник Франко[2] и ярко выраженный антисемит. К нам он относится с известной симпатией и во всяком случае он объективен.

Прошу передать наилучший привет также чете Ванситтартов от имени моей жены и от меня. Он не такой германофоб, как это о нём постоянно говорилось. Кабинету же он показался, как я положи-

[1] Именной бланк.

[2] В оригинале: «ausgesprochen pro-Franko».

тельно знаю, чрезмерным франкофилом, т. е. чрезмерно очарованным французским стилем дипломатии и трактовки европейских вопросов. Поэтому он был отстранён, так сказать, от министерства иностранных дел и не может больше опираться на его аппарат. Но так как он выделяется своим умом и вместе с тем необычайно трудолюбив, то влияние его как политического советника [1] нельзя недооценивать.

В общем и целом Вы убедитесь, что, несмотря на Австрию [2], широкая публика [3], как раньше, так и теперь, стоит за хорошие взаимоотношения с нами и что она не переносит французов. Влияние прессы в антигерманском смысле в два раза слабее, чем у нас обычно думают.

Что правительство находится в хороших отношениях с Францией и этим «охраняет» порты Ламанша, это англичанин признаёт правильным, но это не возбуждает в нём симпатии. Что оно — наконец-то, кажется, — навязывает свою политическую волю Франции, это ему может только нравиться, так как плестись в хвосте за Парижем ему давно уже опротивело. Еврейское влияние, заметное в Англии, озабочивает многих англичан; поэтому наш способ разрешения еврейского вопроса уже мало кого волнует. Иначе обстоит дело с церковным вопросом; однако в этом отношении можно действовать путём

---

[1] В оригинале по-английски: «political adviser».

[2] Так в оригинале.

[3] В оригинале по-английски: «man in the street».

пропаганды, так как выступления архиепископа кентерберийского по вопросу о короле [1], как и по вопросам внешней политики, очень не понравились англичанам и сделали их чувствительнее к возможности вмешательства духовенства в политическую жизнь. К тому же теперь с посещением англичанами воскресных служб дело обстоит не так уже ладно даже и в деревне — приверженность к церкви заметно ослабела.

Итак, пожелаю хороших результатов на не совсем неблагоприятной почве, пожелаю основательного улучшения Вашего японского здоровья [2] и нашей встречи, быть может, в Лондоне. Если не осенью, то позднее!

Сердечный привет также Вашей жене.

Ваш *ФР. ШТУММ* [3].

---

[1] Имеются в виду выступления архиепископа кентерберийского в декабре 1936 г. по вопросу об отречении короля Эдуарда VIII.

[2] Так в оригинале.

[3] Собственноручная подпись Штумма.

№ 3

ПИСЬМО ГЕРМАНСКОГО ПОСЛАННИКА В КАИРЕ ОВ-ВАХЕНДОРФА ГЕРМАНСКОМУ ПОСЛУ В ЛОНДОНЕ ДИРКСЕНУ

ГЕРМАНСКАЯ МИССИЯ[1]. *Каир, 19 мая 1938 г.*

Дорогой Дирксен!

....[2] Здесь, естественно, много говорят о Чехии. Однако о военном психозе не может быть и речи. Английские офицеры и дипломаты с поразительным спокойствием составляют свои планы на лето. Многие собираются в Германию. Циркулярным приказом военного министерства офицерам якобы предложено не ездить в Австрию. Но, вероятно, речь идёт о

[1] Бланк миссии.

[2] Опускается вступительная часть письма, которая носит личный характер.

давно устаревшем распоряжении, относящемся ещё к мартовским дням. В немецкой колонии говорят, будто офицеры получили предписание ограничить своё общение с немцами. Мне это кажется странным, потому что подобного общения и без того почти не было. К нам офицеры относятся попрежнему самым дружеским образом, и я часто встречаюсь с ними в казино. Я мог там убедиться, что о надвигающейся войне говорят поразительно мало, между тем как ещё в феврале все говорили о неизбежном конфликте, правда, без вражды, а с безропотной покорностью.

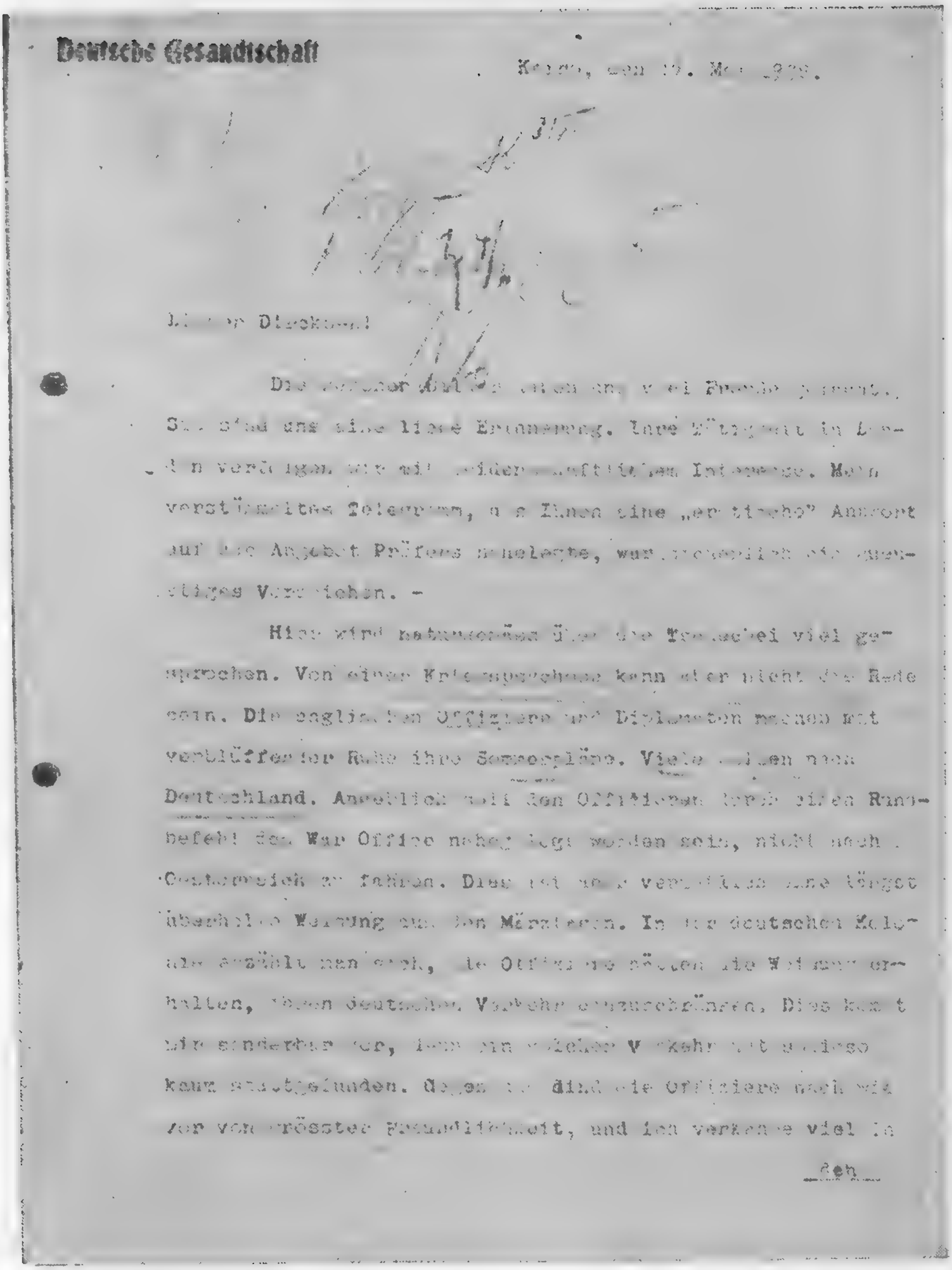
Вас, может быть, заинтересует мой вчерашний разговор со Смартом и его женой. Смарт является первым секретарём в ранге советника посольства по делам Востока. Он умный человек; по мнению Гарольда Никольсона, это одна из лучших голов среди английских дипломатов.

Миссис Смарт в разговоре (в котором активное участие принимал и её муж), между прочим, сказала:

«Жаль, что вы не заняли Праги в то самое время, когда вы вошли в Вену. Во всяком случае, если вы вообще собираетесь занять её, я надеюсь, что вы это сделаете скоро, потому что через 2 месяца ситуация в Лондоне может оказаться гораздо менее благоприятной» [1].

---

[1] В оригинале слова в кавычках цитируются на английском языке.



Deutsche Gesandtschaft

Kairo, den 19. Mai 1939.

Lieber Dieckhoff!

Die [illegible] haben uns viel Freude gemacht. Sie sind uns eine liebe Erinnerung. Ihre Tätigkeit in London verfolgen wir mit leidenschaftlichem Interesse. Mein verstümmeltes Telegramm, das Ihnen eine „erotische" Antwort auf das Angebot Prüfers unterlegte, war [illegible] ein [illegible] Versehen. –

Hier wird naturgemäss über die Türkei viel gesprochen. Von einer Kriegspsychose kann aber nicht die Rede sein. Die englischen Offiziere und Diplomaten machen mit verblüffender Ruhe ihre Sommerpläne. Viele reisen nach Deutschland. Angeblich soll den Offizieren durch einen Rundbefehl des War Office nahegelegt worden sein, nicht nach Oesterreich zu fahren. Dies ist aber vermutlich eine längst überholte Warnung aus den Märztagen. In der deutschen Kolonie erzählt man sich, die Offiziere hätten die Weisung erhalten, ihren deutschen Verkehr einzuschränken. Dies kommt mir sonderbar vor, denn ein solcher Verkehr hat ohnehin kaum stattgefunden. Gegen mich sind die Offiziere noch wie vor von grösster Freundlichkeit, und ich verkehre viel in

den

Фотокопия первой страницы документа № 3 приложения I.

die Engländer. Die Letzteren haben allerdings immer eine Abneigung, sich mit Dingen zu befassen, die noch nicht aktuell sind.

Auf militärischem Gebiete sind die Engländer hier recht rührig. Nachdem die grossen Manöver in der Wüste recht blamabel ausgegangen sind, hetzt man die verschiedenen Einheiten jetzt ständig herum. Grosse Sorge bereitet ihnen die Tatsache, dass die innerpolitische Dauerkrise einen wirklichen Fortschritt der ägyptischen Aufrüstung bisher verhindert.

Ich nehme an, dass es Ihnen recht ist, wenn ich Ihnen gelegentlich in kurzes Stimmungsbild vor hier sende. Auf das anglo-ägyptische Verhältnis komme ich demnächst in einem zusammenfassenden Bericht zurück.

Mit herzlichen Grüssen von Haus zu Haus

stets Ihr

Ow. Wachendorf

Фотокопия последней страницы документа № 3
приложения I.

Никакой подготовки английских военных к войне я до сих пор не замечал. Между тем я слыхал, будто недавно Эррио, в узком кругу, после обеда в английском посольстве, высказался крайне пессимистично и подчеркнул нерушимую солидарность с чехами. Однако та информация, которую я получил, была настолько сомнительна, что я не решился передать её дальше. Все здешние французы имеют более озабоченный вид, чем англичане. Последние, вообще, не склонны заниматься вопросами, которые ещё не стали актуальными.

В области военной англичане здесь очень деятельны. После того как довольно позорно закончились большие манёвры в пустыне, теперь различные воинские части подвергаются там беспрестанной муштровке. Англичане очень озабочены тем фактом, что затяжной внутриполитический кризис до сих пор препятствует действительному росту вооружений Египта.

Я полагаю, что Вы не будете возражать, если я при случае буду Вам посылать краткую характеристику здешних настроений. По вопросу об англо-египетских отношениях я напишу Вам в ближайшее время подробное сообщение.

С сердечным приветом всегда Ваш

ОВ-ВАХЕНДОРФ [1]

---

[1] Собственноручная подпись Ов-Вахендорфа.

№ 4

ПИСЬМО ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В ЛОНДОНЕ ДИРКСЕНА ГЕРМАНСКОМУ ПОСЛАННИКУ В КАИРЕ ОВ-ВАХЕНДОРФУ

Копия.

1 июня 1938 г.

Г-ну посланнику барону фон Ов-Вахендорфу,
германская миссия,
Каир.

Дорогой Ов,

Благодарю Вас за Ваше письмо от 19 мая. Ваши политические наблюдения меня живо заинтересовали; они для меня очень ценны, так как они издалека подтверждают здешние наблюдения и даже разъясняют кое-что в здешней обстановке.

Для меня было особенно важно узнать из Вашего письма, что, в общем, в тамошних английских военных кругах царит спокойствие и что военная тревога, державшаяся здесь с 21 по 23 мая, не распространилась на Египет. Вслед за тем и здесь волнение улеглось, отчасти под влиянием более правильной

(21)

den 1. Juni 1938.

Lieber Ow.

Haben Sie vielen Dank für Ihren Brief vom 1).Mai; Ihre politischen Beobachtungen haben mich lebhaft interessiert und waren mir sehr wertvoll, da sie die hiesige Atmosphäre aus der Entfernung bestätigen und in manchem klarer wiedergeben.

Insbesondere war es mir sehr wichtig, aus Ihrem Brief zu sehen, dass im allgemeinen in den dortigen englischen militärischen Kreisen Ruhe herrscht und die Kriegsnervosität des hiesigen Wochenendes vom 21. bis 23. Mai sich nicht nach Ägypten übertragen hat. Auch hier hat inzwischen eine ruhigere Atmosphäre Platz gegriffen, teils auf Grund einer richtigeren Würdigung unserer Haltung, teils auf Grund einer skeptischeren Beurteilung der Tschechen und ihrer Alarmnachrichten. Leider ist die hiesige Nervosität in ganz entscheidender Weise gesteigert worden durch die Haltung der Berliner englischen Botschaft, insbesondere Hendersons selbst, der wohl etwas die Nerven verloren hatte und den Frauen der Berliner Botschaft und der dortigen englischen Journalisten die baldige Rückkehr nach England wegen der kritischen Lage anempfahl. Das ist von uns natürlich übel vermerkt worden, wie andererseits die hiesigen Gegner Hendersons im Foreign Office das...

Herrn Generalkonsul Baron von Ow-Wachendorf
Deutsche Gesandtschaft
Kairo

Фотокопия первой страницы документа № 4
приложения I.

оценки нашего поведения, а частью — вследствие более скептической оценки чехов и их алармистских сообщений. К сожалению, здешняя нервозность снова чрезвычайно усилилась в результате поведения английского посольства в Берлине, особенно по вине самого Гендерсона, нервы которого, повидимому, не выдержали и который рекомендовал дамам берлинского посольства и местных английских журналистов, ввиду критического положения, как можно скорее вернуться в Англию. Это у нас, естественно, произвело неприятное впечатление, как и то, что, с другой стороны, здешние противники Гендерсона в министерстве иностранных дел, воспользовавшись этим, повели против него агитацию в здешней прессе. Было бы очень жаль, если бы дело кончилось устранением этого сторонника примирения, полного решимости активно содействовать ему.

Общее положение относительно Чехословакии оценивается теперь более спокойно. Попрежнему, разумеется, возможны местные инциденты вроде перестрелки в результате провокации с чешской стороны. Если подобного инцидента не будет, то можно надеяться, что англичане, а также и французы, не ослабят своего давления на чешское правительство; в таком случае несколько улучшились бы перспективы переговоров с судетскими немцами по вопросу о полной гарантии гражданского равенства и автономии.

Вторым значительным политическим событием прошлой недели были дебаты в палате общин о воз-

душных вооружениях и о возникшей вследствие этого необходимости преобразования кабинета. С точки зрения отношения к нам они представляли особый интерес, потому что показали исключительную раздражительность и нервозность здешней общественности во всех вопросах, которые касались возможного отставания вооружений по сравнению с нашими. Официальные круги держатся пока ещё в стороне от этих течений, и я думаю, что они попрежнему стремятся к соглашению с Германией. Чехословацкий кризис принёс, во всяком случае, ту пользу, что он встряхнул политически мыслящие круги и указал им на опасность войны, связанную с судето-немецкой проблемой; вместе с тем даёт себя чувствовать нежелание ввязаться в военную авантюру из-за Чехословакии [1].

(ДИРКСЕН).

---

[1] Заключительная часть письма имеет личный характер.

jedenfalls den einen Vorteil gehabt, dass sie die politisch denkenden Kreise aufgerüttelt und ihnen die Kriegsgefährlichkeit des sudetendeutschen Problems gezeigt hat; damit zugleich geht die Abneigung, sich wegen der Tschechoslowakei in kriegerische Abenteuer einzulassen, Hand in Hand.

Gesundheitlich ist es mir bisher gut gegangen trotz der vielseitigsten Anstrengungen, denen ich ausgesetzt gewesen bin. An die schönen Tage in Kairo und in Ägypten denken wir noch oft zurück; sie waren die letzten Erholungstage vor anstrengenden und verantwortungsvollen Monaten.

Ihnen und Ihrer Gattin viele herzliche Grüsse von meiner Frau und mir.

Mit Heil Hitler!

bin ich

stets Ihr

Dirksen

Фотокопия последней страницы документа № 4 приложения I.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

ДОНЕСЕНИЯ ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В ПАРИЖЕ ВЕЛЬЧЕКА

№ 1

ПИСЬМО ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В ПАРИЖЕ ВЕЛЬЧЕКА МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ НЕЙРАТУ

ГЕРМАНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО
В ПАРИЖЕ [1]. *Париж, 26 декабря 1936 г.*

А 99.
Ссылаюсь на телеграфное донесение
от 24 сего м-ца — № 794.

Дорогой барон Нейрат,

Во время совещания глав миссий в Нюрнберге я придерживался того мнения, что если мы серьёзно выдвинем хотя бы часть предложений, сделанных фюрером 7 марта, и приспособим наш образ действий к европейским правилам игры, то мы в самом скором времени сможем начать переговоры и с большой вероятностью добиться удовлетворения многих наших пожеланий, в том числе и в колониальном

[1] Бланк посольства.

вопросе. Я и теперь придерживаюсь того же мнения и настроен оптимистически в отношении успеха, при условии, что мы не будем чересчур требовательными.

За последнее время я разговаривал со многими, вполне благожелательно настроенными в отношении нас иностранцами, большей частью дипломатами, которые единодушно придерживались мнения, что если бы мы стали продолжать нашу политику совершившихся фактов, посредством которой мы постоянно держим весь мир в возбуждении, то нашим противникам не оставалось бы ничего иного, как всеми силами вооружаться против мнимого нарушителя мира — Германии, причём, ввиду их несравненно более благоприятного экономического и финансового положения, они находились бы в более выгодных условиях. Дело тогда определённо дошло бы до войны, в которой мы столь же мало могли бы рассчитывать на итальянцев, как и в 1914 г.

Мне неизвестно, долго ли мы выдержим и в состоянии ли мы выдержать гонку вооружений с противостоящими нам великими державами. Но если мы не сможем этого выдержать и если признать, что недостаток девиз и сырья, который будет выявляться у нас всё более, станет известным нашим противникам, то было бы серьёзной тактической ошибкой не начать переговоров своевременно и до того, как англичане закончат программу воздушных вооружений. Иностранцы, хорошо осведомлённые о германских делах, придерживаются даже того мнения, что наше нынешнее положение до отчаяния

Deutsche Botschaft
Paris.

Paris, den 26. Dezember 1936.

A 29

Unter Bezichung auf Drahtbericht
vom 24. d.M. - Nr. 794 -

Lieber Baron Neurath,

Bei unserer Missionschef-Besprechung in Nürnberg habe ich die Ansicht vertreten, daß wir bei einem ernsthaften Angebot auch nur eines Teiles der vom Führer am 7.März gemachten Vorschläge und Anpassung unserer Aktionsweise an die europäischen Spielregeln in kürzester Zeit am Verhandlungstisch sitzen und mit großer Wahrscheinlichkeit viele unserer Wünsche, auch auf kolonialem Gebiet, durchsetzen könnten. Ich vertrete diesen Standpunkt auch noch heute und bin hinsichtlich des Erfolges optimistisch, vorausgesetzt, daß wir unsere Forderungen nicht überspannen.

Ich habe in letzter Zeit eine Reihe uns durchaus wohlgesinnter Ausländer, meist Diplomaten gesprochen, die übereinstimmend der Ansicht waren, daß bei einer Fortsetzung unserer fait-accompli-Politik, durch die wir die Welt dauernd in Aufregung halten, unseren Gegnern nichts anderes übrig bliebe, als gegen den vermeintlichen Störenfried Deutschland mit allen Kräften aufzurüsten, wobei sie angesichts ihrer unvergleichlich günstigeren Wirtschafts- und Finanzlage wohl am längeren Hebel sitzen dürften. Dann käme es bestimmt zum Kriege, in dem wir auf die Italiener wohl ebenso wenig zählen könnten wie im Jahre 1914.

Es entzieht sich meiner Kenntnis, ob und wie lange wir in der Lage sind, einen Rüstungswettkampf mit den uns gegenüberstehenden Großmächten durchzuhalten. Wenn wir dies auf die Dauer aber nicht können und anzunehmen ist, daß unsere Gegner den bei uns immer mehr in Erscheinung tretenden Mangel an Devisen und Rohstoffen erkennen, so wäre es ein schwerer taktischer Fehler, uns nicht rechtzeitig und vordem die Engländer mit ihrer Luftrüstung fertig sind, an den Verhandlungs-

tisch

Фотокопия первой страницы документа № 1
приложения II.

схоже с положением лета 1918 года, и даже не только в отношении недостатка в сырье, но также и в отношении воли к тому, чтобы выдержать до конца. По их мнению, время отнюдь не за нас, так как несоответствие между возможностями наших противников и нашими собственными возможностями в отношении вооружения будет всё более и более проявляться, и тогда наше положение будет ещё более невыгодным для достижения соглашения.

Я неоднократно сообщал, что французы, несмотря на все пощёчины, полученные ими за последние годы, и теперь ещё согласны начать переговоры с целью притти к взаимопониманию. То обстоятельство, что они сразу же после пощёчин не соглашались даже на самые заманчивые предложения, психологически понятно. Теперь положение изменилось. Не фюрер протягивает руку, чтобы достичь взаимопонимания, а французы протягивают руку нам; битый обращается к тому, кто его ударил. Но битый более чувствителен к тому, как будет принято его предложение и когда последует ответ; чем дольше ответ задержится, тем затруднительней будет ситуация для инициаторов и тем неблагоприятнее будет атмосфера. Это обстоятельство здесь особенно важно. Конъюнктура меняется. Я сомневаюсь в том, что обстановка, которая теперь ещё благоприятна для соглашения, продержится долго, и считаю, что пришло время, когда нам остаётся только выбор между соглашением и политикой, которая должна привести к изоляции. Если мы отсрочим ответ на

предложение Франции, то наши противники будут уверены, что мы хотим его саботировать. Само собой разумеется, что при переговорах мы должны попытаться добиться наибольших и наилучших результатов.

В продолжение многих лет я думал, что взаимопонимание между Германией и Францией может быть достигнуто только через посредство Англии. Но с тех пор, как я вижу, что вопреки всякой английской традиции идеологическая неприязнь к третьей империи играет важную, часто даже решающую, роль в общественном мнении Англии и даже во мнении Идена, я считаю ошибочной свою прежнюю точку зрения. Едва ли удастся России заставить Францию отказаться от предпринятой и обещающей успех попытки притти к соглашению, хотя Москва работает усердно, потому что там хорошо понимают, что в случае германо-французского сближения франко-русский договор постепенно будет низведён до уровня значения Рапалльского договора. Это выражение употребил Дельбос во время нашей последней беседы.

Я хотел бы теперь проанализировать, какие причины в первую очередь побудили французское правительство обратиться к нам с этим мирным предложением. Если сопоставить все необходимые для успешной войны факторы, то нужно признать, что сейчас положение Франции прочное. По мнению наших военных экспертов, вооружение и оборонные мероприятия Франции проводились в последнее время

чрезвычайно интенсивно и достигли небывалого здесь уровня. Опасность коммунистического переворота, в который хорошо осведомлённые люди никогда не верили, кажется, исчезла, во всяком случае никто не сомневается, что в случае войны с Германией коммунисты будут бороться с ещё большим воодушевлением, чем правые. Россия, в случае вооружённого конфликта с нами, будет проповедывать священную войну против «душителей свободы», что вызовет прилив многочисленных коммунистических добровольцев со всех концов света. И кроме того, ещё больше, чем во время мировой войны, во всём мире, вероятно, сразу же возродилась бы старая вражда против нас. Дальнейшим благоприятным моментом для Франции следует считать ясное заявление Англии, что она будет поддерживать Францию всеми силами. И Америка в критический момент едва ли действовала бы иначе, чем в прошлую войну. Во всяком случае здесь, в кругах, близких к министерству иностранных дел, утверждают, что речь Рузвельта в Буэнос-Айресе нужно понимать в том смысле, что Америка в случае неспровоцированного нападения Германии на Францию окажет последней помощь, как и в 1917 году.

После этого анализа едва ли можно истолковать французское предложение как признак слабости, хотя готовность французов к переговорам, вероятно, в первую очередь вызвана нашими вооружениями, в которых они усматривают постоянную угрозу. Они хотят так или иначе покончить с периодом беспокой-

ства и неопределённости, который тормозит всякий экономический подъём и срывает тем самым консолидацию внутриполитического положения. Это является главной линией политики Леона Блюма, в то время как непосредственный повод для обращения к нам заключается, очевидно, в том, чтобы в сравнительно благоприятный для красных момент ликвидировать испанскую авантюру после молчаливого согласия на переход границы многочисленными красными фронтовиками и после переброски большого количества военных материалов.

Достоин внимания тот факт, что предложение о достижении соглашения исходит от кабинета народного фронта и еврейского премьера, который подвергается за это самым резким нападкам со стороны левых. Если мы отклоним это предложение, которое, по мнению хорошо осведомлённых лиц, является последним, то из этого могут заключить, что мы хотим напасть на Францию. Наши противники свалят вину на нас и воспользуются этим для того, чтобы в виду войны, которую считают неизбежной, полностью изолировать нас и по мере возможности отрезать от источников сырья.

Согласно циркулирующему здесь повсюду слуху, который ещё несколько месяцев тому назад время от времени распространял Франсуа-Понсэ, во второй половине 1937 г. у нас должна наступить экономическая разруха, и для того, чтобы отвлечь внимание народа, мы начнём заранее без всякого повода войну. По другой версии, после высадки значительных

войсковых частей в Испании и усиления имеющихся там наших воздушных сил уже теперь должна начаться война на два фронта против Франции. Причём на этот раз мы якобы пройдём не через Бельгию, а через Швейцарию. Нет сомнения в том, что эти фантастические слухи распространяются главным образом здешним советским посольством. Прискорбно во всём этом то, что даже серьёзные люди верят этим слухам.

Блюм пригласил меня на прошлой неделе к себе, чтобы рассеять недовольство, существующее у нас, согласно сообщениям французского посла в Берлине, и вызванное безрезультатностью акции Шахта. В то же время он дал интервью одному репортёру, которое я позволю себе послать в приложении. Дельбос произнёс в начале декабря речь о французской внешней политике, обратившую на себя большое внимание; он хотел этой речью начать кампанию в пользу соглашения. 11-го числа текущего месяца он пригласил к себе нашего поверенного в делах и сделал ему уже известные заявления, на которые мы до сих пор не ответили; 24-го текущего месяца я имел продолжительную беседу с министром иностранных дел, во время которой он подтвердил и расширил заявления, сделанные советнику посольства Форстеру.

Предварительным условием для начала переговоров считают совместные действия в вопросе о невмешательстве в испанские дела. За этим должна наступить мирная эра, обусловленная моральным

разоружением. Французы придают решающее значение созданию такой атмосферы мира и доверия, без которой переговоры были бы бесцельны. Следующей фазой будет начало переговоров, которым могли бы предшествовать секретные обсуждения. Нормальному дипломатическому пути здесь отдаётся предпочтение, так как, по мнению французских правительственных кругов, он имеет то преимущество, что не бросается в глаза и его легче сохранить в тайне.

Неотложным и имеющим решающее значение считается здесь первый шаг — постепенное уничтожение испанского очага [1]. Наше отношение к этому должно быть до некоторой степени пробным камнем нашей дальнейшей готовности к переговорам. Мы должны уяснить себе, стоит ли в дальнейшем посылать добровольцев и военные материалы в Испанию, если это повлечёт за собой крушение французской акции в пользу соглашения. Само собой разумеется, что в первую очередь Италия, как средиземноморская держава, а затем и мы, как следующая по заинтересованности страна, должны сделать всё, чтобы воспрепятствовать поражению Франко. Но если мы и без того намерены постепенно свёртывать наше испанское предприятие, то мы могли бы из необходимости сделать добродетель и с выгодой использовать это благоприятное совпадение как начало акции в пользу соглашения.

---

[1] В оригинале: «Brandherd».

Как мне стало известно из безупречных источников, Блюм и Дельбос за сделанное нам предложение подвергаются резким нападкам со стороны следующих директивам Советов радикальных левых, которые саботируют всякую попытку достичь соглашения и которые хотели бы сделать демарш Блюма и Дельбоса поводом для их свержения. Так как в наших интересах удержать этих обоих здравомыслящих и честных людей у руля, то не рекомендуется заставлять Францию слишком долго ждать. Долгая задержка нашего ответа была бы, несомненно, воспринята здесь как оскорбление.

С немецким приветом, хейль Гитлер,

преданный Вам

ВЕЛЬЧЕК[1].

P. S. Я должен дополнить моё телеграфное донесение о беседе с Дельбосом моим ответом на его предложения. Я сказал ему, что фюрер и рейхсканцлер неоднократно протягивал французскому народу руку и делал мирные предложения без какого-либо положительного результата. Тогда у нас было в ходу выражение: протянутая рука может в конце концов устать. Дельбос ответил, что с тех пор, как он стал министром иностранных дел, не поступало никакого предложения; что касается прошлогодних предложений, то они были сделаны в неблагоприятной для мирных переговоров обстановке, а благоприятная обстановка является одним из предварительных условий успеха.

[1] Собственноручная подпись Вельчека.

№ 2

ДОНЕСЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В ПАРИЖЕ ВЕЛЬЧЕКА МИНИСТЕРСТВУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Копия. Полит. II. 546.
ГЕРМАНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО В ПАРИЖЕ.
А 658.

Париж, 18 февраля 1939 г.

1 приложение.
4 копии.

Министерству иностранных дел,
Берлин.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДОНЕСЕНИЕ.

Во время бесед, которые я имел на прошлой неделе с министром иностранных дел Боннэ о высылке и арестах немцев, я выполнил также поручение, данное мне г-ном рейхсминистром иностранных дел, а именно: выразить Боннэ наше удивление по поводу того, что он во время внешнеполитических дебатов в палате говорил относительно поддержания и, по возможности, расширения дружественных отношений Франции в Восточной и Центральной Европе и этим создал, например, у чехов и поляков, впечатление о возобновлении политики окружения, направленной против Германии. Это возвращение к так называемой политике Бенеша для нас нетерпимо.

Auswärtiges Amt

Pol.II 546 Berlin, den 8.März 1939

Abschriftlich nebst 1 Anlage

der

Deutschen Botschaft in London

Brüssel

Rom (Quir.)

San Sebastian

Moskau

Warschau

Deutschen Gesandtschaft in Belgrad

Budapest

Bukarest

Prag

-je besonders-

im Anschluß an den Erlaß vom 26.Januar 1939 -Pol.II258-
zur Kenntnisnahme übersandt.

Im Auftrag

Фотокопия разметки, приложенной к документу № 2 приложения II.

Abschrift Pol II 546

Deutsche Botschaft
Paris

Paris, den 18.Februar 1939

A 658
1 Anlage
4 Durchschläge

Politischer Bericht.

Bei Gelegenheit der Rücksprachen, die ich in der vergangenen Woche mit dem Außenminister Bonnet über Ausweisungen und Inhaftierungen von Deutschen hatte, entledigte ich mich auch des mir seitens des Herrn Reichsministers des Auswärtigen erteilten Auftrages, Bonnet unser Befremden darüber zum Ausdruck zu bringen, daß er in der außenpolitischen Kammerdebatte von der Pflege und womöglich Erweiterung der französischen Freundschaften in Ost- und Mitteleuropa gesprochen und dadurch beispielsweise bei den Tschechen und Polen den Eindruck einer Wiederaufnahme der gegen Deutschland gerichteten Einkreisungspolitik hervorgerufen habe. Dieser Rückfall in die sog.Benes - Politik sei für uns unerträglich.

Bonnet widersprach sehr lebhaft und erinnerte an die mir vor seiner Rede in der Deputiertenkammer gegebenen Erklärungen, cf. Drahtbericht vom 24.Januar Nr.30. Man könne doch, meinte er, alte Freundschaften pflegen und diese wirtschaftlich und kulturell ausbauen, ohne dem schon durch seine geopolitische Lage bevorzugten Deutschen Reich im Osten und Südosten in die Quere zu kommen. Dieses gleiche gute Recht werde Deutschland sicherlich in Spanien für sich in Anspruch nehmen, sobald dort Ruhe und Ordnung wieder hergestellt seien. Er bitte mich, dem Herrn Reichsminister des Auswärtigen die betreffende Stelle aus seiner Rede, aus der die französische Außenpolitik

Фотокопия первой страницы документа № 2 приложения II.

Боннэ возражал очень живо [1] и напомнил сделанное мне заявление до его выступления в палате депутатов (см. телеграфное донесение от 24 января, № 30). Он полагал, что можно поддерживать старые дружеские отношения и расширять их в хозяйственной и культурной областях, не препятствуя этим тому преобладанию германского рейха на востоке и юго-востоке, которым он пользуется там благодаря его геополитическому положению. На такие же законные права Германия, наверно, будет претендовать в Испании, как только там будут восстановлены мир и порядок. Он просит меня передать г-ну рейхсминистру иностранных дел соответствующую выдержку из его речи в сенате о внешней политике Франции, с которой едва ли можно не согласиться. Во время внешнеполитических дебатов в парламенте часто говорятся такие вещи, которые, очевидно, предназначены для внутреннего форума [1] и не имеют вне его никакого значения. Если французский министр иностранных дел, вопреки поднявшейся против него бури, отстоял наши, по его мнению, справедливые претензии на Судето-немецкую область и сделал для себя выводы из изменения положения в Центральной Европе, то нельзя же требовать от него, чтобы он перед парламентом совершил акт отречения по всему фронту. Если бы он это сделал, то выиграли бы от этого только подстрекатели

---

[1] В оригинале предшествующие четыре слова подчёркнуты синим карандашом.

к войне, которые обвиняли бы его в малодушии и в бахвальстве германо-французским соглашением, утверждая, что он придаёт ему большее значение, чем это можно сказать о Германии, где в речи фюрера от 30 января ни одним словом не было упомянуто о соглашении.

Я ответил Боннэ, что мы можем судить лишь по тому эффекту, который вызвала за границей его речь о внешней политике и который повредил нашим интересам на востоке и юго-востоке.

Выдержку из сенатской речи Боннэ, на которую он ссылался, я покорнейше прилагаю [1].

Подп. ***ВЕЛЬЧЕК.***

---

[1] К копии донесения Вельчека приложена выдержка из речи Боннэ по тексту, опубликованному в «Journal officiel» № 14 от 8 февраля 1939 г., стр. 103. Заявления Боннэ о готовности Франции защищать «наследие предков», свои «интересы» и свои «дружеские связи» вызвали аплодисменты, после которых Боннэ сказал: «Но так как Франция стремится охранить своё собственное достояние, то здравый смысл повелевает ей поддерживать с соседними нациями отношения настолько добрососедские, а также проникнутые доверием, насколько только возможно».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН[1]

АЙРОНСАЙД В. — английский генерал; губернатор и главнокомандующий в Гибралтаре в 1938—1939 гг.; генеральный инспектор заокеанских вооружённых сил в 1939 г.; начальник имперского генерального штаба в 1939—1940 гг. — 118, 203, 208.

АРНОЛЬД С. — лорд; в 1922 г. вступил в лейбористскую партию; заместитель министра колоний Великобритании в 1924 г.; главный казначей в 1929—1931 гг.; вышел из лейбористской партии из-за разногласий по вопросам внешней политики в 1938 г. — 113.

АСКВИТ Г. — лорд; лидер либеральной партии; премьер-министр Великобритании в 1908—1916 гг. — 42.

АТТОЛИКО Б. — итальянский дипломат; посол в Берлине в 1935—1940 гг.; позже — посол в Ватикане. — 151, 152, 156, 157.

БАККЛЕЙ В. — герцог; управляющий Королевским банком Шотландии; супер-интендант имуществ английской короны в 1937—1940 гг. — 113.

БАКСТОН Р. — английский публицист; лейборист; парламентский советник лейбористской партии. — 118—120, 123—127, 134, 218, 219.

[1] Как правило, сведения даются на то время, к которому относятся документы, содержащие упоминание о данном лице.

БАРТЛЕТТ В. — дипломатический корреспондент английской газеты «Ньюс кроникл»; основатель и редактор «Уорлд ревью». — 97.

БАТЛЕР Р. — заместитель министра иностранных дел Великобритании в 1938—1941 гг. — 132, 207, 208, 220.

БЕК Ю. — польский дипломат; министр иностранных дел в 1932—1939 гг. — 144.

БЕНЕШ Э. — министр иностранных дел в 1918—1935 гг.; президент Чехословацкой республики в 1935—1938 гг.; глава Национального Чехословацкого комитета в Париже в 1939—1940 гг.; вновь президент Чехословацкой республики с июля 1940 г. — 36, 95, 158, 176, 268.

БЕРДЖИН Э. — английский министр транспорта в 1937—1939 гг.; министр снабжения в 1939—1940 гг. — 208.

БИЗЛИ Р. — английский историк, профессор. — 113.

БИЛЬФЕЛЬД Г. — германский дипломат; первый секретарь германского посольства в Лондоне в 1935—1938 гг.; сотрудник МИД Германии в 1939 г. — 52.

БЛЮМ Л. — лидер французской социалистической партии, правый социалист; председатель совета министров в 1936—1937 гг.; заместитель председателя совета министров в 1937—1938 гг.; председатель совета министров и министр финансов в марте — апреле 1938 г. — 24, 264—267.

БОЛДУИН С. — консерватор; премьер-министр Великобритании и первый лорд казначейства в 1924—1929 гг. и в 1935—1937 гг. — 187.

БОННЭ Ж. — министр иностранных дел Франции в правительстве Даладье в 1938—1939 гг. — 268, 273, 274.

БРАУХИЧ В. — гитлеровский генерал-фельдмаршал; с 1938 по 1941 г. — главнокомандующий сухопутными силами гитлеровской Германии. — 66.

БРОККЕТ А. — лорд; член различных комиссий палаты лордов в 1938—1944 гг. — 54, 113.

БУРКАРДТ К. — верховный комиссар Лиги наций в Данциге в 1937—1939 гг. — 143.

ВАНГЕНГЕЙМ А. — барон; прусский землевладелец; член гитлеровской партии; соиздатель «Фелькишер беобахтер»; депутат рейхстага; председатель «Имперского союза объединений германских работодателей сельского и лесного хозяйства». — 233.

ВАНСИТТАРТ Р. — английский дипломат; постоянный заместитель министра иностранных дел в 1930—1938 гг.; главный дипломатический советник министерства иностранных дел в 1938—1941 гг. — 240.

ВЕБЕР В. — германский дипломат; помощник торгового атташе в Лондоне в 1936—1938 гг.; первый секретарь германского посольства в Лондоне в 1939 г. — 59.

ВЕЙЦЗЕКЕР Э. — германский дипломат; руководитель политического отдела министерства иностранных дел в 1936—1938 гг.; статс-секретарь министерства иностранных дел в 1938—1943 гг. — 35, 44, 48, 60, 103, 104, 116, 119, 155, 166, 225, 229.

ВЕЛЬК В. — германский дипломат; второй секретарь германского посольства в Лондоне в 1939 г. — 130.

ВЕЛЬЧЕК И. — граф; германский дипломат; посол в Испании в 1926—1936 гг.; посол во Франции в 1936—1939 гг. — 183, 225, 257, 267, 268, 274.

ВЕРМАН Э. — германский дипломат; руководитель политического отдела и младший статс-секретарь министерства иностранных дел в 1938—1943 гг. — 16, 21.

ВЕХТЛЕР Ф. — гитлеровский гаулейтер Баварии с 1935 г.; «хауптамтлейтер» при имперском руководстве нацистской партии и «рейхсвальтер» нацистского союза учителей. — 129.

ВИДЕМАН Ф. — капитан; адъютант Гитлера в 1935—1939 гг.; генеральный консул в Сан-Франциско в 1939—1941 гг. — 178—180.

ВИЛЬ Э. — начальник торгово-политического отдела министерства иностранных дел Германии. — 56—59, 189.

ВИЛЬСОН А. — английский политический резидент в Персидском заливе и уполномоченный «Англо-першэн ойл ком-

пани» в 1921—1932 гг.; председатель английского правительственного комитета противовоздушной обороны в 1936—1938 гг.; издатель журнала «XIX Century and After» в 1934—1938 гг. — 112, 114.

ВИЛЬСОН Г. — ближайший сотрудник Чемберлена; главный экономический советник английского правительства в 1930—1939 гг.; постоянный секретарь казначейства и начальник гражданской государственной службы в 1939—1942 гг.; Вильсон был в числе немногих советников Чемберлена во время переговоров последнего с Гитлером в сентябре 1938 г.; летом 1939 г. от имени Чемберлена вёл секретные переговоры с немцами о заключении широкого англо-германского соглашения. — 35—37, 44, 47, 48, 54, 70—77, 80, 84, 85, 100—104, 116, 118, 120, 127, 131—136, 138—142, 170, 173, 180, 183, 184, 192, 207—209, 211, 215—226.

ВОЛЬТАТ Г. — чиновник для особых поручений в ранге министериальдиректора в геринговском ведомстве по осуществлению «четырёхлетнего плана». — 70—76, 80, 84, 85, 96, 99, 100—104, 116, 120, 132—135, 139—141, 148, 165, 166, 194, 209, 212, 215—218, 220—223, 226.

ГАЛИФАКС Э. — лорд; английский военный министр в 1935 г.; министр без портфеля («лорд хранитель печати») в 1935—1937 гг.; министр иностранных дел с марта 1938 г. по декабрь 1940 г. — 23, 30, 32, 54, 95, 127, 143—147, 149, 162, 173—175, 179, 189, 193, 197, 199, 205—207, 211, 212.

ГАМИЛЬТОН Я. — английский генерал; во время первой мировой войны командовал средиземноморскими экспедиционными силами; лорд-ректор Эдинбургского университета в 1932—1935 гг.; ездил в Германию для переговоров с Гитлером в 1938 г. — 182.

ГАРВИН Д. — английский публицист; редактор газеты «Обсервер» с 1908 г.; главный редактор «Британской энциклопедии». — 39.

ГАХА Э. — президент Чехословацкой республики с ноября 1938 г.; подписал 15 марта 1939 г. акт о ликвидации независимости Чехословакии. — 197.

ГЕББЕЛЬС И. — один из главных немецких военных преступников; министр пропаганды гитлеровского правительства в 1933—1945 гг. — 128, 130, 137, 213.

ГЕВЕЛЬ — германский дипломат; начальник личного штаба министра иностранных дел Германии. — 208.

ГЕЙР фон ШВЕППЕНБУРГ Л. — барон; генерал-майор; германский военный атташе в Лондоне в 1933—1937 гг. — 208.

ГЕЛЬФЕРИХ Э. — крупный германский капиталист; до и во время гитлеровского режима возглавлял пароходную компанию «Гапаг» и германо-американскую нефтяную компанию («Deutsch-Amerikanische Petroleum-Gesellschaft») — филиал компании «Стандарт ойл»; член совета германского отделения международной торговой палаты и главного комитета съезда промышленности и торговли. — 57, 58.

ГЕНДЕРСОН Н. — английский дипломат; посол в Германии в 1937—1939 гг. — 173, 199, 200, 253.

ГЕНЛЕЙН К. — главарь гитлеровской партии в Судетской области Чехословакии, существовавшей сначала под названием «судето-германский хайматфронт» и переименованной в 1935 г. в «судето-германскую партию»; после расчленения Чехословакии был назначен рейхскомиссаром Судетской области, а затем — рейхсштатгальтером имперской области «Судетенланд». — 16, 177.

ГЕРИНГ Г. — один из главных немецких военных преступников; главнокомандующий военно-воздушными силами и министр авиации; особоуполномоченный по «четырёхлетнему плану»; приговорён Международным Военным Трибуналом в 1946 г. к смертной казни. — 59, 76, 103, 165, 178, 204, 222.

ГОГЕНЛОЭ — княгиня; неофициальный посредник в англо-германских секретных переговорах в 1938 г. — 179.

ГРИЦБАХ — германский чиновник, министериальдиректор в геринговском ведомстве по осуществлению «четырёхлетнего плана». — 59.

ДАЛАДЬЕ Э. — один из лидеров партии радикал-социалистов; министр национальной обороны и заместитель председателя совета министров Франции в 1936—1937 гг.; председатель совета министров, министр национальной обороны и министр иностранных дел в 1938—1940 гг. — 174.

ДАЛЬТОН Х. — член английского парламента; лейборист; парламентский заместитель министра иностранных дел в 1929—1931 гг.; председатель исполнительного комитета лейбористской партии в 1936—1937 гг.; министр экономической войны в 1940—1942 гг.; министр торговли в 1942—1945 гг.; министр финансов в 1945—1947 гг. — 136.

ДЕА М. — французский журналист; гитлеровский агент. — 161.

ДЕЛЬБОС И. — один из руководителей французской партии радикал-социалистов; министр иностранных дел в 1936—1937 гг. и в марте — апреле 1938 г. — 262, 265, 267.

ДИККИН — сотрудник газеты «Таймс». — 113.

ДИРКСЕН Г. — германский дипломат; крупный помещик; посол в Москве с ноября 1928 г. по август 1933 г.; посол в Японии с сентября 1933 г. по февраль 1938 г.; посол в Англии с 31 марта 1938 г. по 3 сентября 1939 г. — 11, 15, 16, 22, 34, 35, 38, 43, 44, 51, 59—62, 69, 70, 76—78, 83, 84, 86, 99, 100, 102, 103, 107, 115, 116, 118—120, 128, 130, 131, 142, 143, 150—152, 155—157, 164, 165, 169, 185, 229, 233, 239, 240, 243, 250, 254.

ДИТРИХ О. — статс-секретарь министерства пропаганды и начальник по делам печати при гитлеровском правительстве в 1937—1945 гг. — 130.

ДОУСОН Г. — редактор английской газеты «Таймс» в 1912—1919 и в 1923—1941 гг. — 112, 113.

ЗЕЛЬЦАМ Э. — советник германского посольства в Лондоне в 1938—1939 гг. — 54, 86.

ИДЕН А. — один из лидеров английских консерваторов; министр иностранных дел с декабря 1935 г. по февраль 1938 г.; министр по делам доминионов в 1939—1940 гг.; позже в кабинете Черчилля — военный министр в 1940 г. и министр иностранных дел в 1940—1945 гг. — 26, 27, 94, 173, 185, 211, 262.

ИСМЕЙ Х. — английский генерал; секретарь комитета имперской обороны в 1938 г.; заместитель секретаря военного кабинета в 1939—1945 гг.; начальник штаба министра обороны в 1940—1946 гг. — 113.

КАДОГАН А. — английский дипломат; помощник заместителя министра иностранных дел в 1936—1937 гг.; постоянный заместитель министра иностранных дел в 1938—1946 гг. — 84, 179.

КАЗАЛЕТ В. — член английского парламента. — 114.

КАРЛОВА Р. — чиновник германского министерства иностранных дел в ранге генерального консула. — 204.

КЕМСЛИ Д. — лорд; крупный капиталист; владелец газет: «Санди таймс», «Санди кроникл», «Санди эмпайр ньюс» и др. — 128—130.

КЕННЕДИ О. — дипломатический обозреватель английской газеты «Таймс». — 113.

КИНГ-ХЭЛЛ С. — английский публицист; член лейбористской партии до 1942 г.; в 1936 г. организовал издательство «Нэшэнел ньюс леттер»; член парламента в 1939—1945 гг. — 94, 95, 213.

КОРДТ Т. — германский дипломат; советник германского посольства в Лондоне в 1938—1939 гг. — 35, 37, 38, 42, 43, 48, 51—53, 55, 77, 86, 119, 127, 130, 132, 134, 150, 207, 218, 220.

КРЕНФИЛЬД А. — редактор «Дейли мейл». — 11, 15.

КУИНБОРО А. — лорд; директор промышленных предприятий в США; член правительственного комитета по контролю над судоходством нейтральных стран. — 113.

КУПЕР А. ДАФФ — военный министр Великобритании в 1935—1937 гг.; первый лорд адмиралтейства в 1937—1938 гг.; министр информации в 1940—1941 гг.; министр без портфеля в 1941—1943 гг.; представитель английского правительства при Французском комитете национального освобождения в 1943—1944 гг.; посол во Франции в 1944—1947 гг. — 97, 185, 186, 199, 211.

ЛЕЙ Р. — один из главных немецких военных преступников; руководитель гитлеровского «трудового фронта». — 182.

ЛЕЙТ-РОСС Ф. — главный экономический советник английского правительства с 1932 г.; генеральный директор министерства экономической войны в 1939—1942 гг. — 190.

ЛЕНСДАУН — лорд; лидер консервативной партии; министр иностранных дел Великобритании в 1900—1905 гг. — 123.

МАРКАУ — председатель англо-германской торговой палаты в Лондоне. — 56, 58, 59.

МЕЙСНЕР О. — начальник канцелярии президента Германской республики с 1919 по 1934 г.; с 1934 г. — начальник канцелярии рейхсканцлера. — 182.

МОР Т. — консерватор; член английского парламента. — 114.

МОТТИСТОН Д. — лорд; генерал-майор; ушёл в отставку в 1922 г.; председатель комитета национальных сбережений в 1926—1943 гг. — 209.

МУССОЛИНИ Б. — главарь итальянского фашизма; с 1922 по 1943 г. — премьер-министр и фактический диктатор Италии; казнён итальянскими патриотами в 1945 г. — 126, 130, 192.

НЕЙРАТ К. — один из главных немецких военных преступников; министр иностранных дел Германии в 1932—1938 гг.; «протектор Богемии и Моравии» в 1939—1943 гг.; приговорён Международным Военным Трибуналом к 15 годам тюремного заключения. — 181, 257.

НИКОЛЬСОН Г. — сын выдающегося английского дипломата Артура Никольсона; автор работ по истории дипломата-

тии; парламентский секретарь министерства информации в 1940—1941 гг. — 244.

НИМЕЛЛЕР М. — пастор германской протестантской церкви; в 1937 г. был арестован гитлеровскими властями. — 23.

НОЭЛЬ-БАКСТОН Н. — барон; видный член лейбористской партии; министр земледелия и рыболовства в 1924 и в 1929—1930 гг. — 113.

ОВ-ВАХЕНДОРФ В. — германский дипломат; посланник в Каире в 1936—1939 гг. — 243, 249, 250.

ПЛИМУТ И. — лорд; парламентский заместитель министра иностранных дел Великобритании в 1936—1939 гг.; председатель Международного комитета по вопросам невмешательства в дела Испании. — 43.

РЕНСИМЕН В. — лорд; национал-либерал; министр торговли Великобритании в 1931—1937 гг.; председатель тайного королевского совета в 1938—1939 гг.; глава английской миссии, посланной в Чехословакию в 1938 г. — 60, 180—182, 188, 189, 207.

РИББЕНТРОП И. — один из главных немецких военных преступников; посол в Лондоне в 1936—1938 гг.; с февраля 1938 г. и до краха гитлеровской Германии — рейхсминистр иностранных дел; казнён по приговору Международного Военного Трибунала в 1946 г. — 99, 155, 193.

РИВЕРДЭЛЬ А. — лорд; член англо-японского комитета по торговым сношениям в 1937 г.; председатель комитета промышленности и торговли Великобритании. — 57, 58.

РОЗЕНБЕРГ А. — один из главных немецких военных преступников; руководитель внешнеполитической службы гитлеровской партии; главный редактор «Фелькишер беобахтер» в 1919—1938 гг.; министр по делам восточных оккупированных областей в 1941—1944 гг.; казнён по приговору Международного Военного Трибунала в 1946 г. — 128—130.

РОТЕРМИР Г. — глава английского газетного треста; владелец газеты «Дейли мейл»; начальник отдела печати

министерства информации Великобритании в 1939 г. — 11, 12, 15.

РУЗВЕЛЬТ Ф. — президент США в 1933—1945 гг. — 210, 263.

РЫДЗ-СМИГЛЫ Э. — польский маршал; преемник Пилсудского; генеральный инспектор вооружённых сил Польши в 1935—1939 гг. — 88, 144.

САЙМОН Дж. — национал-либерал; министр иностранных дел Великобритании в 1931—1935 гг.; министр внутренних дел в 1935—1937 гг.; министр финансов в 1937—1940 гг. — 40, 185.

САНДИС Д. — зять У. Черчилля; консерватор; член парламента; служил в английском посольстве в Берлине в 1930 г.; в МИД — в 1932—1933 гг.; в 1933 г. ушёл с дипломатической службы. — 28, 31.

САРДЖЕНТ О. — английский дипломат; помощник заместителя министра иностранных дел в 1933—1939 гг. — 84, 85.

СМАРТ В. — английский дипломат; советник английского посольства в Каире по делам Среднего Востока в 1929—1946 гг. — 244.

СТЕНЛИ О. — министр торговли Великобритании в 1937—1939 гг.; военный министр в 1940 г. — 40, 190, 191, 194, 197.

СТРЭНГ В. — английский дипломат; советник министерства иностранных дел; заведующий департаментом Центральной Европы в 1938—1939 гг.; 14 июня 1939 г. прибыл в Москву для участия в англо-франко-советских переговорах. — 54.

СТЮАРТ — генеральный директор министерства информации Великобритании в 1939 г. — 192.

СУИНТОН Ф. — с 1935 г. виконт Мэшем; министр колоний Великобритании в 1931—1935 гг.; министр авиации в 1935—1938 гг. — 28, 31, 178.

ТИЛЕА В. — румынский дипломат; посланник в Лондоне в 1939—1940 гг. — 200.

УИНТЕРТОН Э. — лорд; министр без портфеля («канцлер герцогства Ланкастерского») в 1937—1939 гг.; заместитель министра авиации Великобритании в марте — мае 1938 г.; заместитель министра внутренних дел в июне 1938 г.; министр почты и телеграфа в 1939 г. — 28, 31, 178.

ФОРСТЕР Д. — германский дипломат; советник германского посольства в Париже в 1932—1937 гг. — 265.

ФРАНКО Ф. — глава мятежного фашистского правительства в Испании; с 1939 г. — фашистский диктатор Испании. — 43, 240, 266.

ФРАНСУА-ПОНСЭ А. — французский дипломат; посол в Берлине в 1931—1938 гг.; посол в Риме в 1938—1940 гг.— 264.

ФУКС К. — издатель газеты «Данцигер нёйсте нахрихтен». — 112, 214.

ФУНК В. — один из главных немецких военных преступников; рейхсминистр хозяйства и с 1939 г. преемник Шахта по должности президента рейхсбанка; приговорён к пожизненному заключению Международным Военным Трибуналом в 1946 г. — 189, 190.

ХАДСОН Р. — консерватор; на дипломатической службе с 1911 по 1923 г.; парламентский секретарь министерства труда Великобритании в 1931—1935 гг.; министр социального страхования в 1935—1936 гг.; парламентский секретарь министерства здравоохранения и представитель министерства общественных работ в палате общин в 1936—1937 гг.; министр внешней торговли в 1937—1940 гг.; министр земледелия и рыболовства в 1940—1945 гг. — 57—59, 70—72, 75, 80, 84, 85, 96, 97, 100, 101, 132, 135, 140, 148, 189, 212, 216—218.

ХАФЕРКОРН — профессор. — 113, 114, 214.

ХЕММИНГ Ф. — секретарь Международного комитета по вопросам невмешательства в дела Испании в 1936—1939 гг. — 44.

ХЕССЕ Ф. — германский дипломат; советник по делам печати германского посольства в Лондоне в 1938—1939 гг. — 62, 86, 87, 98, 114, 130, 192.

ХОДАЦКИЙ М. — польский дипломат; генеральный комиссар Польши в Данциге в 1937—1939 гг. — 143.

ХОР С. — ныне лорд Темпльвуд; консерватор; министр по делам Индии в 1931—1935 гг.; министр иностранных дел в 1935 г.; первый лорд адмиралтейства в 1936—1937 гг.; министр внутренних дел в 1937—1939 гг.; «лорд хранитель печати» в 1939—1940 гг.; министр авиации в 1940 г.; посол в Испании со специальной миссией в 1940—1944 гг. — 185, 186.

ХОР-БЕЛИША Л. — парламентский секретарь министерства торговли Великобритании в 1931—1932 гг.; финансовый секретарь казначейства в 1932—1934 гг.; министр транспорта в 1934—1937 гг.; военный министр в 1937—1940 гг. — 31.

ЧАЙЛДС У. — английский генерал; участник первой мировой войны; в отставке с 1922 г. — 114.

ЧЕМБЕРЛЕН Н. — лидер английской консервативной партии; крупный капиталист; премьер-министр в 1937—1940 гг. — 23, 26—32, 35, 36, 39, 41, 47, 52—55, 69, 72, 92, 93, 97, 101, 102, 120, 127, 129, 130, 135—137, 145, 149, 159, 162, 170, 173, 180—183, 185, 188, 192, 196—199, 205—207, 209, 210, 212, 215, 216, 219, 221—224.

ЧЕРЧИЛЛЬ У. — лидер английской консервативной партии; в 1937—1939 гг. — вне правительства; первый лорд адмиралтейства в 1939—1940 гг.; премьер-министр в 1940—1945 гг. — 27, 80, 185, 211.

ЧЕТФИЛЬД А. — лорд; адмирал флота; первый морской лорд и начальник штаба военно-морского флота Великобритании в 1933—1938 гг.; председатель комиссии экспертов по обороне Индии в 1938—1939 гг.; министр координации обороны в 1939—1940 гг. — 207, 208.

ЧИАНО Г. — итальянский министр иностранных дел в 1936—1943 гг.; член «Большого фашистского совета» с 1939 г. — 152, 225.

ШАХТ Я. — один из главных немецких военных преступников; президент рейхсбанка с 1923 по 1930 г. и с 1933 по 1939 г. — 60, 188, 265.

ШЛИТТЕР О. — второй секретарь германского посольства в Лондоне в 1937—1939 гг. — 51.

ШУШНИГ К. — один из лидеров австрийской католической «христианско-социальной» партии; канцлер Австрийской республики в 1934—1938 гг. — 158.

ШТУММ Ф. — германский дипломат; крупный промышленник. — 240, 242.

ЭМЕРИ Л. — публицист; консерватор; первый лорд адмиралтейства в 1922—1924 гг.; министр колоний Великобритании в 1924—1929 гг.; министр по делам доминионов в 1925—1929 гг.; министр по делам Индии и Бирмы в 1940—1945 гг. — 211.

ЭРРИО Э. — радикал-социалист; председатель совета министров Франции в 1924—1925 и 1926 гг.; вновь председатель совета министров и министр иностранных дел в 1932 г.; председатель палаты депутатов в 1936—1942 гг. — 249.

ЭШТОН-ГУЭТКИН Ф. — английский дипломат; советник министерства иностранных дел с 1934 г.; был прикомандирован к миссии Ренсимена (в Чехословакию) в 1938 г.; политический советник министерства экономической войны в 1939 г.; помощник заместителя министра иностранных дел в 1940—1944 гг. — 59, 60.

Подписано к печати 11 марта 1948 г. А00626. Объём 18 п. л.
Тираж 100 тыс. экз. Уч.-изд. л. 8,4. Заказ № 7881. Цена 8 руб.

1-я Образцовая типография треста «Полиграфкнига» Огиза при Совете Министров СССР. Москва, Валовая, 28.

8 руб.

ОГИЗ • ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1946